

— СМОТРИМ ФИЛМЫ —
— ЧИТАЕМ КНИГУ —

Джессика Брудер

ЗЕМЛЯ КОЧЕВНИКОВ

t.me/marketologmanager

Джессика Брудер

Земля кочевников

Издано с разрешения Jessica Bruder c/o The Joy Harris Literary Agency, Inc. и Andrew Nurnberg Associates International Ltd. c/o Andrew Nurnberg Literary Agency

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав

© Jessica Bruder, 2017. By arrangement with the Author. All rights reserved.

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

Дейлу

Везде есть трещины. Сквозь них свет
проникает внутрь.

Леонард Козн

Капиталисты не желают, чтобы кто-либо
наживался на их жадности.

Автор неизвестен, Azdailysun.com

Предисловие

Я пишу это, а они рассеяны по стране...

В Драйтоне бывший водитель такси из Сан-Франциско шестидесяти семи лет от роду трудится на ежегодном сборе сахарной свеклы. Он работает от рассвета до заката, на холоде, разгружая машины, которые приезжают с полей с многотонным грузом. По ночам он спит в автофургоне, который стал его домом с тех пор, как Uber выжила его из водительской сферы и платить за квартиру стало нечем.

В Кэмпбелсвилле бывшая генеральная подрядчица шестидесяти шести лет раскладывает товар во время ночной смены на складе Amazon. Ее тележка проезжает километры по бетонному полу. Работа отупляет. Женщина как можно тщательнее проверяет каждую единицу товара, боясь, что ее уволят. Утром она возвращается в свой крошечный трейлер, приютившийся в одном из парков для автофургонов, которые заключили контракт с Amazon, чтобы там селились кочующие работники вроде нее.

В Нью-Берне женщина, домом которой стал каплевидный трейлер – такой маленький, что его может тянуть за собой мотоцикл, – временно живет у друга и отчаянно ищет работу. Даже с дипломом магистра тридцатилетняя уроженка Небраски не может никуда устроиться, несмотря на сотни заполненных заявлений – и это только за последний месяц. Она знает, что нужны люди на сбор сахарной свеклы, но путешествие через полстраны потребует больше денег, чем у нее есть. Несколько лет назад она потеряла должность в некоммерческой организации. Это одна из главных причин, почему она переселилась в трейлер. Финансирование организации сократили, денег на ее гонорар не хватало, и теперь она не могла платить за квартиру, тем более что ей необходимо еще возвращать кредит за образование.

В Сан-Марко пара тридцати с небольшим, живущая в доме на колесах 1975 года выпуска, держит придорожный стенд с тыквами и контактный зоопарк для развлечения детей, который они должны были развернуть за пять дней на грязном бесхозном пустыре. Через несколько дней они переключатся на продажу рождественских елок.

В Колорадо-Спрингс семидесятидвухлетний обитатель автофургона, сломавший три ребра во время ремонтных работ на открытом воздухе, успевает немного передохнуть, когда гостит у своей родни.

Скитальцы, бродяги, беспокойные души существовали всегда. Но сейчас, в третьем тысячелетии, появляется новое странствующее племя. Это люди, которые никогда не думали, что станут кочевниками, но у которых все дни проходят в дороге. Они отказываются от привычных домов и квартир, чтобы жить в том, что называют «домами на колесах»: автофургонах, больших и маленьких, школьных автобусах, прицепах и обычных седанах. Они бегут от неумолимого выбора, который встает перед представителями некогда среднего класса. Им нужно принимать непростые решения.

«Что ты выберешь, еду или зубные пломбы? Заплатишь по кредиту или по счету за электричество? Выплатишь кредит за машину или купишь лекарства? Заплатишь за квартиру или по кредиту за обучение? Купишь теплую одежду или будешь платить за бензин?»

Многим ответ сначала кажется слишком жестким.

«Тебе неоткуда взять больше денег, но ты можешь урезать свой главный расход. Может, променять бетонную коробку на жизнь на колесах?»

Некоторые зовут их бездомными. Новые кочевники не признают это определение. У них есть и крыша над головой, и транспортное средство, и они решили называть себя иначе. Сами они говорят, что у них просто нет недвижимости.

При поверхностном знакомстве многих из них легко принять за беззаботных путешественников почтенного возраста. На праздники они балуют себя походом в кино или ресторан, смешиваются с толпой. Их внешность и образ мышления типичны для среднего класса. Они стирают одежду в дешевых прачечных и посещают фитнес-клубы, чтобы принять там душ. Многие отправились в дорогу, когда их сбережения съел финансовый кризис. Чтобы успевать кормить себя и своего четырехколесного друга, они трудятся сверхурочно на тяжелой физической работе. Во времена фиксированных окладов и растущих

арендных плат они сбросили с себя оковы платежей и кредитов, просто чтобы жить дальше. Они выживают в Америке.

Но им – как и всем людям – недостаточно просто выживать. И то, что поначалу выглядело как последнее отчаянное усилие, превратилось в боевой клич в погоне за чем-то большим. Быть человеком – значит желать большего, чем простое существование. Надежда нам необходима не меньше, чем еда и убежище.

И дорога дарит надежду. Это побочный продукт импульса роста. Ощущение новых возможностей, широкое, как Америка. Глубокое убеждение, что грядет нечто лучшее. Оно впереди, в следующем городе, на следующей работе, в новой судьбоносной встрече с незнакомцем.

Порой некоторые из этих незнакомцев такие же кочевники. И когда они встречаются – в Сети, на работе или в неофициальных поселениях, – начинают складываться племена. Их объединяет общий взгляд на жизнь, это кланы. Когда чей-то фургон ломается, он просит помощи у своих. Это круговая порука. Есть ощущение, что происходит нечто важное. Страна стремительно меняется, старые системы рушатся, и эти люди в эпицентре чего-то нового. Посиделки вокруг общего костра в ночи порой ощущаются как жизнь на утопическом острове.

Я пишу это осенью. Скоро придет зима. Сезонные работы, как обычно, приостановятся. Кочевники свернут лагерь, вернуться в свой настоящий дом – на дорогу – и потекут, как клетки крови, по жилам страны. Они отправятся на поиски друзей и семьи – или просто места, где тепло. Кто-то пустится в путешествие через весь континент. Все они будут проезжать километр за километром по дороге-киноленте об Америке. Заведения фастфуда и торговые центры. Поля, спящие под снегом. Автосалоны, церковные комплексы и круглосуточные кафе. Безликие равнины. Фермы, мертвые заводы, земельные участки и гипермаркеты. Снежные шапки гор. Обочина проносится мимо, целый день и до темноты, пока усталость не возьмет свое. Со слипающимися глазами они ищут, где бы им съехать с дороги и отдохнуть. Парковки у торговых центров. Тихие пригородные улочки. Стоянки, сон под колыбельную двигателей. А затем, ранним утром – пока никто не видит, – они возвращаются на шоссе. Когда они в дороге, они чувствуют себя спокойно, уверены в завтрашнем дне.

Последний оплот свободы в Америке – парковка.

Часть I

Глава 1. Гостиница «В тесноте»

На предгорной автостраде, почти в часе езды от Лос-Анджелеса, горная цепь нависает над потоком машин с севера. Это край цивилизации. Эта глушь – южный край гор Сан-Бернардино, «высоких крутых утесов», по выражению Геологической службы США^[1]. Это часть массива, который начал расти одиннадцать миллионов лет назад вдоль разлома Сан-Андреас и растет до сих пор, прибавляя по несколько миллиметров каждый год по мере того, как трутся Тихоокеанская и Североамериканская тектонические плиты^[2]. Однако, когда едешь прямо к горам, пики вырастают значительно быстрее. От такого вида хочется сесть прямее, а грудная клетка словно расширяется, будто легкие накачали гелием и вы вот-вот взлетите.

Линда Мэй крепко держит руль и смотрит на приближающиеся горы сквозь двухфокусные очки в розовой оправе. Ее седые волосы, падающие на плечи, закреплены на висках пластиковыми заколками. Она сворачивает с Футхилл-Фривэй на автостраду 330, она же Сити-Крик-Роуд. Вскоре дорога становится плоской и широкой. Затем она поднимается вверх, становясь узкой, извилистой и всего лишь двухполосной, уходя в глубь леса Сан-Бернардино.

Шестидесятичетырехлетняя бабушка едет на джипе Grand Cherokee Laredo, который был в очень плачевном состоянии, когда она купила его с рук. Аварийная сигнализация пошаливает: у нее есть нехорошая привычка мигать, когда на самом деле всё в порядке, а если приглядеться, то можно заметить, что краска на когда-то смятом и замененном капоте слегка другого оттенка. Но после многомесячной реставрации машина снова на ходу. Механик поставил новый распределительный вал и поршни. Линда как могла облагородила машину: вытерла пыльные фары старой футболкой, пропитанной средством от насекомых (такая вот бытовая хитрость). Впервые джип тянет за собой дом Линды: крошечный бледно-желтый фургончик, который она сама зовет гостиницей «В тесноте». (Если посетители не сразу понимают смысл названия, Линда добавляет: «Номер маленький, но, как говорится, в тесноте да не в обиде!» – и улыбается, а ее лицо прорезают глубокие морщины.) Фургончик – стеклопластиковый

реликт, Hunter Compact II выпуска 1974 года, поначалу продававшийся под лозунгом «лучшее приобретение для веселого путешествия», которое «послушно, как котенок, последует за вами по шоссе и, словно тигр, проложит себе путь по тернистой дороге»^[3]. Спустя сорок лет гостиница «В тесноте» являет собой очаровательный капсульный дом в стиле ретро: коробка со скругленными углами и покатыми боками, геометрической формой напоминающая картонные контейнеры для гамбургеров в ресторанах быстрого обслуживания. Внутри от стены до стены чуть больше трех метров – примерно таких же параметров была карета, в которой прапрапрабабушка Линды ездила по стране в позапрошлом веке. В капсуле чувствуется отпечаток стиля 1970-х: подбитая ватином искусственная кожа кремового цвета по стенам и на потолке, на полу линолеум с рисунком горчицы и авокадо. Высота фургончика как раз позволяет Линде стоять не сгибаясь. Купив этот трейлер на аукционе за 1400 долларов, Линда рассказала о нем в Facebook. «Он 5,3 фута в высоту, а я – 5,2^[4], – писала она. – Идеально».

Линда буксирует гостиницу «В тесноте» вверх по склону к Hanna Flat – лагерю, разбитому в сосновом лесу к северо-западу от озера Биг-Бэр (Большое Медвежье). Сейчас май, и она планирует пробыть там до сентября.

Но, в отличие от тысяч теплолюбивых туристов, которые ради удовольствия каждый год приезжают в Национальный лес Сан-Бернардино – девственные природные просторы, по площади превышающие штат Род-Айленд, – Линда едет сюда по работе. Это ее третье лето в должности смотрительницы лагеря: сезонная вакансия, объединяющая обязанности уборщицы, бухгалтера, кассира, охранника и администратора. Она уже предвкушает, как приступит к делу; в этот раз она, как вновь вернувшийся работник, получит прибавку, и ее почасовая оплата увеличится до 9,35 доллара, а это на 20 центов больше, чем в прошлом году. (Минимальная заработная плата в Калифорнии составляет 9 долларов в час.) И хотя она и другие вожатые нанимаются «по желанию», согласно письменно утвержденной кадровой политике компании – а это значит, что их могут уволить «в любое время – как при наличии, так и при отсутствии оснований», – ей было сказано, что стоит готовиться к полноценным сорока часам работы в неделю.

Некоторые из тех, кто впервые поступает на эту работу, полагают, что их ждет оплачиваемый отпуск в райском уголке. Не стоит винить их за это. Рекламные проспекты пестрят фотографиями сверкающих ручьев и усыпанных полевыми цветами лугов. На брошюре для California Land Management – частной конторы, которая наняла Линду, – седовласые женщины счастливо улыбаются на фоне залитого солнцем побережья озера, рука в руке, точно лучшие друзья на летнем отдыхе. «Получите деньги за поездку в лагерь!» – зазывает рекламный баннер American Land & Leisure, еще одной компании, которая набирает зрителей. Под заголовком красуются отзывы: «По словам персонала, никогда не было так весело на пенсии!», «Здесь мы нашли лучших друзей», «Мы давно не чувствовали себя так хорошо»^[5].

Случается, и довольно часто, что новички уклоняются от обязанностей – или увольняются, – столкнувшись с менее привлекательными сторонами работы: нянчиться с пьяными, буйными гостями, выгребать из кострищ горы пепла и битого стекла (некоторым хулиганам нравится бросать в огонь бутылки, чтобы те взрывались) и три раза на дню убирать участки. Чистить туалеты – наименее приятная обязанность из всех, но Линду она не смущает. Она даже немного гордится тем, что у нее хорошо получается. «Я хочу, чтобы они были чистыми, потому что постояльцы ими пользуются, – говорит она. – Я не гермафоб – просто надеваешь пару резиновых перчаток и вперед».

Когда Линда добирается до гор Сан-Бернардино, изумительный вид на долину начинает ее отвлекать. Обочина такая узкая, что ее едва ли можно так назвать. Это почти обрыв. На некоторых участках за полоской асфальта, прилепившейся к склону, нет совсем ничего. Знаки предупреждают водителей: «Возможен оползень» и «Во избежание перегрева двигателя отключите кондиционер на следующем участке в 14 миль^[6]». Но Линду это не тревожит. Коварные дороги не смущают ее, водителя с почти двадцатилетним стажем.

Я еду в кемпере прямо перед Линдой. Будучи журналисткой, я в течение полутора лет налетами приезжала к ней. В перерывах между личными встречами мы столько разговаривали по телефону, что теперь при каждом звонке я уже заранее жду ее знакомое приветствие еще до того, как она возьмет трубку. Это мелодичное «Приве-е-ет!», примерно

с тем же напевом, с каким я говорю «Ку-ку!», когда играю в прятки с ребенком.

Впервые я встретила Линду, когда занималась исследованием стремительно растущей американской субкультуры кочевников: людей, которые дни напролет проводят в дороге. Как и Линда, многие из этих неприкаянных душ искали спасения от экономического парадокса: тандема растущих цен на жилье и фиксированных зарплат – неустрашимой силы, надвигающейся на недвижимый объект. Они чувствовали, что попали в тиски, сутками трудясь на утомительных, тянущих жилы работах за зарплату, которая едва покрывала стоимость аренды или ипотечный взнос, без всякой надежды в дальнейшем улучшить свое положение и без гарантий какой-либо пенсии.

Это ощущение основывалось на суровом факте: зарплаты и цены на жилье расходились так резко, что с учетом растущего населения Америки мечта о спокойной жизни среднего класса превратилась из труднодостижимой в несбыточную. На тот момент, когда я пишу эти строки, в Америке только десяток округов и один город, где работник, получающий минимальную оплату за полный день, может позволить себе однокомнатную квартиру по реальным рыночным ценам^[7]. Нужно зарабатывать минимум 16,35 доллара в час – это более чем вдвое превышает минимальную федеральную зарплату, – чтобы снимать такую квартиру, не тратя на жилье более рекомендованных 30 процентов дохода. Последствия катастрофические, особенно для каждого шестого американского семейства, у которого на жилье уходит более половины дохода. Для многих малоимущих семей это означает, что на еду, лекарства и другие необходимые вещи остается очень мало или вообще ни цента^[8].

Многие из тех, кого я встречала, считали, что слишком долго играли в одни ворота. И они нашли способ сломать систему. Они отказались от привычных «коробок» и сбросили с себя оковы арендной платы и кредитов. Они переселились в фургоны, грузовички и трейлеры, путешествуют с места на место вслед за хорошей погодой и зарабатывают себе на полный бак на сезонных работах. Линда – представитель этого племени. Она едет на запад, и я следую за ней.

Когда начинается крутой подъем на горы Сан-Бернардино, восторг от вида горных пиков испаряется. Мне вдруг становится тревожно. Меня слегка пугает мысль о том, что сейчас нужно будет скакать

вверх-вниз на моем неповоротливом грузовичке. И мне страшно смотреть, как Линда тащит гостиницу «В тесноте» за своим кряхтящим и дребезжащим джипом. Она заранее предложила мне ехать впереди нее. Она хотела быть в хвосте. Но почему? Она боится, что трейлер может отцепиться и съехать вниз? Я так и не узнала.

Когда первый указатель на Национальный лес Сан-Бернардино оказывается позади, за гостиницей «В тесноте» нарисовывается бензовоз. Кажется, его водителю не терпится уехать вперед. Он слишком близко держится к Линде, когда они въезжают на извилистый участок дороги и ее машина исчезает из моего поля зрения. Я продолжаю высматривать ее джип в зеркало заднего вида. Он не появляется, когда дорога становится прямой. Только бензовоз вновь показывается на проезжей части. Линды нигде не видно.

Отъехав в сторону, я набираю ее номер в надежде услышать знакомое «Приве-е-ет». Звонок идет и идет, затем включается автоответчик. Я останавливаю грузовичок, выскакиваю из него и быстро иду вдоль дороги. Звоню снова. Еще машины – на этот раз больше, штук шесть – выезжают из-за поворота и едут по прямой, мимо меня. Я стараюсь подавить тошноту, сильное волнение быстро переходит в панику по мере того, как текут минуты. Гостиница «В тесноте» исчезла.

Много месяцев Линда ждала, когда она наконец снова пустится в дорогу и будет работать смотрительницей лагеря. Она изнывала от тоски в Мишен-Вьехо – городке в сотне километров к юго-востоку от Лос-Анджелеса, – живя в доме, который снимали ее дочка и зять, Одра и Коллин, вместе с их тремя детьми-подростками. Спален на всех не хватало, и ее внук Джулиан вынужден был спать в коридорчике за кухней. (Но это жилище было лучше прошлого, где гардеробная служила спальней для двух ее внучек.)

Линда ютилась на том, что было: диванчике в прихожей. Она жила всё равно что на отрезанном от мира острове. Как бы она ни любила своих родных, среди них она чувствовала себя потерянной, тем более когда ее джип никак не мог покинуть ремонтную мастерскую. Когда ее близкие собирались отправиться куда-нибудь без нее, по пути к двери

им неизбежно нужно было пройти мимо диванчика Линды. Из-за этого все чувствовали себя неловко. Линда беспокоилась: «Им стыдно из-за того, что они проводят время без меня?» К тому же она скучала по своей независимости. «Я лучше буду царствовать в своем доме, чем жить в чужом под началом кого-то другого, пусть и собственной дочери», – говорила она мне.

У родных была уйма проблем – эмоциональных и физических, – отчего Линде еще меньше хотелось просить у них помощи. Ее внучка Габби была слаба здоровьем, в течение трех лет она порой вообще не вставала с постели из-за непонятных сбоев нервной системы. Позже обследование выявило синдром Шегрена, аутоиммунное заболевание. У Джулиана, ее внука, был сахарный диабет первого типа. Ее дочь, Одра, мучилась артритом. И, как будто этого было недостаточно, Коллин, кормилец семьи, с недавнего времени стал страдать сильными мигренями и головокружением, и ему пришлось уйти с работы в офисе.

В какой-то момент Линда подумывала устроиться на сезонную работу на склад Amazon через CamperForce – программу, которую интернет-магазин создал специально для найма временного персонала. Но годом ранее она выполняла схожую работу, и закончилось это туннельным синдромом, вызванным частым использованием портативного сканера штрихкодов. Остался видимый след: шишка размером с виноградину на правом запястье. Но хуже всего было то, чего нельзя увидеть глазом: пронизывающая боль, расходящаяся по всей длине руки, от большого пальца и запястья до локтя и плечевого сустава прямо в шею. Достаточно было поднять чашку с кофе или сковородку, чтобы спровоцировать мучительную судорогу. Сама Линда считала, что это воспаление сухожилий, но это никак не могло помочь делу. А не вылечившись, она не могла вернуться на эту работу.

Разбитая и привязанная к своему диванному архипелагу Линда старалась думать о будущем в качестве хозяйки – и единственного жильца – гостиницы «В тесноте». До того как осесть со своей семьей, она путешествовала от работы до работы на кемпере El Dorado 1994 года выпуска и 8,5 метра в длину, который жадно поглощал бензин и грозил рассыпаться на части. Поэтому сокращение жилплощади до крошечного фургончика пришлось ей по душе, хотя гостинице «В тесноте» и требовался ремонт. Прежние владельцы

бросили ее на соленом побережье штата Орегон, и некоторые металлические части заржавели; буро-рыжие следы исполосовали стеклопластиковый корпус. Линда пустила свое не востребовавшее время на многочисленные улучшения дома на колесах. В первую очередь нужно было приготовить чистящее средство (в состав которого входил секретный ингредиент: яичная скорлупа, смолотая в блендере), чтобы убрать ржавые разводы. Во вторую – обустроить уютную кровать. У задней стены трейлера располагалась мини-кухня: Линда убрала стол и вырезала основу из картона, расположив ее поверх скамеек. Когда в соседском мусорном баке обнаружился большой, мягкий, на вид абсолютно новый матрас, Линда утащила его себе. Разрезав его, она вышвырнула все до единой пружины, точно рыбак, потрошащий особо крупную рыбину. Затем она вытащила слой за слоем набивку, маркером провела контур, чтобы он соответствовал картонному лекалу, и отрезала всё лишнее ножом для ковров. Так же обрезав внешнюю ткань, она заново сшила чехол – обшив его и украсив, как полагается, – и вновь набила, тем самым получив идеальный мини-матрас размером 183 на 92 сантиметра. «Я подумала, что если сделать уже, то будет не очень удобно спать на нем вместе с моей подружкой, – говорила она мне, кивая на Коко, свою собачку породы кавалер-кинг-чарльз-спаниель. – Поэтому я оставила ширину для нас двоих».

За день до того, как Линда отправилась в Hanna Flat, я спросила ее, рада ли она. Она посмотрела на меня так, словно я спросила ее о чем-то само собой разумеющемся. «Ну конечно! – ответила она. – У меня не было машины. Не было денег. Я застряла на этом диване». Ее пенсии в 524 доллара хватит, чтобы дотянуть до первой зарплаты на новой работе^[9]. Линда готова к тому, что мир вновь распахнется перед ней после того, как съезжился до размеров дивана. Слишком долго она была лишена привычной свободы, и это только усиливало нахлынувшее волной ощущение новизны и возможностей, которое приходит в дороге. Настало время отправляться в путь.

Утро 6 мая было тихим и пасмурным. Линда обняла родных на прощание. «Я позвоню, когда буду на месте», – пообещала она. Линда погрузила Коко в джип и была такова. Сначала она направилась в ремонтную мастерскую, где ей подкачали разномастные, потрескавшиеся и потертые шины. Запасных у нее не было.

Следующей остановкой была заправка. Линда залила полный бак и зашла внутрь – расплатиться за бензин и купить пару пачек красных Marlboro за 100 долларов. Молодой работник кивал, когда она начала вспоминать, как подростком покупала бензин по цене четверть доллара за галлон (3,7 литра) – можно сказать, даром, по сравнению с текущей ценой в 3,79. «Можно было залить доллар в бак и кататься целый день», – говорила она ему, улыбаясь и качая головой.

Казалось, ничто не может омрачить настроения Линды. Она и не расстроилась, когда, вернувшись к машине, обнаружила, что двери заперты, а ключи внутри. Коко стояла на задних лапах, положив передние на дверь со стороны водителя, и виляла хвостом. Собачка нажала на кнопку, поняла Линда. Но окно было слегка опущено. Линда достала из своей машины длинную газовую зажигалку, которую обычно берут на пикники, втиснула ее в щель и открыла замок. Путешествие продолжалось.

Гостиница «В тесноте» дожидалась хозяйку на стоянке на окраине Парриса, города по другую сторону гор Санта-Ана. Это цепь, которая отделяет прибрежную область Калифорнии от суровой пустыни на ее же территории. Добраться туда можно было только по шоссе Ортега. Это одна из самых опасных дорог в штате, «место, где неконтролируемая урбанизация, плохие водители и устаревшие технологии дорожного строительства сошлись в одной точке», по словам одного из репортеров Los Angeles Times^[10]. Извилистая магистраль обычно плотно забита теми, кто по долгу службы курсирует между центром и периферией, но, к счастью, в полдень движение не особо оживленное. Вскоре Линда была уже на другой стороне. Мимо проносились многочисленные стоянки трейлеров, которые, точно колонии ракообразных, лепятся к западной окраине городка Лейк-Элсинор. Три года назад она жила здесь, в парке для автофургонов, арендуя за 600 долларов в месяц трейлер, стоявший на потрескавшейся асфальтовой дороге, которая тянулась от шоссе до береговой линии.

В супермаркете Линда закупила еды, чтобы протянуть следующую неделю, пока не придет пенсия. В ее тележке были большущая коробка хлопьев, с десяток яиц, мясной фарш, копченая колбаса, булочки для бургеров, крекеры-рыбки, сладкое печенье, помидоры, горчица и около двух литров молока. Хотя к работе она должна была приступить только

через несколько дней, Линда позвонила своему будущему начальнику прямо с парковки. Она хотела, чтобы он видел: на нее можно положиться, она серьезно относится к своей работе. Она рассказала ему, что уже в пути и засветло планирует прибыть в Hanna Flat.

За сетчатым, увитым колючей проволокой забором с висевшими на нем выцветшими на солнце американскими флагами, на северной стороне дороги располагалась парковка, где гостиница «В тесноте» дожидалась хозяйку. Линда въехала в ворота. Местный рабочий, тощий мужчина по имени Руди с седой бородой-эспаньолкой в стиле Антониса ван Дейка, вышел поздороваться. Они обменивались шутками, пока Линда хлопотала вокруг своего фургона, вспоминая, что еще ей нужно сделать. «У меня ум как капкан: ничто не проникает внутрь, ничто не выходит наружу», – острил Руди. Они продолжали болтать, когда Линда слишком резко вышла из фургончика и, оттолкнувшись ногой, пошатнула его. Гостиница «В тесноте» закачалась. Дальний край стукнулся о землю. «Не стоило с утра налегать на булочки с корицей, да?» – хихикнул Руди. Линда качнулась, но теперь уже твердо стояла на земле. «Я просто поспешила», – сказала она. К счастью, не пострадала ни она, ни гостиница.

В переднюю часть фургончика Линда втиснула стойку, на которой стояли переносная плитка, маленький обогреватель и два 18-литровых баллона с пропаном, на котором работал холодильник. Под конец Руди помог ей прицепить гостиницу к джипу. Включив зажигание, она поехала вперед, сначала потихоньку. Помахав на прощание Руди, Линда выехала за ворота. Как и обещал старый рекламный проспект, фургончик «послушно, как котенок» последовал за ней.

Когда после описанных выше событий в горах Сан-Бернардино Линда не появилась, я начала перебирать в голове всевозможные варианты катастроф. Возможно, у нее заглох двигатель. Или сдулась шина – плохо, потому что запасной нет, – а может, и того хуже, прокололась. Мои мысли становились всё мрачнее. Что, если гостиница «В тесноте» отцепилась и покатила вниз со склона? А вдруг на резком повороте джип перелетел через дорогу и ухнул в

каньон, прямо как в кульминационной сцене фильма «Тельма и Луиза»?

Я уже садилась в грузовик, чтобы разворачиваться и искать Линду, когда зазвонил телефон. «Я скоро буду», – сказала Линда. У меня камень с души упал, когда она показалась из-за поворота, но тревога быстро вернулась. Подъехав ближе, Линда показала на свой фургон. С ним было что-то не так: стойка с пропаном оказалась пуста. Оба баллона вылетели на резком повороте. Один, не отцепившийся от шланга, запрыгал по дороге вслед за гостиницей «В тесноте», вырвав из нее десятисантиметровый кусок пластика. Второй вылетел совсем и теперь катился по дороге, как горячее пережаренное поле. Бензовоз, по-прежнему державшийся впритык к фургончику, свернул в сторону, чтобы его объехать, и пронесся мимо Линды, которой, к счастью, удалось найти участок дороги, чтобы свернуть чуть в сторону. Беглый баллон замер на противоположном краю шоссе. Линда оценила ситуацию – она едва миновала поворот с плохой видимостью, и те, кто едет следом, ее не видят – и подавила искушение перебежать дорогу и подобрать баллон. «Это двадцатидолларовый баллон с пропаном, а я – бесценный человек!» – впоследствии вспоминала она свои мысли в тот миг. Она скрутила шланг с оставшегося баллона и поставила его обратно в трейлер.

Устранив прямую опасность, Линда продолжила путь по горам. Она проехала через поселения Эрроубер-Лейк и Раннинг-Спрингс, чьи склоны зимой манят лыжников и сноубордистов, а сейчас горных мотоциклистов и пеших туристов. Она миновала вековую плотину на Биг-Бер-Лейк, чьи воды питаются снегом, и проехала вдоль его северного берега, родины белоголового орлана. Вскоре показались бухта Граут-Бэй и крошечный городок Фонскин, который своим названием обязан активистам начала XX века, полагавшим, что в месте с названием «Граут»^[11] немногие захотят отдохнуть^[12]. Местный супермаркет оказался забит всем, что может пригодиться путешественнику в глуши: рыболовными снастями, чехлами для пивных бутылок, санками, цепями противоскольжения, спальными мешками, зонтиками от солнца и сувенирными бутылочками со спиртным в виде пистолетов («Текила», – пояснил продавец). Городской парк неподалеку кишел стеклопластиковыми фигурами людей в характерных костюмах, в том числе игрока в бейсбол,

индейского вождя, ковбоя, пожарного, летчика-истребителя, пирата и сотрудника дорожной службы. У них был такой вид, словно они сейчас все вместе запюют песню Village People – Y.M.C.A.^[13] «Сколько статуй! – воскликнула Линда во время ее следующего визита в Фонскин. – Почему среди них ни одной женщины?» Потом она обратила внимание на другие скульптуры: два быка, впряженные в крытую повозку. Линда предположила, что они-то как раз самки: у них не было никаких ярко выраженных половых признаков, и они единственные выполняли хоть какую-то работу. С тех пор всякий раз, проходя через парк, она кричала быкам: «Э-э-эй, девочки!»

Выехав на новую дорогу, Линда неспешно проехала мимо частного владения. За тяжелыми запертыми воротами и знаками «Частная территория» можно было разглядеть до смешного аккуратную лужайку. Линда совсем сбросила скорость, когда свернула на проселочную дорогу. Здесь асфальт уступил место утрамбованной земле; по обочинам росли побеги желтушника, выглядывавшие между булыжников, и кусты толокнянки, покрытые розовыми цветиками-каплями. Еще не исчезли следы пожара 2007 года: обугленные стволы деревьев торчали из земли, как гигантские иглы дикобраза. Тот пожар поглотил более шести гектаров леса, в том числе и Hanna Flat, который до 2009 года был закрыт на ремонт^[14]. Подъезжая к лагерю, Линда по-прежнему не увеличивала скорость, сосредоточенно глядя на ухабистую дорогу и избегая глубоких ям на утрамбованной машинами земле. Позади нее прыгала и гремела гостиница «В тесноте».

Было еще светло, около шести вечера, когда она подъехала ко входу в лагерь. Расположенный в двух с лишним тысячах километров над уровнем моря Hanna Flat был более чем на полкилометра выше Мишен-Вьехо, откуда утром Линда пустилась в путь. Воздух стал холоднее и прозрачнее. Заметив доску объявлений, Линда подъехала прямо к ней. Посетителей призывали остерегаться змей, гасить костры (ДО ПОСЛЕДНЕЙ ИСКРЫ) и стараться не приносить дрова, кишасшие наглыми пассажирами: насекомыми вроде узкотелой златки дубовой и отвратительными болезнетворными микроорганизмами, носящими имена «рак сосны» и «внезапная гибель дуба» (*Phytophthora ramorum*). Извилистая дорога, четко видная на большой карте, проходила через все 88 стоянок, на каждой из которых можно было расположиться за 26 долларов за ночь. Имелся и никак не обозначенный участок,

расположенный так близко ко входу, что Линда видела его оттуда, где стояла. Он был не лишен удобств: заасфальтированная стоянка для автомобилей, водо- и электроснабжение, зона для пикника, где стоял стол, и кострище. Впереди, рядом с трухлявым пнем, оккупированным огненными муравьями, стояла табличка: «СМОТРИТЕЛИ».

На следующие четыре месяца это был дом Линды.

Линда считала дни не только потому, что без работы умирала от скуки. В лагере к ней должна была присоединиться ее подруга. Шестидесятилетняя Сильвиана Дельмарс никогда раньше не работала смотрительницей, но такая перспектива ее очень взволновала. «Вместе с Линдой Мэй я могу устоять против целой армии!» – заявила она несколькими месяцами ранее. Сильвиана жила в фургоне 1990 года марки Ford серии E350 Econoline Super Club Wagon, который служил грузовым автофургоном для пожилых и рабочим транспортом для трудящихся заключенных, прежде чем она купила его по объявлению в электронной газете. В комплекте шли прохудившиеся прокладки блока цилиндров, плохие тормоза, испещренные трещинами шланги гидроусилителя руля, изношенные шины и стартер, который издавал зловещие скрежещущие звуки. Иногда солнечный свет падал на пассажирскую сторону под таким углом, что подсвечивал края длинных нарисованных букв, складывавшихся в слова «Ассоциация пенсионеров Холбрука».

Двое друзей Сильвианы предложили ей назвать машину «Королева Мария» или «Эсмеральда». Не желая выбирать что-то одно, она назвала ее «Королева Мария Эсмеральда». Она обустроила интерьер фургона, украсив его яркими платками, вышитыми подушками, гирляндами и поставив алтарь со свечой девы Марии Гваделупской и статуэткой Сехмет, египетской богини с головой льва. Сильвиана обосновалась в фургоне после ряда неприятностей: у нее украли машину, она сломала запястье (не имея медицинской страховки) и вдобавок никак не могла продать дом в Нью-Мексико. «Когда первый раз спишь в городе в машине, чувствуешь себя бездомным или банкротом, – говорила она. – Но у людей есть замечательное свойство: они ко всему привыкают».

Сильвиана и Линда познакомились полтора года назад, когда обе работали в ночную смену на складе Amazon, где Линда повредила запястье.

Сильвиана умела читать карты Таро. А еще она успела попробовать себя в сферах общей медицины, общественного питания, продаж, акупунктуры и кейтеринга. На цепь событий, в результате которых она оказалась в фургоне, она смотрела как на проявление воли богини, направившей ее на путь кочевника. Сама она в своем блоге, *Silvianne Wanders*, так описывает эту перемену: «Бумер почти предпенсионного возраста отказывается от своих четырех картонных стен, трех работ с неполным графиком и всех привязанностей к иллюзорной безопасности, этому жалкому осколку американской мечты, который еще сидел в ее измученной душе. Цель: выйти на дорогу, на поиски приключений в качестве таролога – шаманского астролога, агента небесных перемен, которым она призвана быть»^[15].

Сильвиана написала песню, назвав ее «Гимн обитателя фургона». Когда она в первый раз пела ее мне, «Королева Мария Эсмеральда» стояла на парковке у Burger King в Аризоне, и она давала мне интервью, чистя от панировки куриные наггетсы и скармливая их своей зеленоглазой кошке Лейле, которая без этой предварительной процедуры отказывалась их есть. Положенная на мотив King of the Road Роджера Миллера – и исправленная несколько раз с тех пор, как Сильвиана начала писать текст на довольно пустынном участке шоссе в Аризоне, – окончательная версия выглядит так^[16].

Трухлявый мой фургон,

Как жестянка, хрупок он.

Без дома, правил, семьи –

Мне не нужен и клочок земли.

В жару в лесной глуши,

Зимой в пустынной тиши.

Быть цыганкой велел мне рок –

Королевой Дорог!

Для друзей я сошла с ума,

Для меня их жизнь – тюрьма.

Грустна моя песня порой –

Не беда при жизни такой.

Любой чудесен край,

Приглядись – и увидишь рай.

Я ищу свой святой уголок –

Королева Дорог!

Штаты Запада от сих до сих

Я знаю, как пять пальцев своих,

Все тайны всех городков.

Еле еду, не зная оков,

Мой ветхий дом – прожорливый «Форд».

Ненадежный, но скучать не дает,

За собою мосты сожгла –

Жизнь в толпе мне не мила.

Кошка Лейла, подруга в пути,

Не дает мне с ума сойти,

Она не монстр и не единорог –

Королева Дорог!

Когда Линда прибыла в Hanna Flat, Сильвиана была еще в двух часах пути. «Королева Мария Эсмеральда» стояла на парковке около одного дома в Эскондидо, где жил ее друг: здесь она могла насладиться такими удобствами, как прачечная и горячая ванна. (На

сленге кочевников «сильвиана» – «серфила на обочине».) У нее было 40 долларов в кармане, и она ждала выпуска своей кредитной карты – первой за десять лет.

Первые несколько дней в лагере для Линды прошли тихо. Иногда слышались вздохи койота и ворчание горного льва. Выпало несколько сантиметров снега, и Линда включила обогреватель, чтобы в гостинице «В тесноте» было теплее. Она купила новый баллон с пропаном. На холодильник она повесила магнит с надписью «Живи каждый день так, будто тетя Би смотрит за тобой» и фотографией домохозяйки из ситкома «Шоу Энди Гриффита» и оду кочевому образу жизни под названием «Полный набор» авторства некоего Рэнди Вайнинга, который также назвал себя Мобайл Коджер. Начиналась она строчками «Путевой мой набор – на все вопросы ответ / В нем всё, что нужно, и лишнего нет». Она читала книги. Знакомый кочевник посоветовал ей книгу «Женщина в лесу: одинокая жизнь в глуши Адирондака»^[17], и Линда проглотила ее, восхищаясь независимостью и бережливостью автора, эколога Анны Ля Бастий, которая, вдохновившись Уолденом, построила собственную хижину только из бревен общей стоимостью 600 долларов. Затем она начала «Воплощение идей. Как преодолеть разрыв между видением и реальностью»^[18] – мотивирующий трактат, посвященный заботе о себе, в котором Линда надеялась найти советы по устройству достойного будущего. И она гладила Коко, которая устраивалась рядом с ней на их общем матрасе и иногда вдруг бросалась вылизывать ее лицо. «Ну, собака-целовака, – говорила ей Линда. – Язык сотрешь! Нужен будет новый – и кто за него заплатит?»

В воскресенье, когда должна была приехать Сильвиана, Линда пошла освежиться в ближайших душевых, которые находились в восьми километрах от лагеря – в Serrano Campground, на побережье Биг-Бер-Лейк, в холодной шлакоблоковой постройке. Для экономии воды краны включались только короткими интервалами; чтобы принять душ, нужно было постоянно жать на одну и ту же кнопку. Вернувшись на парковку, Линда, стоя на солнце, расчесала волосы и взмахнула ими, как модели в рекламе шампуня. «Блестят?» – спрашивала она.

Сильвиана появилась ближе к полудню, в горчично-желтой футболке с изображением Фриды Кало, развевающейся лоскутной

юбке, розовых леггинсах и замшевых мокасинах. Обняв Линду, она пошла посмотреть гостиницу «В тесноте». «На фотографиях она казалась больше!» – сказала она. Сильвиана высокая, стройная, носит челку, несколько волнистых седеющих прядей выбиваются из зажима, которым она скрепляет волосы на затылке. Ей приходится нагибаться, чтобы войти в трейлер. Линда рассказала подруге, как ей нравится здесь жить. Единственные удобства, по которым она скучает, – души и туалет, в ее прежнем фургоне они были. Сейчас всё это ей заменяет ведро, и пока оно со своими функциями справляется.

В 8:30 утра в понедельник начался двухдневный инструктаж вожатых в Центре исследований Биг-Бер, образовательном учреждении под эгидой Лесной службы США. В качестве награды представители California Land Management бросали участникам курса упаковки печенья. Многие работники также получили бесплатные обеды: в первый день хот-доги, во второй цыплят-гриль. А еще распечатанное на 350 страницах руководство в коричневой папке-скоросшивателе – и подробную инструкцию по грядущей работе. Всем настоятельно рекомендовали прочесывать территорию лагеря на предмет «микромусора»: обрывков целлофановой упаковки и фольги, окурков и всего такого, – а также «того, что увеличивает риск споткнуться», например шишек размером с грейпфрут, которые падают с местных сосен Джеффри. Также все прослушали инструктаж по безопасности, душещипательные рассказы об ошибках, которых стоит избегать. Однажды один беспечный работник чистил кострище от пепла и забыл проверить, не остались ли в нем горящие угли; в результате его тележка загорелась. «Так делать не надо». В другой раз вожатая сломала ребро, когда забралась в мусорный бак, чтобы прицепить цепочку, защищающую контейнер от медведей. «Это была я!» – громко заявила Линда, повергнув в уныние свое начальство, которое рассказывало историю, не подозревая, что пострадавшая присутствует среди слушателей. (Это случилось прошлым летом, когда Линда работала в Маммот-Лейкс. Первое время из-за травмы больно было всё: дышать, подметать, ездить в машине по ухабистым дорогам, наклоняться, даже смеяться вместе с товарищами по лагерю. Друзья и семья настойчиво советовали ей пойти к врачу. Тот подтвердил, что ребро сломано, и настоятельно рекомендовал Линде не поднимать

ничего тяжелее четырех с половиной килограммов, пока ребро не заживет.)

В среду в 8 утра Линда и Сильвиана в первый раз вышли на работу, одетые в одинаковую униформу: коричневые штаны и ветровки цвета хаки с вышитой у левого плеча эмблемой в виде горной вершины. В этом обличье они слегка смахивали на государственных лесничих; им объясняли, что это сходство порой полезно, если нужно призвать к порядку буйных постояльцев. Сильвиана к этому времени уже давным-давно встала, чтобы успеть совершить утренний ритуал: выпить очищающий травяной отвар, помедитировать и съесть завтрак, который, в соответствии с ее диетой, не содержал сахара, мяса, молочных продуктов и обработанного зерна. С помощью этих целительных практик Сильвиана надеялась вылечить базальноклеточную карциному под правым глазом. Их мототележка была доверху загружена инструментами: две пары граблей, две метлы, лопата, металлическая банка для пепла и пластиковые ведра со средствами для чистки. Также в ней лежали пачки рекламных брошюр, предлагавших купить недешевые туры по глуши на поднимающем парашюте, вертолете, сегвее, канатной дороге, на джипе по бездорожью и на весельной лодке под названием «Мисс Либерти». Сильвиана, которая только-только научилась обращаться с мототележкой, гордо сидела за рулем, Линда рядом. Утро было холодное, но ясное, солнце бодро выглядывало из-за сосен. Высоко в ветвях каркали вороны, а горные цикады выводили трехнотную мелодию, на которую можно было положить детский стишок про трех слепых мышек. У подножия деревьев ярко-красные холодолюбивые растения – стебельки, формой напоминающие спаржу, цветущие поздней весной и живущие в симбиозе с грибами, чтобы получать питательные вещества от древесной корневой системы, – начинали проглядывать сквозь ковер осыпавшейся хвои. По камням шныряли ящерицы. Бурундуки при приближении тележки ныряли в свои норки.

Глядя, как Линда со знанием дела справляется со своими обязанностями, можно было понять, что она не новичок на этой работе. Дезинфицируя туалеты, она набрасывала бумажные полотенца на рулоны туалетной бумаги, чтобы химикаты не попадали на них. Она говорила, что нужно будет достать масло для жарки, из дешевых: если обработать им унитазы, то грязь будет меньше налипать. Опустошив

мусорное ведро, она быстро и ловко привязывала к нему новый мешок, чтобы он не соскальзывал вниз. Собирая граблями мусор вокруг обеденных столов, она то и дело особым образом поворачивала запястье. «Так никто не поймет, где ты остановился, – объясняла она. – Так выглядит более естественно».

На одном обжитом участке – на земле валялись неубранный спальный мешок, рулон туалетной бумаги и пустые упаковки из-под растворимых супов – постояльцы не погасили костер. Линда и Сильвиана по очереди тушили его водой из бутылок, кашляя, когда дым и пар валили вверх от шипящих углей. Потом они перемешали лопатой водянистый бурлящий пепел, чтобы убедиться, что все угли погасли и костер не загорится вновь. Чуть позже в тот же день постояльцы лагеря – группа парней лет двадцати – вернулись из похода к своему залитому водой кострищу. Они замерзли. Хотя по прогнозу передавали снежную погоду, один надел футболку с короткими рукавами и не потрудился взять куртку, а другой пошел в поход в единственной обуви, которую взял: комнатных тапочках. Когда Линда подошла к ним, они безуспешно пытались заново развести костер. «Перед тем как уйти, убедитесь, что ваше кострище остыло настолько, чтобы вы могли сунуть туда руку, – терпеливо разъяснила она. – Вам повезло, что первыми сюда пришли мы, а не лесничие». Лесничие бы их оштрафовали. Парни рассыпались в извинениях. «Простите, мэ, – говорили они. – Извините, что так вышло».

Дважды в неделю Линда и Сильвиана отвечали за весь лагерь. Еще три дня они делили территорию с другой смотрительницей, которая хорошо знала местность (она любила рассказывать, что в прошлом году, когда она тоже здесь работала, какой-то эксгибиционист, завернувшись в американский флаг – поверх «костюма», данного от рождения, – бегал по лагерю, пугая людей, пока за ним не приехала полиция). Большая часть рабочего дня у них уходила на то, чтобы вычистить 18 туалетов и 88 участков на территории Hanna Flat. Помимо этого, они регистрировали новоприбывших, собирали оплату, выставляли таблички на зарезервированные места, давали советы тем, кто собирался в поход, решали мелкие вопросы, засыпали кострища и заполняли документацию. Гости приходили к ним, чтобы купить фирменные связки дров по 8 долларов, которые хранились в запертом ящике на территории вожатых. Часто они уходили, ничего не купив, а

последовав советам Линды и Сильвианы набрать сучьев в лесу, следуя правилу трех «С»: сухие, сломанные, свалившиеся. Иногда к концу обхода Линда выбивалась из сил, и ей необходимо было поспать.

Не так-то просто жить рядом с табличкой «СМОТРИТЕЛИ». Это значит, что ты в любой момент должен быть к услугам туристов. А как же часы отдыха? Если на вверенной смотрителю территории есть какая-то работа, он должен ее выполнить. Когда однажды ночью в 23:30 в Hanna Flat приехали два грузовика с туристами, они пошли прямо к «Королеве Марии Эсмеральде» и разбудили Сильвиану, чтобы та их зарегистрировала. Также предполагалось, что смотрители будут обеспечивать соблюдение «тихих часов» ночью и отвечать на жалобы в случае шума. Линда доброжелательно старалась предупредить конфликты. Когда группы шумных на вид туристов только прибывали, она говорила им: «Мы хотим, чтобы вы хорошо проводили время, а после десяти вечера – хорошо и *очень тихо*». Когда она видела участок, усыпанный пивными бутылками, то вместо того, чтобы требовать всё убрать, Линда спокойно предлагала: «Могу принести вам большие мешки для мусора».

Линду и Сильвиану наняли на полноценную сорокачасовую неделю, но гарантий никаких не было. После того как они проработали полмесяца, их начальница внезапно сообщила, что дела компании идут плохо и они вынуждены урезать расходы. В итоге Линда и Сильвиана следующие две недели работали три четверти от первоначального графика. И недельная выручка Линды сократилась до 290 долларов (Сильвиана получала и того меньше, ей не полагалась надбавка «опытного работника», как у Линды).

Линда и Сильвиана не жаловались на хаотические, а порой и совсем беспринципные условия этого низкооплачиваемого труда, а другие поступали иначе. Больше всего негодования вызывало то, что объем работ, который смотрители должны были выполнять, выходил за пределы оплачиваемых часов. Один работник лет шестидесяти, которого California Land Management впервые наняла в 2016 году, написал мне об этом в электронном письме. «Работа смотрителя – это лотерея, – рассказывал он. – Сплошные противоречивые указания от “начальства”. Я должен был работать тридцать три часа в неделю, но иногда трудился больше сорока пяти. Я пожаловался, и тогда мне

снизили нагрузку». При этом не оплатили сверхурочные часы, которые он уже отработал.

Похоже на то, что двое вожатых лет шестидесяти пяти, Грег и Кэтти Виллалобос, сообщили одному из новостных каналов в 2014 году. Они рассказали, что, когда работали смотрителями от California Land Management и другого нанимателя, Thousand Trails, предполагалось, что они будут трудиться больше времени, чем им разрешалось писать в отчетности. «Я хочу рассказать об этом, чтобы оповестить других пенсионеров и чтобы такое прекратилось. Это возмутительно, особенно потому, что всё это делается с разрешения федеральных властей, которые сотрудничают с этими компаниями», – сообщил репортерам Грег Виллалобос^[19].

Другая работница, нанятая California Land Management в 2015-м, поставила компании одну звезду на сайте Yelp, заявив, что зачастую им с мужем приходилось вкалывать по двенадцать и более часов в день, но в отчетах они не имели права указывать больше восьми. «Неправильно поступать так с пожилыми людьми, которым нужен заработок, необходимо провести расследование!» – написала она^[20].

Жалобы приходят и на Лесную службу США, которая сотрудничает с частными организациями, чтобы содержать в чистоте и порядке общественные места отдыха. Я заполняла петицию о свободном доступе к информации при поддержке местной службы охраны природы, поэтому мне удалось прочесть некоторые жалобы. Когда документы наконец прибыли, цензоры закрасили имена работников, их возраст и контактные данные. В одном письме человек, который на протяжении четырнадцати лет сотрудничал с California Land Management, писал, что его коллег не обеспечили питьевой водой, когда они трудились на солнцепеке. «Даже полевым работникам предоставляется тень для укрытия и питьевая вода. Почему вы отказываете в этом своим сотрудникам?» – говорилось в письме. В нем также рассказывалось о смотрителе, который один работал в двух лагерях – Верхний и Нижний Coffee Camp в предгорьях Сьерра-Невады – на сорокаградусной жаре: «Скорая помощь уже дважды увозила его с солнечным ударом». Уточнялось, что этот же человек «много раз трудился сверхурочно, [но] его непосредственный руководитель запретил ему указывать дополнительное время в отчетности. Без сомнения, с другими обращались точно так же».

В другой жалобе бывший смотритель от California Land Management в Национальном парке Секвойя писал следующее.

Со мной, как с сезонным рабочим, обращались очень жестко... Меня наняли по ставке 8,5 доллара в час за «сорок часов», но по факту трудиться приходилось от пятидесяти до шестидесяти часов за ту же плату. Ни сверхурочные, ни даже обычные часы работы оговорены не были. Итак, CLM не выплачивает минимальные зарплаты. И я имею в виду не часы безделья, а полноценные восемь часов интенсивных полевых работ, уборку мусора, чистку территорий Хьюм, Принцесс и Стоуни-Крик, а также Тен-Майл и Лэндслайд, чистку туалетов и кострищ по нескольку раз в день, уборку дорог и т. д. А затем работа с документацией почти до девяти вечера... После непродолжительного разговора, когда я наконец озвучил некоторые жалобы, [мой начальник] назвал меня отребьем, сказал «захлопнуть варежку» и «тащить свою нищую задницу обратно в Орегон».

Я написала в California Land Management об этих претензиях и получила ответ от Эрика Марта, президента компании. «Могу вас заверить, что наша политика (с условиями могут ознакомиться все нанимающиеся), наши методы обучения и стандартные регламенты работы полностью противоположны тому, что описывают эти сотрудники», – писал он^[21]. California Land Management расследовала минимум три из этих претензий, продолжал он, и сочла их необоснованными (однако одному работнику были компенсированы сверхурочные, по его словам, часы). В последнем случае – где менеджер не соблюдал регламент нагрузки и обозвал подчиненного отребьем – Лесная служба США провела собственное расследование.

Федеральные власти ответили иначе. Когда я направила запрос в Лесную службу США по поводу именно этих жалоб, мне ответили, что непосредственно служба ими не занимается. Письма перенаправляются в ту организацию, на которую жалуются работники, – в данном случае California Land Management. Такова официальная политика, хотя Лесная служба США отвечает за выдачу

этим организациям разрешений на эксплуатацию и особенно за то, в каком состоянии находятся вверенные им территории.

«У Лесной службы нет полномочий разбирать жалобы на злоупотребление властью со стороны работодателя, дискриминацию и любые иные претензии к частному нанимателю, а также проводить какие-либо исследования», – ответил мне по электронной почте специалист PR-службы Джон Хайл.

После этого я позвонила ему и спросила, готов ли он подтвердить, что такова официальная позиция службы. «Выглядит странно, что эти организации подчиняются вам и вроде бы под вашим контролем, но при этом у вас как будто нет никаких рычагов воздействия на них», – добавила я.

Хайл пояснил, что он изучил протокол Лесной службы США, который был выслан мне вместе со всеми письмами, и больше ему ответить нечего.

Линда обустривалась в Hanna Flat, а я наблюдала за тем, как проходят ее первые две с половиной недели на новом месте. Ночью мы просиживали часы в ее трейлере. Она понемногу рассказывала мне о своей жизни. Она была старшей из трех детей в семье и восхищалась своими родителями, несмотря на их недостатки. Ее отец сильно пил, периодически подрабатывал механиком на судостроительной верфи в Сан-Диего, а мать боролась с хронической депрессией. Они постоянно меняли квартиры, переезжая по семь раз за год, и однажды покинули Калифорнию, чтобы какое-то время пожить в Блэк-Хиллз в Южной Дакоте. По пути на восток Линда ютилась в машине со своими родителями, двумя братьями, всем скарбом и таксой по имени Питер Джонс Перри. Примерно в то же время матери Линды нужно было вырвать несколько зубов. «У отца не было денег, чтобы оплатить ей импланты, – вспоминает Линда. – И вот мы все сидим в этом большом грузовике, тут же рядом вся мебель, у матери нет зубов, нас трое детей и еще эта такса».

Со временем отец Линды стал всё сильнее проявлять склонность к насилию. Иногда за обедом он бил ее младшего брата половником по голове. Он избивал мать Линды, толкал ее с лестницы и «швырял,

точно тряпичную куклу». Во время одной такой драки Линда, которой было около семи, спряталась за кроватью в своей спальне. Тогда она пообещала себе: «Со мной такого никогда не случится».

Тем временем Линда боролась с дислексией, хотя никто об этом не знал. В школьном табеле писали что-то вроде: «У Линды есть потенциал, но она неусидчива». Линда чувствовала себя уткой: стороннему наблюдателю казалось, что она расслабленно плывет по течению, а сама она под водой яростно работала лапками.

Она бросила старшую школу, но в итоге всё-таки сдала необходимые экзамены и получила диплом младшего специалиста в области строительных технологий. Она успела побыть водителем, официанткой в баре, строительным подрядчиком, хозяйкой паркетного магазина, страховым агентом, государственным строительным инспектором, оператором налоговой компании, сиделкой в отделении черепно-мозговых травм, собачьей няней по государственной программе помощи пенсионерам – у нее до сих пор есть шрам от укуса песика ши-тцу – и ошпывательницей уток и перепелов в охотничьем домике. А еще Линда вырастила двух дочерей практически самостоятельно.

Я слушала внимательно, стараясь запомнить как можно больше. Я надеялась, что это поможет мне ответить на мучившие меня вопросы: как вышло, что работающая шестидесятичетырехлетняя женщина в итоге оказалась без дома и постоянного жилья и, чтобы выжить, трудится на неблагодарной низкооплачиваемой работе? Почему ей приходится жить в высокогорной глуши, где то и дело выпадает снег и, возможно, водятся львы, в крохотном трейлере и чистить туалеты, положившись на работодателя, который без всякой видимой причины может сократить ее оплачиваемые часы или даже уволить? Каким представляется будущее людям, которые оказались в таком положении?

Никаких откровений мне не явилось, но пришло время возвращаться домой. Я оставила кое-что из своих запасов: мясную нарезку, помидоры, яйца, бекон, сыр, суп, капусту, морковь и хлебцы. По большей части это ушло Линде, потому что Сильвиана сидела на строгой диете.

– Нам это очень кстати, – просто сказала Линда. – До зарплаты у меня осталось десять долларов.

Пока я собирала вещи, Линда и Сильвиана разожгли костер. Для растопки они брали бумагу: выпуски газеты Общества дочерей американской революции или ежедневные отчеты о прибывших в лагерь, где писали, какие участки зарезервированы. Отчеты в любом случае подлежали уничтожению. Я спросила: а если бы дым от газеты «ДАР» мог доставить послание небесам, что бы туда отправили? «Мы уехали на природу! Мы отлично проводим время! Туалеты идеально чистые!» – ответила Линда.

Солнце садилось, начинало резко холодать. Заранее надевшие толстые кофты и рабочие куртки с шерстяной подкладкой Линда и Сильвиана дрожали и говорили о том, что пора начинать готовить ужин. В тот вечер никто не должен был заселяться. Они уже поставили на въезде на территорию табличку «В ЛАГЕРЕ МЕСТ НЕТ».

Поэтому я попрощалась и села в свой грузовичок. Смотрительницы лагеря стояли и махали мне. «Не дайте туристам спалить лес!» – крикнула я. Линда покачала головой и крикнула мне вслед: «Тогда я останусь без работы!»

Глава 2. Конец

В 2010 году на День благодарения – до того, как началась ее бродячая жизнь – Линда Мэй сидела одна в фургоне, в котором она жила в Нью-Ривер. У шестидесятилетней седовласой дамы не было электричества и водопровода, потому что она не могла оплатить коммунальные счета. Она не могла найти работу. Ее пособие по безработице уже иссякло. Семья ее старшей дочери, у которой она жила много лет, сменив за это время несколько низкооплачиваемых работ, недавно переехала в квартиру поменьше. На шестерых человек приходилось только три спальни, и Линде не нашлось бы места. Ей остался только темный трейлер, пойти было некуда.

«Я напьюсь. Потом включу пропан. Я отключусь, и будь что будет, – говорила она себе. – А если проснусь, то зажгу сигарету и взорву нас всех к чертям».

Две ее собачки, Коко и Дудл, смотрели на нее (Дудл, карликовый пудель, умер до того, как Линда перебралась в гостиницу «В тесноте»). Линда засомневалась: может ли она вот так легко взорвать и их тоже? Нет, так нельзя. Вместо этого она решила принять приглашение друзей на праздничный обед.

Но тот миг – мгновение, когда ее воля к жизни пошатнулась, – Линда не могла просто забыть. Она считает себя «счастливым, жизнерадостным человеком». Она никогда всерьез не думала о том, чтобы свести счета с жизнью. «Просто мне было так плохо, что я не видела иного выхода», – вспоминала она впоследствии. Что-то должно было измениться.

Спустя несколько лет Линда снова оказалась на грани. Она жила в Лейк-Элсинор и работала кассиром в магазине строительных материалов по ставке 10,5 доллара в час. В некоторые недели она выходила только на 20–24 часа; этого едва хватало, чтобы платить 600 долларов за трейлер на стоянке на другом конце города. На то, чтобы получить эту работу, у нее ушли месяцы, несмотря на два диплома в сфере строительства, а также полгода работы администратором в магазине той же сети в Лас-Вегасе, где ей платили 15 долларов за час. Та должность ей нравилась, потому что она могла решать вопросы один на один с покупателями. После этого сидеть за

кассовым аппаратом ей казалось унижительным. Но Линда старалась не падать духом. «Они назначили меня кассиром, несмотря на весь мой прошлый опыт, – вспоминает она. – Тогда я сказала себе: “Ладно, я стану лучшим кассиром!”» Линда общалась с покупателями, расспрашивала их о строительных проектах и помогала, если могла. Когда один домовладелец пришел на кассу с неподходящим материалом для крыши, она посоветовала ему другой, называвшийся «ориентированно-стружечная плита», сказав, что он будет к месту (и обойдется на 500 долларов дешевле). Почему администрация магазина позволяла такому компетентному работнику выдыхаться за кассой? «На мой взгляд, у них есть некоторые предубеждения насчет возраста», – предположила Линда.

Не в первый раз Линда задавалась вопросом, как люди обеспечивают свою старость. Из всего того широкого спектра должностей, на которых она работала, ни на одной даже речи не могло идти о долгосрочной финансовой стабильности. «Мне так и не удалось обеспечить себе большую пенсию», – говорит она.

Линда знала, что скоро будет получать социальные выплаты. Но она никогда особенно не вчитывалась в годовые финансовые отчеты, поэтому была удивлена, когда как-то раз прочла один и увидела, что в месяц ей причитается около 500 долларов. Этого не хватит даже на оплату жилья.

Линда вырастила двух девочек, будучи матерью-одиночкой. Она знала, каково это – жить впроголодь. Собственная мать учила ее выживать, когда растягивала на неделю полкило фарша, чтобы прокормить Линду и ее братьев. Когда на ужин были спагетти «Болоньезе» – правда, в тарелке трудно было отыскать кусочки мяса, – дети шутили, говоря, что мама, наверное, кладет фарш в носок и машет им над сковородкой, чтобы у блюда появилась видимость вкуса. Время от времени, когда у них жил кто-то из знакомых детей, чьи родители попали в беду, Линда шутила, что мама просто «еще раз помашет носком с фаршем над сковородкой», чтобы повеселить новичка.

Возможно, поэтому Линда всегда сочувствовала тем, от кого удача отворачивалась. В начале 1990-х она держала магазин ковров и плитки в Буллхед-Сити, где по окончании рабочего дня у водопроводного крана за зданием собирались бездомные, чтобы помыть и наполнить

бутылки для воды. «Пожалуйста-пожалуйста, – говорила им Линда. – Только закрывайте потом кран. Не забывайте!» Магазин был стилизован под бревенчатый домик, и крыльцо располагалось под навесом, державшимся на столбах. Когда бродяги стали там ночевать, она дала им задание. «Хорошо, раз вы собрались здесь спать, то будете работать ночными сторожами», – произнесла она с расчетом на то, что они смогут сказать это какому-нибудь полицейскому, если тот попытается их прогнать.

Один из бездомных, бывший подстригатель деревьев, сказал Линде, что хочет вернуться к нормальной жизни. Он полагал, что сможет подзаработать, если обратится к городской администрации, которая посылала работников на зачистку заросших участков. Линда помогла ему собрать «стартовый капитал»: грабли, косилку, немного денег на бензин. Вместе они колесили по городу и отыскивали участки, за очистку которых ему бы заплатили. У Линды была лицензия на ведение коммерческой деятельности, и ей удалось выбить несколько контрактов для своего подопечного.

А потом случились две беды. Магазинчик Линды разорился, потому что ее партнер по бизнесу вел двойную бухгалтерию из каких-то личных соображений. А бывший подстригатель деревьев не выполнил заказы, которые Линда нашла для него. Он уехал из города, так и не зачистив те участки.

И всё-таки Линда не унывала. «Знаете, слава богу, мне хватало на жизнь, – вспоминает она. – У меня не было возможности трудиться на постоянной работе, но у меня еще оставались заказы». И вот она уже толкает перед собой газонокосилку в засушливые летние дни, когда температура доходит до пятидесяти градусов. Она узнала, каковы симптомы солнечного удара: если стоишь на солнце и тебе становится холодно, то беги скорее оттуда! За один заказ она получала около 150 долларов. Часто она начинала работу на рассвете, в полдень уходила отдохнуть, а затем возвращалась, чтобы убрать оставшийся мусор.

«В первый раз, когда мне еще не заплатили, у меня не было денег, чтобы отвезти всю эту траву на свалку, и тогда мы поехали на озеро, развели костер, было очень ветрено, – говорит она, вспоминая поездку на озеро Мид. – Ветер подхватил сухие стебли и потащил по берегу. Подошел смотритель и сказал: “Этого делать нельзя”. А я: “Я уже всё

сделала. Гашу костер. Вот, землей его забрасываю” И тогда я подумала: “Я не могу и дальше так сгребать сухую траву по невыносимой жаре. Я не для этого ходила в колледж!”» – вспоминает Линда, которая изучала строительное дело. Тем временем ее старшая дочь и зять нашли работу в быстро развивающемся казино: она – официанткой, а он был на побегушках на парковке. Скоро Линда стала продавать сигареты в казино Riverside в городе Лафлин, чья экономика активно росла на игорном деле. («Тезка» города – владелец Riverside Дон Лафлин – сначала хотел назвать его просто «Казино», но Почтовая служба США ему этого не позволила^[22].) Линда была так благодарна, что послала Дону Лафлину большой букет роз. Ее вызвали в его офис. «Что это?» – в недоумении спросил он. «Это сердечное спасибо вам, Дон, – сказала Линда. – И только. Я просто хотела вас поблагодарить за то, что дали мне работу. Никакого другого умысла у меня не было и нет».

В казино Линда продавала сладости, цветы и сигареты с подноса, который висел на плечевом ремне. Поднос оказался таким тяжелым, что поначалу ей пришлось носить бандаж, чтобы не перегружать спину. Но даже с ним это была серьезная нагрузка. «На сигаретах я похудела на несколько размеров», – говорит она.

Линда покупала розы по оптовой цене, 96 центов за штуку, а потом продавала по 4 доллара, часто получая еще доллар сверху в качестве чаевых. Сигареты она брала блоками и продавала пачками с выгодой в 50 центов. Постепенно она познакомилась с игроками и знала, что, например, вот тот вечно мучается головной болью и готов отдать 5 долларов за 25-центовую упаковку аспирина. Если ночь проходила удачно, то ей удавалось выручить от 200 до 300 долларов. Также у нее был дополнительный источник дохода: она руководила людьми, которые чистили в казино искусственные растения.

Однако золотая пора работы в Riverside резко подошла к концу с появлением автоматов по продаже сигарет. Дон снова вызвал Линду к себе и сообщил, что ее должность себя изжила. Но он не хотел ее увольнять. Он посоветовал ей поговорить с Дейлом, генеральным менеджером, чтобы тот подыскал ей работу. Линда отправилась на поиски и пришла точно по адресу. «Кто здесь больше всего зарабатывает?» – спросила она. «Ну, у вас выбор между крупье и

официанткой в баре», – ответил Дейл. «Думаю, я лучше буду официанткой», – сказала Линда.

На новой должности полагалось носить форму: приталенный фрак с красным атласным поясом, короткие шортики, нейлоновые чулки и каблуки. Наряд скромностью не отличался, и Линду это тревожило. «Не знаю, смогу ли я вообще это носить!» – подумала она, но решила попытаться. Когда она впервые надела форму, ее непосредственный руководитель сказал, что она выглядит чудесно. К собственному удивлению, Линда с ним согласилась. На территории казино она чувствовала себя спокойнее под защитой охранников-вышибал, которые не позволяли посетителям развязно вести себя с официантками. «Я видела, как охранники хватали людей за шиворот и открывали дверь их головами», – вспоминает Линда.

Линда с любовью говорит о тех годах, когда работала в Riverside. Она хранит свой снимок в форме казино: она улыбается, волосы коротко подстрижены, а у нее за спиной – река Колорадо. Но на тот момент ей было сорок лет. Чем дальше, тем меньше у нее будет шансов оставаться на этой должности, опыт и стаж не помогут. Впереди маячила кабала низкооплачиваемых работ.

К тому моменту, когда ей исполнилось шестьдесят, вопрос встал ребром: разве она сможет когда-нибудь не работать? Большую часть своей жизни она жила от зарплаты до зарплаты, о сбережениях и речи не шло. Ее единственная подушка безопасности, социальные выплаты, была уж слишком тонкой. Разве можно уйти на пенсию и жить всего на 500 долларов в месяц?

В то же время у Линды были свои долгосрочные надежды на будущее. Они не имели ничего общего со старыми клише: частным поселком во Флориде или даже партиями в гольф. Ее мечты в буквальном смысле были приземленные, замешанные на земле и мусоре, который оставляют за собой люди.

Она хотела создать экодом: дом с солнечными батареями, построенный из мусора, такого как пластиковые бутылки или консервные банки, с несущими стенами из набитых землей шин. Автором проекта был эксцентричный архитектор из Нью-Мексико Майкл Рейнольдс, который возился с ним с 1970-х; предполагалось, что жители экодомов приспособятся жить без привычных удобств. Стены из шин выступают в качестве батареи, днем поглощая тепло

солнечных лучей, а ночью отдавая его; так регулируется температура внутри помещения. Дождевая вода и растаявший снег собираются в цистерну, потом эту воду можно фильтровать и использовать для питья, мытья, поливки теплиц и смыва в туалете. Солнечные батареи или в некоторых случаях ветряные мельницы производят электричество.

При всем их прагматизме экоддома нередко могут похвастаться забавными украшениями: шпилями и башенками, колоннами и арками, глинобитными стенами ярких цветов или рядами бутылок, имитирующими витражи. Такие дополнения не требуют изощренных строительных навыков, что делает их доступными для любителей и дает простор творчеству. Пустыня за чертой Таоса пестрит такими экоддомами, там целое поселение. Со стороны оно похоже на лунную колонию, построенную под руководством сказочника доктора Сьюза, архитектора Антонио Гауди и художников-постановщиков «Звездных войн».

Идея того, чтобы создать уникальное, самодостаточное и экологичное жилище, была очень близка Линде. «Это не продукт массового потребления, – говорила она. – Это всё равно что жить в произведении искусства, и я могла бы построить его собственными руками». Ее увлечение экоддомами началось после того, как звезда телесериала «Дымок из ствола» Деннис Уивер в 1989 году переехал в Колорадо, чтобы построить себе такой дом. Он снял об этом документальный фильм, который несколько лет транслировался по телевидению, задавая американским зрителям новый тренд^[23]. В начале фильма седовласый актер стоит на низкой стене и кувалдой забивает землю в шину. Потом он поднимает взгляд и целенаправленно идет на камеру. «Вам бы понравилось жить в доме без счетов за электричество, кондиционеров, отопления и при этом прекрасно чувствовать себя и в самую холодную зиму, и жарким летом? – спрашивает он. – Не верите, что так бывает?» Он радостно подходит к группе строителей. Он снимает кору с дерева, чтобы сделать стропила для крыши, а потом заполняет вязкой смесью грязи, песка и соломы консервные банки и шины, которые в будущем станут стеной спальни.

Не все оценили горячее желание актера жить в хваленой куче шин. Местные называли ее «особняк Michelin». В одном из ток-шоу ведущий Джей Лено спрашивал Денниса, что подумали соседи, когда

увидели, что он собирает мусор. «Когда приходит уборщик, как он понимает, где начинается мусор и заканчивается дом?» – веселился комик^[24].

Несмотря на неказистые строительные материалы, жилище Денниса Уивера площадью 930 квадратных метров обошлось ему в один миллион долларов и стало ярчайшим примером того, что можно назвать «экодом богатых и знаменитых»^[25]. Большинство экодомов по стоимости выходят как обычные деревянные, хотя одна новозеландская семья ухитрилась уложиться меньше чем в 20 000 долларов. «Я верю в детский труд», – писал в Сети Брайан Габб, гордый отец пятерых детей, добавив, что поначалу жена сочла его чокнутым, когда узнала, что он хочет построить экодом^[26]. В Сиэтле группа энтузиастов решила создать маленький упрощенный вариант с использованием материалов со свалок, волонтерского труда и добровольных пожертвований. Эта строительная миниатюра – местное издание снисходительно назвало ее «экодомишко» – еще в работе^[27].

Экодома есть на всех континентах, за исключением Антарктиды. Волонтеры, по всему миру ликвидировавшие последствия стихийных бедствий, строили их после таких катастроф, как цунами в Индийском океане в 2004-м, землетрясение на Гаити в 2010-м, тайфун Хайян на Филиппинах в 2013-м. Наверное, сейчас наиболее одиозные строители экодомов – последователи НЛО-культы «Небесные врата», которые возвели жилище из шин в своем поселении в Нью-Мексико. После их массовых самоубийств в 1997-м, широко освещенных в прессе, архитектор Майкл Рейнольдс заверил всю Америку, что экодома не имеют никакого отношения к данной секте. «Сумасшедшим фанатикам нужно где-то жить, как и всем другим людям, – сообщил он Associated Press. – Мы учим людей тому, как жить в мире с землей, а не как ее покинуть»^[28].

Линда – одна из самых восторженных почитательниц Рейнольдса. Она в восторге от того, как твердо он отстаивал свой проект, воюя с бюрократами, которые поддерживают мудреные и привычные всем системы обеспечения домов; эта борьба была запечатлена в фильме «Мечты из мусора»^[29]. «Майкл Рейнольдс! Разве ты не хотела бы взглянуть на мир его глазами? Он вел эту борьбу с семидесятых, –

восторгается она. – Они забрали у него лицензию только потому, что первые дома не удались».

Недавно Рейнольдс начал утверждать, что экодому могут стать вехой в обеспечении базовых человеческих потребностей в обход рынка. «Мы должны найти способ создавать для людей хорошие жилищные условия, которые бы не попадали под влияние чудовища по имени экономика, – написано на его сайте. – Экономика – это игра. Но она должна касаться вещей, которые не назовешь жизненно важными (мотоциклы, компьютеры, телевизоры). Когда человек кормит семью, выживает, ищет приют... всё это не должно быть предметом экономики»^[30].

Почти десять лет назад Линда начала искать в интернете планы, чертежи и фотографии интерьеров экодому. Те, которые нравились ей больше всего, она распечатывала и аккуратно подшивала в папку с древесным рисунком на гладкой обложке. В ее профиле в Facebook стоит картинка, на которой экодому возвышается над колючим пустынным кустарником на фоне розового закатного неба Нью-Мексико. «Это дом моей мечты», – указала она под картинкой. И подробно расписала: «Экодому строятся из переработанных шин, бутылок и консервных банок. Они самодостаточны, не требуют никаких дополнительных подключений, электричество вырабатывается от солнца или ветра, вода дождевая. Вода используется четыре раза. В теплицах растет еда. Всё это значит, что вы можете жить свободно, без всяких счетов. Сколько раз я говорила, что всё это мне необходимо, чтобы выплатить кредит?»

Линда надеялась отыскать дешевый земельный участок там, где на строительные нормы смотрят сквозь пальцы. Рейнольдс называет такие места островками свободы. Линда примерно представляла себе, как можно бесплатно собрать материалы и подключить к стройке волонтеров. Но как ей начать такой амбициозный проект, когда она застряла в круговерти низкооплачиваемых работ, когда почти весь ее заработок уходит на уплату аренды и социальные выплаты не принесут ей видимого облегчения? Ей нужен был новый образ жизни, стратегия, которая позволит ей откладывать часть зарплаты, при этом сократив и без того скромные расходы. Иными словами, ей нужен был мост к экодому.

Линда знала, что не может ждать. Она не молодеет, а строительство нового дома потребует физической сноровки. К тому же нужно время, чтобы собрать все необходимые ресурсы. Но если ей удастся это проверить, то у нее будет не просто странное жилище на пенсии. Экодом стал бы ее посланием потомкам, памятником, который простоит век, а то и дольше. «Для этого нужны все мои знания, опыт и чутье, и тогда я оставлю кое-что после себя, – говорит она. – Я бы хотела завещать экодом моим детям и внукам».

Линда жаждала самодостаточности. Она читала, что экодом, в котором не нужны никакие внешние ресурсы, чтобы получать еду, электричество, климат-контроль и воду, будет практически симбиотическим организмом. Если ей удастся построить его и вести в нем хозяйство, то он тоже будет заботиться о ней. Вот она, заманчивая стабильность. В конце концов, Линда вступает в опасный возраст. По данным переписи 2015 года, из всех одиноких пожилых женщин чуть ли не каждая пятая живет за чертой бедности^[31]. Таких женщин в Америке почти вдвое больше, чем мужчин (2,71 миллиона и 1,49 миллиона соответственно). А если говорить о социальных выплатах, то женщины в среднем получают в месяц на 341 доллар меньше из-за более низких отчислений, разницы в зарплатах, о которой обычно не говорят^[32]. В 2015 году на каждый доллар, заработанный мужчинами, приходилось 80 «женских» центов. К тому же женщины чаще бесплатно сидят с детьми и пожилыми родственниками (Линда не только вырастила двух дочек, но и позже стала круглосуточной сиделкой для своей матери, у которой в середине 1990-х начал резко прогрессировать рак мозга). Женщины в целом зарабатывают и откладывают меньше^[33]. А поскольку продолжительность их жизни выше – в среднем на пять лет дольше мужчин, – эти деньги приходится растягивать на более долгий срок^[34].

Линде Мэй исполнилось шестьдесят два 1 июня 2012 года. В следующем месяце ей по почте пришел первый чек социальных выплат. «Мне не стоило забирать пенсию до того, как мне исполнилось шестьдесят пять, – вспоминала она, – но мне полагалось так мало, что я подумала: “Всё равно, какой там будет процент, он в любом случае сильно не увеличится”».

Так или иначе, у нее была проблема. «Как жить дальше, не работая весь остаток жизни, и при этом не быть обузой для моих детей?» –

размышляла она. Линда знала, что когда-нибудь она захочет решить эту проблему с помощью экодима. Но как к нему подступиться?

Глава 3. Выжить в Америке

В 2010 году, ровно через неделю после того, как Линда приняла решение не взрывать свой трейлер в День благодарения, плохие новости пришли в Эмпайр – рабочий поселок на три сотни жителей, который, точно репейник, цеплялся к оконечности пустыни Блэк-Рок на северо-западе Невады. Один из последних традиционных рабочих городков Америки целиком принадлежал United States Gypsum – компании, производящей гипсокартон. Поселение являло собой пережиток сильно романтизированного золотого века американской промышленности, когда положение рабочего гарантировало принадлежность к среднему классу и возможность содержать семью без страха внезапного увольнения.

Городок находился в одиннадцати километрах к северу от «гипса», открытой гипсовой шахты у подножия селенитного горного хребта. Там шахтеры взрывали игданит – это смесь нитрата аммония и дизельного топлива, – обнажая белые рассыпчатые глыбы руды, залегавшие в глубоких расщелинах. Самые большие достигали полмили в ширину. Карьерные самосвалы отвозили шестидесятитонные партии сырья на завод на краю города. Там рабочие измельчали гипс, нагревали его до 500 градусов в больших бадьях и делали плиты, которые можно увидеть в типовых домах на западе Америки.

За территорией завода по бокам четырех обитаемых улочек выстроились одноэтажные дома, вдоль дорог высажены тополя и ели. Низкую аренду – 110 долларов за квартиру и 250 долларов за целый дом – оплачивает U.S. Gypsum. (Механики на заводе получают 22 доллара в час, операторы оборудования – чуть меньше, а значит, рядовой служащий за два дня мог бы отбить стоимость жилья.) Компания также платит за телевидение, канализацию, вывоз мусора и интернет. Расходы у рабочих низкие, а доход стабильный, поэтому с жизнью от зарплаты до зарплаты – этой изматывающей формой существования, которая так часто встречается во внешнем мире, – в этом городке мало знакомы. Он как будто застрял в 1950-х, экономическая модель здесь не изменилась с послевоенных времен. «Тут прекрасно можно накопить денег», – сообщила мне Анна Мария

Маркс, пятнадцатилетняя сотрудница лаборатории, где проверяют гипсокартон.

Во время расцвета Эмпайра здесь жило более 750 человек, если верить выпуску местного издания Gypsum News от июля 1961 года. «Люди, которые остаются жить тут, – одна большая счастливая семья», – утверждает журнал. Хотя в связи с модернизацией население города сократилось и к 2010 году составляло половину от вышеназванной цифры, атмосфера не изменилась. Поскольку все жители знали друг друга, входные двери никогда не запирались, а машины зачастую парковали, не забрав ключей. «Ни бандитов, ни сирен, ни насилия», – нараспев говорит Тоня Линч, которая живет здесь с мужем, управляющим на заводе. А поскольку Эмпайр территориально изолирован от остального мира – долгие годы на дороге, ведущей к нему, стоял особый знак «Добро пожаловать в глушь», – местным не оставалось ничего, кроме как развлекаться самим и развлекать друг друга. Это подразумевало обилие тематических вечеринок, званых ужинов, сеансов игры в кости под названием «бунко», а также экскурсий в дебри пустыни, где можно поохотиться на оленя, антилопу или кеклика – серо-коричневую куропатку с полосатыми крыльями и ярко-красным клювом. Многие обустроивали себе невероятно пышные лужайки, из чувства превосходства, свойственного адептам цивилизации, отвоевывая себе исконно бесплодную территорию. Там, где заканчивались отмеченные зеленой травой участки, нетронутая пустыня Блэк-Рок тянулась до самого горизонта. На фотографиях со спутников Эмпайр найти очень легко: зеленое пятно посреди коричневой пустоши.

У изоляции были свои минусы. «Мы всегда работаем бесплатным шоу для соседей, – саркастически замечает Аарон Констэбл, мастер по техническому обслуживанию. – Соседи всегда смотрят за тобой, неважно, хочешь тебе того или нет». Так жили здесь несколько десятилетий сплоченным рабочим коллективом. В 1923 году работники основали палаточный городок в том месте, на котором позже выросло поселение. Согласно некоторым источникам, Эмпайр может похвастаться самой долгоразрабатываемой шахтой. Первой, в 1910 году, здесь утвердилась Pacific Portland Cement Company.

Всё внезапно изменилось 2 декабря 2010 года. Рабочие в подбитых металлом ботинках и касках собрались в зале заседаний в 7:30 утра на

общее совещание. Майк Шпильман, официальный представитель завода, вкрадчивым голосом сообщил растерянным слушателям зловещие новости. Эмпайр закрывается. До 20 июня все должны покинуть эту территорию. Сначала повисла тишина, потом полились слезы. «Я должен был выйти и сказать девяноста двум людям: “У вас больше нет не только работы, но и дома”», – тяжело вздыхая, вспоминал позже Майк. Остаток дня работники были предоставлены себе. В то холодное, пасмурное зимнее утро они возвращались в дома, которые больше им не принадлежали, чтобы осознать печальные вести и передать их своим семьям.

U.S. Gypsum, чей бюджет оценивался в 4 миллиарда долларов, в 2010 году понесла тяжелые потери, к концу третьего квартала лишившись 284 миллионов долларов. Уильям Фут, на тот момент генеральный директор компании, объяснил тревожную для компании тенденцию «слабыми позициями на рынке и крайне малыми объемами отгруженной продукции». За изощренной терминологией скрывалась банальная история: спрос был недостаточный, содержать Эмпайр стало нерентабельно. Доходы компаний, производящих гипсокартон, привязаны к развитию строительной индустрии, а кризис, наступивший после падения рынка недвижимости, никак не заканчивался. Некоторые города он едва затронул, но для Эмпайра эта ситуация стала роковой.

В январе 2011 года я приехала в Эмпайр, чтобы написать статью для журнала. Кальвин Райл, который работал в отделе контроля качества, а до этого – старшим мастером, рассказал мне, как 1 июля 1971 года он пришел работать на завод. «Я прожил здесь тридцать девять лет и семь месяцев, – без обиняков сообщил он. – Я не прогулял ни одного дня и ни разу не получал травмы». Поскольку именно он мог похвастаться званием человека, который проработал на предприятии дольше всех, к нему перешла почетная обязанность остановить производство. Стоя у транспортной ленты в цехе, где его сын также работал механиком по ремонту, шестидесятидвухлетний ветеран под взглядами рабочих поднял правую руку. Он нажал кнопку остановки и заплакал. «На заводе самый страшный звук – тишина, – объяснял Кальвин. – Мы часть строительного производства США, мы не просто клепаем картон». А в Эмпайр, добавлял он, можно было растить детей практически на природе и при этом достойно зарабатывать. Кальвин

собирался выкопать розовые кусты, которые посадил в своем дворе, и увезти их с собой: он понимал, что сорняки быстро заполонят заброшенное поселение. «Эмпайр, наверное, будет выглядеть как городок в фильме “У холмов есть глаза”, – пожимает плечами Кальвин (в 2006 году был снят нашумевший ремейк этого культового фильма ужасов, в котором мутанты-каннибалы бродят среди ветхих домов на месте заброшенного ядерного полигона). – Будет к 2011 году в Неваде город-призрак»^[35].

Неподалеку от завода католический приход Святого Иосифа Труженика проводил одну из последних месс. Церковь украшал новый деревянный крест, вырезанный прихожанином Томом Андерсоном, который тридцать один год жизни из шестидесяти одного проработал электриком на заводе. Как и Кальвин, Том хотел увезти с собой плоды своих трудов. Он посещал службы вместе с другими соседями. К концу службы пастор спросил, есть ли у кого-нибудь особые молитвы. Заговорила шестилетняя девочка в красивом лавандовом платье. «Я хочу помолиться за людей, которым нужно найти дом, – запинаясь, сказала она. – И за тех, кому не на что жить». В церкви повисло молчание.

В карьерах к югу от города дороги уже задыхались под гигантскими гравийными насыпями, которые преграждали путь автомобилям. Вскоре стали заметны и другие признаки конца. Вокруг города возвели сетчатый забор два с половиной метра в высоту, увитый колючей проволокой. Местные говорили, что теперь это место выглядит как концентрационный лагерь. Только что оставшиеся без работы люди устроили импровизированный мемориал, побросав каски на дерево, которое росло напротив здания почты. (Когда-то каски U.S. Gypsum были предметом гордости работников, своеобразным аналогом командной формы. Многие украшали их наклейками или рисовали на них красками или маркером. Особенно выделялись покрашенные в золотой цвет каски работников, которые, как Кальвин, проработали здесь больше двадцати пяти лет.)

Люди постепенно разъезжались. Та экономика, которая рухнула под грузом недвижимости, резко поднималась на золотых промыслах, и в Неваде нужны были шахтеры. Десятки бывших сотрудников Эмпайра перешли в Barrick Gold Corporation, владевшей несколькими

месторождениями неподалеку. Но другим оставшимся без работы пришлось труднее.

«Я просто выбросил несколько резюме, на них не было отклика, – говорил мне бывший менеджер отдела поставок Дэн Моран. – Может, в итоге мне придется пойти в дровосеки, чтобы выжить». Двадцатидвухлетняя Моника Бейкер, выросшая в Эмпайре, по приглашению руководства недавно вернулась туда с острова Оаху с двумя маленькими детьми – только затем, чтобы остаться без жилья и работы. «Я была вне себя от злости, ведь они постоянно твердили, что здесь у меня будет место», – говорит она. Моника знала, что в золотоносных шахтах нужны рабочие, но боялась жить рядом с отравленным водоемом: из-за развития рудникового дела в северной Неваде и так уже нельзя было ловить рыбу. Она решила, что попытается счастья примерно в ста километрах к югу, в небольшом городке Фернли, где были сетевые магазины. Она успела оседлать экономическую волну: прочь от заводов, вперед в сферу продаж и услуг. «Я просто устраюсь в какой-нибудь крупный супермаркет», – говорила она.

Исход рабочих семей продолжался до июня. Когда уехали последние, ворота заперли на замок, на забор повесили камеры видеонаблюдения и знаки «ПРОХОДА НЕТ». Дома, а также бассейн, две церкви, почта и поле для гольфа с девятью лунками остались гнить. Даже местный индекс, 89405, перестал существовать. Чтобы территория не зарастала, компания оставила там два десятка коз, которые бродили по новоиспеченному городу-призраку, как стадо органических газонокосилок. Спустя годы приезжие будут сравнивать это место, эту картотеку прерванных жизней, с Чернобылем^[36]. В заводском офисе на столе остались недопитые чашки кофе, а календари показывали дату остановки производства^[37].

Но кое-где Эмпайр продолжал жить, хотя это выглядело довольно зловеще. В 2017 году можно было открыть просмотр улиц на Google-картах, найти соответствующую отметку в пустыне Блэк-Рок и посмотреть на стоящие у дорог машины, возделанные садики и людей, безмятежно поливающих лужайки. Все они замерли на фотографическом пейзаже, который не обновляли с 2009 года^[38].

Когда умирал Эмпайр, в сотне километров к югу расцветал новый и совсем иной рабочий городок. Во многих смыслах это была полная противоположность Эмпайру. Этот городок населяли не стремящиеся к стабильной обеспеченной жизни работники завода, а представители «прекариата»: люди, работающие на временных должностях за низкую оплату. Точнее, это были сотни сезонных работников, живших в фургонах, трейлерах, грузовиках, а иногда даже в палатках. Каждый раз по осени они наводняли стоянки для фургонов вокруг Фернли. Линда еще не знала, что скоро присоединится к ним. Многим из этих людей было по шестьдесят-семьдесят лет, им уже полагалось выходить на пенсию. Большинство проезжали сотни километров – и переносили стандартные унижения вроде проверок на криминальное прошлое или тестов на наркотики – ради возможности зарабатывать 11,5 доллара в час плюс сверхурочные на временных работах на складах. Они собирались провести здесь начало зимы, хотя большинство их домов на колесах не были приспособлены для жизни при отрицательных температурах. Нанимателем оказалась Amazon.com.

Amazon приглашала этих рабочих в рамках программы CamperForce: рабочая единица, сформированная из кочевников, которые будут временно трудиться на складах, так называемых пунктах выдачи. Вместе с тысячами обычных временщиков их нанимают в пик сезона продаж, когда поставки значительно увеличиваются; этот приток потребителей приходится на три-четыре месяца перед Рождеством.

Amazon не раскрывает прессе точное число персонала, но, когда я в частной беседе спросила менеджера CamperForce, нанимавшую новых людей в Аризоне, о размерах программы, та ответила, что это около двух тысяч работников. (Это было в 2014-м. В 2016-м Amazon перестала нанимать работников CamperForce раньше обычного, потому что «в этот год было подано рекордное количество заявок», как написал в Facebook бывший администратор программы.)

Рабочая смена длится десять часов или даже больше, за это время некоторые проходят более двадцати четырех километров по бетонному полу, при этом нагибаясь, приседая, дотягиваясь и забираясь на стремянки, так как они должны отсматривать, сортировать и фасовать

продукты^[39]. Когда предпраздничная гонка подходит к концу, CamperForce больше Amazon не требуется и программа закрывается. Работники уезжают друг за другом, и менеджеры восторженно называют это парадом задних фар.

Первым участником CamperForce, которого я опрашивала в течение долгого времени – несколько месяцев, – был мужчина. Назову его Дон Уилер. (Имя не настоящее, почему – поясню позже.) Последние два года на основной работе (инспектор программного обеспечения) он провел в разъездах: Гонконг, Париж, Сидней и Тель-Авив. В 2002 году он вышел на пенсию, что давало ему возможность наконец-то осесть: вместе с женой они жили в Беркли, в доме 1930-х годов постройки, выдержанном в испанском неокOLONIALном стиле. Также это давало ему возможность отдаться давней страсти: скоростным автомобилям. Он купил красно-белый Mini Cooper S, прокачал его до 210 лошадиных сил и тренировался до тех пор, пока не пришел третьим во всеамериканских гонках.

Скоростные времена быстро миновали. К тому моменту, когда я начала переписываться с Доном по электронной почте, ему было шестьдесят девять, он развелся и жил на парковке для автофургонов рядом со складом в Фернли. Дом после развода остался жене. Кризис 2008 года съел его сбережения. Ему пришлось продать Mini Cooper.

Вместе с Доном жил Риццо, джек-рассел-терьер весом семь килограммов, в трейлере марки Airstream 1990 года выпуска, который он ласково называл «Элли» (по номеру 300LE), с пластиковой танцовщицей на приборной доске и постерами с гоночными автомобилями на жалюзи. В прежней жизни он тратил около 100 000 долларов в год. В новой научился обходиться всего лишь 75 долларами в неделю.

К концу летнего сезона 2013 года Дон ожидал, что будет работать на складе Amazon пять ночей в неделю до рассвета, сменами по двенадцать часов, с тридцатью минутами на обед и двумя перерывами по пятнадцать минут. Большую часть смены он проводил на ногах, получая и сканируя товар.

– Работа тяжелая, но деньги неплохие, – объяснял он. Дон был лыс, носил очки в тонкой оправе и снежно-белую бородку клинышком. В правом бедре у него был штырь, который ему поставили после того, как он упал с грузовика на другой временной работе в Орегоне. Дон не

любил жаловаться. Однако, как и большинство его коллег, он считал дни до 23 декабря, когда заканчивался сезон CamperForce.

Дон рассказал мне, что стал частью нарастающего феномена. Он и большинство участников CamperForce – как и легионы других временных работников – называли себя трудопутниками. Я уже несколько раз натыкалась на это слово, но никогда не слышала, чтобы кто-то расписывал его так поэтично, как Дон. В Facebook он написал мне личное сообщение.

Трудопутники – это современные путешественники-автомобилисты, которые ездят по США и устраиваются на временную работу в обмен на бесплатный кемпинг – обычно с электричеством, водой и санузелом – и, возможно, небольшую плату. Вам может показаться, что это недавнее явление, но за нашими спинами – годы и годы истории. Мы следовали за римскими легионами, натачивая мечи и чиня броню. Мы бродили по новым городам Америки, чиня часы, машины и кухонную утварь, строя каменные стены за пенни за фут и весь крепкий сидр, который мы могли выпить. Мы последовали за эмигрантами на запад в наших повозках, вооруженные инструментами и навыками, затачивая ножи, чиня всё, что требовало ремонта, помогали расчищать участки, крыть крыши, пахать поля и собирать урожай в обмен на пищу и небольшую плату, а затем брались за новую работу. Бродячие ремесленники – наши предки.

Мы улучшили повозку лудильщика до комфортного фургона или пятиколесного трейлера. Большинство из нас уже на пенсии, и мы включили в наш репертуар навыки, приобретенные за годы в бизнесе. Мы можем помочь вам руководить магазином, отделать фасад или торец дома, водить ваши грузовики и грузоподъемники, упаковывать ваши товары, собирать ваш урожай свеклы, обрабатывать ваши участки и чистить ваши туалеты. Мы техноремесленники.

Другие трудопутники, с которыми я общалась, по-разному описывают свое положение. Многие говорили, что ушли «на покой», хотя и ждали выхода на работу в свои семьдесят или восемьдесят. Другие называли себя путешественниками, кочевниками, бродягами,

или – с хитрой улыбкой – цыганами. Сторонние наблюдатели давали им другие прозвища – от «детей Великой рецессии» до «американских беженцев», «зажиточных бездомных» и даже «сезонных бродяжек»^[40].

Как их ни назови, трудоустроенные крутятся в колесе работ, протянувшись от побережья до побережья и даже Канады. Они пашут на теневую экономику, которую создают сотни нанимателей, выставляющих объявления на сайтах с названиями вроде «Работники на колесах» или «Новости трудоустроенных»^[41]. В зависимости от времени года кочевники ждут на сборы малины в Вермонте, яблок в Вашингтоне и черники в Кентукки. Они проводят экскурсии на рыбозаводах, продают билеты на гонки NASCAR и охраняют ворота на территории нефтеносных районов в Техасе^[42]. («Это было ужасно, – вспоминала одна из трудоустроенных, охранявшая ворота в Гонсалесе, где она и ее муж получали около 125 долларов за двадцатичетырехчасовой рабочий день – примерно 5 долларов в час – и быстро утомлялись, потому что спать разрешалось только короткими интервалами. – Целую ночь нужно было всех регистрировать: номера, именные бейджи. Уезжая оттуда, мы с мужем были похожи на зомби».) Они продают бургеры во время крупных бейсбольных матчей. Они нужны, чтобы работать на точках с едой во время родео и крупных футбольных матчей («Вы должны быть готовы к большим объемам продаж», – указано в вакансии).

Они убирают сотни лагерей и трейлерных парков от Гранд-Каньона до Ниагарского водопада, куда частные организации их нанимают наряду с Лесной службой США и Инженерные войска США. Они работают в самых раскрученных туристических местах вроде Wall Drug, с его двухметровыми бетонными динозаврами и анимированными поющими ковбоями, или The Thing (музей редкостей на пустынном участке автострады в Аризоне, куда посетителей заманивают желтые билборды с надписями «Не поверишь, пока не увидишь» и «Загадка пустыни»).

Кочевники работают в киосках на обочине, продавая тыквы к Хеллоуину и фейерверки на День независимости^[43]. («Ехать на природу, чтобы провести неделю рядом с палаткой фейерверков... У меня крыша едет?» – написала одна вдова трудоустроенного, которая собиралась заступить на продажу фейерверков.) Некоторые торгуют елками. («Дай рождественской елке шанс!» – зазывает реклама,

нацеленная на путешествующих работников. «Грустить нельзя», – вторит другая.) Некоторые стоят за прилавками киосков в торговых центрах, продавая различные сезонные сувениры. Другие ищут протечки в газопроводах, проходя километры вдоль закопанных труб со специальным оборудованием, которое замеряет уровень углеводорода.

Служба охраны природы во Флориде нанимает их, чтобы они работали в контрольных пунктах для охотников, где они взвешивают трупы диких кабанов и оленей и забирают биологические образцы – как правило, челюсти оленей, – чтобы следить за здоровьем и возрастом местной популяции. В Южной Дакоте в местах отстрела фазанов есть вакансии в точках приема птиц.

Трудопутники водят паровозики в парках развлечений – от Теннесси до Айовы, от Нью-Йорка до Нью-Гемпшира («Работники получают возможность не только знакомиться и трудиться с новыми людьми со всего света, но и каждый день видеть искреннюю радость детей, чьи мечты воплощаются в реальность!» – обещает рекламное объявление одного из таких парков)^[44].

Некоторые работодатели платят по часам. Одна ферма в Джорджии ищет добровольцев для «ежедневной практики работы с шерстью лам» в обмен на место для фургона со всеми удобствами^[45]. В первую неделю работа не оплачивается, затем ставка 7,5 доллара в час. Другие предоставляют только некое подобие стола и кровати: парковочное место, не обязательно заасфальтированное и хорошо, если плоское и ровное, с водой, электричеством и санузлом. (В одной рекламе такой неоплачиваемой вакансии было написано: «Вы умеете водить лодку? Вам это нравится?» Так ищут «волонтера» на должность капитана водного такси в Порт-Сан-Луис в Калифорнии. В обмен на сорок часов работы в неделю предоставляется место для фургона и никакой зарплаты^[46].) А еще есть ежегодный сбор сахарной свеклы. В последнюю неделю сентября American Crystal Sugar Company собирает сотни кочевников в Монтане, Северной Дакоте и Миннесоте. Они работают двадцать четыре часа в сутки двенадцатичасовыми сменами, если погода позволяет. За это они получают 12 долларов в час плюс сверхурочные в дополнение к стандартному парковочному месту.

Неизвестно, сколько именно людей в США ведут кочевой образ жизни. Круглосуточные путешественники – головная боль демографа. Статистически они смешиваются с остальным населением, поскольку закон требует от них указывать постоянный – то есть поддельный – адрес. На какие бы расстояния они ни путешествовали, официально кочевники должны быть «прикреплены» к какому-нибудь месту. Официальное место жительства будет там, где человек покупает транспортное средство, проходит проверку машины, обновляет водительские права, платит налоги, голосует, участвует в заседаниях присяжных, подписывает медицинскую страховку (за исключением тех, кто на пенсии) и выполняет весь остальной перечень социальных обязанностей. А когда живешь буквально нигде, выясняется, что можешь зарегистрироваться где хочешь, по крайней мере на бумаге. Большинство предпочитает делать это там, где меньше всего проволочек (Флорида, Южная Дакота и Техас, где нет подоходного налога, наиболее популярны), и пользуются переадресацией электронной почты, чтобы оставаться на связи. Легче всего стать гражданином Южной Дакоты^[47]. Достаточно провести одну ночь в местном мотеле и зарегистрировать местную электронную почту. Затем предъявить письменное подтверждение государственному департаменту обеспечения безопасности населения – и дело в шляпе.

Несмотря на отсутствие официальной статистики, бытует мнение, что ряды кочевников резко пополнились после кризиса недвижимости и с тех пор продолжают расти. «С 2008 года мы наблюдаем приток людей. У меня даже есть список тех, кто хочет, чтобы их оповещали о вакансиях. Он должен включать не больше 25 000 имен, – сообщил репортеру Al Jazeera Уоррен Мейер, президент Recreation Resource Management, который отвечает за благоустройство 110 лагерей и нанимает около 300 трудоустроенных^[48]. – Многие приезжают парами, так что фактически на пятьдесят вакансий, которые у меня есть, претендуют около 50 000 человек, – добавляет он. – До 2008-го мне приходилось ходить на собрания пенсионеров и умолять этих людей, чтобы они пошли на меня работать».

Kampgrounds of America (КОА), главный наниматель трудоустроенных, по словам его представителя, каждый год привлекает около 1500 пар для работы на курортах и в зонах отдыха по всей стране^[49]. Workamper News – журнал, чей сайт регулярно пополняется

вакансиями, – сообщает, что число посетителей доходит до 14 000 и продолжает увеличиваться.

К тому же «жить в автофургоне теперь модно», заявил журнал New York Times Magazine в конце 2011 года, добавив, что в том году ожидалась конфискация 1,2 миллиона домов за неуплату, а продажи автофургонов должны были подскочить на 24 процента^[50].

Из всех программ, заинтересованных в трудоустройстве, наиболее активным нанимателем стала Amazon CamperForce. «Джефф Безос предсказал, что к 2020 году каждый четвертый мобильный работник будет трудиться на Amazon», – было написано на слайде презентации для новых сотрудников. Чтобы пополнять ряды, Amazon размещает стойки регистрации на мероприятиях, где собираются кочевники, – в основном это автомобильные шоу и ралли – в десятках разных штатов. Вербовщики носят фирменные футболки и раздают рекламные флаеры, а также наклейки, блокноты, бумажные веера, бальзамы для губ, календарики, чехольчики для банок, в которых пиво остается прохладным. На всем этом присутствует логотип CamperForce: черный автофургон с «улыбающейся» эмблемой Amazon.

С недавнего времени логотип и ссылка на сайт CamperForce появились на больших навесах, под которыми обычно паркуют автофургоны. В 2015 году их подарили нескольким участникам CamperForce с настойчивой просьбой пристроить их там, куда они поедут путешествовать.

Работникам также полагается вознаграждение в размере 125 долларов – в 2012 году оно составляло 50 долларов – за каждого нового сотрудника, которого они приведут^[51].

CamperForce издает электронную рассылку для перспективных сотрудников с подсказками от ветеранов программы^[52]. Они выглядят примерно так.

Донна Боннет советует: «Не пытайтесь работать в новых ботинках! Постарайтесь убить их заранее».

Джойс Кули советует: «Самое важное – позитивный настрой. Не нужно ждать, что нам всё устроят просто так. Для этого нужно работать».

Кэрол Петти советует: «Правильное видение ситуации с самого начала поможет вам в дальнейшем. Это работа, не карьера».

Джордж Нельсон советует: «Поступайте как все и не жалуйтесь, это не наш метод. Это просто сезонная работа».

Брайан Нельсон советует: «Свою работу сортировщика я воспринимал как **ОПЛАЧИВАЕМЫЕ ТРЕНИРОВКИ**. Вам придется много ходить между стойками, так двигайтесь активнее. Вы сожжете больше калорий и при этом станете более продуктивными».

Шэрон Скофильд советует: «Когда вы носите коробки, у вас могут появиться небольшие порезы и ссадины. Amazon предоставляет перчатки для защиты рук. Купите **ХОРОШИЙ** крем для рук и тщательно их массируйте».

В рассылке также рассказывается о достопримечательностях рядом со складами, которые работники могут посетить в свободные часы. «В октябре в Фернли проходит вечеринка Hard Times Dance, – написано в одной из них. – Участники приходят в тематических нарядах “тяжелых времен”»^[53]. В других, для работников в Коффивилле, сообщается: «В парках есть ореховые деревья, [и] вы можете бесплатно собирать пеканы, черные орехи и орехи гикори. В прошлом году одна пара собрала и продала более 45 килограммов орехов!»^[54]

Рекламные проспекты Amazon предупреждают, что кандидаты CamperForce должны быть готовы поднимать предметы весом около 23 килограммов и жить в местах, где температура может превышать 30 градусов. В рассылке всегда пишут мотивирующий слоган компании: «Работайте усердно. Наслаждайтесь жизнью. Творите историю»^[55]. В ней же неизменно прописаны нематериальные вознаграждения: «Вы будете окружены коллегами, которые также приезжают сюда, чтобы обрести новых друзей и заново познакомиться со старыми. С ними вы разделите хорошую еду, хорошие истории и хорошие времена вокруг костра или общего стола. Иногда всё это дороже денег!»^{[56][57]} В закрытой группе работников CamperForce в Facebook одна женщина говорила, что потеряла 11 килограммов за три месяца работы. Другая ей ответила: «Легко терять вес, когда каждый день проходишь по марафону. Бонус: вы так устаете, что не можете есть!» Третий работник хвастался, что прошел 880 километров за десять недель работы. Впоследствии его рекорд был побит человеком, который выложил фотографию фитнес-браслета,

показывавшего 820 миль (1320 километров), пройденных за двенадцать с половиной недель.

Я хотела своими глазами увидеть это поселение нового формата. Когда я рассказала об этом бывшему вербовщику CamperForce, он ответил, что лучше всего приезжать во второй половине октября, потому что «к этому времени люди еще не выдохлись окончательно».

Я последовала его совету и приехала в Фернли за неделю до Хеллоуина 2013 года. К тому времени работники заполнили парковки аж в 56 километрах от складов Amazon (Линда тоже была там и обосновалась в Фаллоне, близлежащем городке, но тогда я этого не знала: я познакомлюсь с ней только через три месяца, в Аризоне). Места на этих парковочных территориях зачастую бронируются за несколько месяцев вперед, приезжающих проверяют по длинным спискам. Самым популярным – наиболее близким к складам – был парковочный парк Desert Rose: засыпанный гравием участок, граничащий с шоссе и разделенный пополам высоковольтными проводами, которые громко потрескивали наверху. Здесь работники раскладывали коврики для ног и складную мебель. На деревьях они развешивали колокольчики, птичьи кормушки и флаги с яркими надписями в духе «АМЕРИКА ПРЕКРАСНА» или «СЕЙЧАС ГДЕ-ТО ПЬЮТ ВЕЧЕРНИЙ ЧАЙ». Некоторые устраивали показы самодельного искусства, например летающее глазное яблоко размером с дыню, с крыльями из вилок и поставленное на перевернутую штурвальную колонку. Другие выставляли декор к Хеллоуину: тюки сена, высушенные стебли кукурузы, тыквы с розовыми блестками. А когда они не украшали свое парковочное место, то собирались маленькими группами и обсуждали повседневные дела, отчего парковка становилась более «домашней»: договаривались, как будут копить деньги на бензин, или советовали друг другу недорогие ресторанчики, где можно посидеть в выходной. (Какой самый популярный? Gold Pen Special в местном казино: два яйца и два блинчика с беконом, сосиской или ветчиной, к ним картофельные оладьи или картофель по-домашнему, всего за 2,7 доллара – это с десятипроцентной скидкой для пенсионеров.)

Я долго считала, что большинство таких кочевников – пенсионеры, вальяжно разъезжающие по американским просторам, любящая природой и наслаждаясь отдыхом, заслуженным десятилетиями работы. Казалось бы, это так естественно. Такие беспечные персонажи еще существуют, но к ним присоединяются новые кочевники. Например, большинство завсегдатаев Desert Rose об отдыхе и не помышляли. Большинство новоприбывших включались в «тяжелые будни» – акклиматизационный период работ двенадцатичасовыми сменами. Те, что приехали раньше, приноравливались работать в напряженном темпе складов.

«Я впервые выполняю механическую работу. Я стала совсем иначе к ней относиться», – сказала мне Линда Чессер, бывший куратор по учебным вопросам Вашингтонского университета.

Она развешивала рубашки в прачечной Desert Rose, где на книжных полках разместились небольшая местная библиотека и на незаконченном пазле вырисовывался луг с полевыми цветами. Линде было шестьдесят восемь, и она сказала мне, что очень благодарна ибупрофену. «Я принимаю четыре таблетки утром, когда иду на работу, и четыре вечером, перед сном». Некоторым этого недостаточно. Каррен Чемберлен, в прошлом водитель автобуса шестидесяти восьми лет, с двумя замещениями тазобедренного сустава, рассказала мне, что ушла из CamperForce спустя пять недель, потому что ее колени не выдерживали полный рабочий день ходьбы по бетонному полу. Посетив другую парковку Amazon, в Коффвилле, я познакомилась с Кенни Харпером, который тоже вскоре ушел. Позже в электронном письме он написал, что «его моторчик не справлялся с работой». Другие говорили про щелкающий указательный палец – дефект сустава, который развивался из-за постоянной работы со сканером штрихкодов. И многие автофургоны, куда я заходила, были похожи на мобильные аптеки, с обезболивающим гелем, смягчающими кремами для усталых ног, английской солью и бутылочками с анальгетиком. Если у работников заканчивались таблетки, достать их было нетрудно: на складах Amazon стояли автоматы, где можно было бесплатно и без рецепта взять обезболивающее.

«Это целый слет домашних беженцев!» – Боб вспоминает первые впечатления, когда они с женой Анитой впервые приехали в Фернли, чтобы присоединиться к CamperForce. Семья Апперли предполагала, что они уйдут на пенсию, продадут свой большой дом в Бивертоне и на эти деньги будут жить на борту своего корабля. Этот дом они купили за 340 000 долларов, когда он был на пике стоимости, и вложили в него еще 20 000 долларов. А затем случился кризис недвижимости, и цена дома опустилась до 260 000. До кризиса всё было хорошо. Боб был бухгалтером в компании, производившей пиломатериалы (он ненавидел эту работу, но платили неплохо), а Анита – художником по интерьеру и сиделкой с неполным графиком. Оба они даже не думали о том, чтобы провести остаток жизни, выплачивая кредит, превышающий стоимость их дома. Поэтому они купили трейлер и пустились в путь. «Мы просто ушли от этого, – говорит Анита. – Мы сказали себе: “Мы так больше не играем”».

Боб во всем винил плохих парней с Уолл-стрит. Он почти извинялся за свое решение оставить дом. И поспешно добавлял, что всегда вовремя платил по счетам и был в хороших отношениях с банками. Разорение пошатнуло его веру в бесконечно растущие цены на недвижимость. «Я никогда не сталкивался с тем, чтобы дом падал в цене», – говорит Боб, качая головой. Он сравнивал «медленно проясняющуюся реальность» своей новой жизни с пробуждением в «Матрице»: осознание, что приятный предсказуемый мир, в котором ты раньше жил, – всего лишь мираж, ложь, маскирующая жесткую истину. «Безопасность, которой утешаются многие... Я не уверен, что это не иллюзия, – добавляет он. – Сразу теряешься, понимая, что твоя истина – не истина вовсе. То, что ты считал истиной, сильно затуманивает зрение. Нужны радикальные меры, чтобы избавиться от этих шор». Когда я познакомилась с семьей Апперли, обоим оставалось еще несколько лет до пенсии. Боб планировал наниматься на сезонную работу в Amazon, пока ему не исполнится шестьдесят пять. Анита не могла пойти на склад, потому что у нее не было диплома об окончании старшей школы. Поэтому она подрабатывала у соседей. В их лагере, как и на других стоянках работников CamperForce, сформировалась мини-экономика, которой заправляли оставшиеся дома жены и мужа тех, кто работал на складе. Они развешивали объявления о своих услугах – выгул собаки, готовка еды,

шитье, починка мебели, уроки рисования для начинающих – на досках в общих прачечных.

Апперли были не единственными пострадавшими от рыночных потрясений, которых я нашла среди участников CamperForce. Я общалась с десятками рабочих из Невады, Канзаса и Кентукки. На меня так и сыпались истории о проблемах с деньгами. Иногда у меня было ощущение, что я оказалась в лагере беженцев времен Великой рецессии, в месте последнего прибежища американцев, которых так называемое восстановление экономики оставило без рабочих мест. А иногда мне казалось, что я общаюсь с заключенными. Порой очень хотелось оставить в стороне любезности и спросить: «За что вы тут оказались?»

Среди тех, с кем я познакомилась, были люди, чьи сбережения испарились из-за неудачного вложения или чьи многотысячные накопления уничтожил обвал рынка в 2008 году. Некоторым не удалось создать подушку безопасности, чтобы выстоять перед другими жизненными неурядицами: разводами, болезнями, травмами. Кого-то уволили – или у них был маленький бизнес, который не пережил рецессию. И хотя рабочие младше пятидесяти были в меньшинстве, таких я тоже встречала. Они рассказывали о местах, которые потеряли – или которые не смогли найти, – или проблемах, связанных с кредитом на обучение и степенях, от которых, как оказалось, мало пользы. Многие надеялись, что жизнь в дороге станет спасением от будущего, которое при ином раскладе представлялось им пустым.

Программа CamperForce начиналась как эксперимент. Так вышло, что он совпал с кризисом недвижимости. Amazon годами пыталась набрать достаточно персонала на свои многочисленные склады, чтобы успевать с поставками к Рождеству. Она разрабатывала разные программы найма и даже на некоторое время привозила рабочих из других мест на автобусах^[58]. Затем, в 2008 году, одно агентство, работающее с временными рабочими, во время предрождественской суеты привело несколько обитателей трейлеров на склад компании в Коффивилле. Результаты были обнадеживающими, и Amazon разработала программу CamperForce, применила ее на складах в Фернли и Кэмпбелсвилле и начала набирать работников напрямую, минуя посреднические агентства. Впоследствии менеджеры сформировали небольшие группы из доверенных ветеранов

CamperForce – назвав их «командами на выезде», – чтобы они тренировали новичков в новых точках, открывшихся в Трейси, Мурфрисборо и Роббинсвилле. В начале 2017 года Amazon анонсировала последнюю серию складов, подключившихся к CamperForce в Кэмпбелсвилле, Мурфрисборо, Хаслет и Сан-Маркос. (В Фернли склад закрылся, переехав на новое место в Рено, куда участников CamperForce не набирали.)

Трудопутники – очень удобная рабочая сила, почти идеальные кандидаты для тех, кому нужны сезонные рабочие. Они появляются там, где их ждут, и тогда, когда их ждут. Свои дома они привозят с собой, превращая парковки фургонов в недолговечные городки, которые исчезают, как только заканчивается сезон работ. Он длится не так долго, чтобы работники успевали объединяться в профсоюзы. На физически тяжелых работах многие устают так, что после смены уже не в состоянии общаться.

Они не особо требовательны в плане бонусов или страховок. Наоборот, среди рабочих, которых я опросила в свой первый год исследования феномена трудопутников, – а их было более пятидесяти, – большинство были рады тому подобию стабильности, которое давала краткосрочная вакансия. Вот, например, пятидесятисемилетняя Джоанна Джонсон, которая бежала вверх по лестнице на складе Amazon в Кэмпбелсвилле, споткнулась и упала, ударившись головой об опорный стержень транспортной ленты. Ее перевязали в местном травмпункте, затем отправили в больницу^[59]. После этого она могла похвастаться двумя фингалами и девятью стежками на лбу у корней волос. «Они разрешили мне продолжить работу. Они не уволили меня», – с теплотой вспоминает Джонсон. На следующий день после инцидента сотрудник отдела кадров пришел в фургон, где она жила со своим шестидесятилетним мужем, бывшим трудопутником. Джонсон, которая пообещала своим работодателям больше никогда не бегать вверх по лестнице, была поражена: «Мы сильно удивились: он действительно потратил свое время, пришел к нам и узнал, как мы живем».

Мне было интересно, почему такая компания, как Amazon, берет кандидатов в возрасте на те вакансии, которые больше подходят людям помоложе. «Потому что мы очень надежные, – предполагает Джонсон. – Мы знаем, что если подписался на что-то, то нужно

выполнить работу как можно лучше. Мы не берем отгулы, если можем обойтись без них». (Оправляясь после травмы, Джонсон пропустила только один рабочий день. Ей его не оплатили.)

Основатели CamperForce неустанно повторяют, что пожилые люди добросовестны. «К нам приходили восьмидесятилетние, которые великолепно выполняли свою работу, – утверждал Келли Калмс, администратор программы в Кэмпбелсвилле во время онлайн-семинара, организованного Workamper News. – Преимущество наших старших работников – а их у нас большинство – в том, что они посвятили жизнь работе. Вы, люди в возрасте, знаете, *что* такое работа. Вы вкладываете в нее душу, а мы знаем, что работа – не спринт, а марафон. Это немного напоминает басню о зайце и черепахе. Некоторые из наших младших сотрудников сразу бросаются вперед. Вы же очень методичны – вы просто знаете, как нужно, и работаете поэтапно. Хотите верьте, хотите нет, но и те и другие приходят к финишу примерно в одно время»^[60].

Помимо этого, Amazon получает федеральный налоговый кредит – от 25 до 40 процентов зарплаты, – когда нанимает социально незащищенных сотрудников на некоторые должности, включая стареющих получателей дополнительного социального дохода и всех, кому положены талоны на продовольствие. Подкованные участники CamperForce знают всё об этом. «Налоговый кредит на предоставление рабочих мест – та причина, по которой Amazon может набирать медленных неквалифицированных работников, – написала в своем блоге, “Истории Безумия”, одна из временных работников. – Поскольку почти на три месяца в году они освобождают нас от государственной поддержки, мы для них – средство получить налоговые льготы»^[61].

Не только Amazon старается набирать пожилых сотрудников. Во время онлайн-семинара по найму рабочих на ежегодный сбор сахарной свеклы Скотт Линдгрэн, представитель компании краткосрочной аренды персонала, восхвалял выдержку пожилых кочевников. «Мы также выяснили, что наши трудоустроенные крайне добросовестно относятся к работе, и мы за это им аплодируем, –

говорил он. – Мы знаем, что вы усердно трудились всю жизнь, и уверены, что можем положиться на вас и вы одни из лучших наших работников»^[62].

Дэвид Родерик, семидесятисемилетний трудопутьник, согласен с этим. «Они любят пенсионеров, потому что мы надежные. Мы приезжаем и работаем на полную катушку, почти как рабы», – сказал он мне, вспоминая зиму 2012 года, когда он и его жена – примерно ровесники – продавали рождественские елки в торговом центре в Калифорнии. При этом жили они в автофургоне возрастом пятнадцать лет. Дэвид должен был носить елки до трех метров в высоту к машинам покупателей и укладывать их сверху, восьми- или даже десятичасовыми сменами, шесть дней в неделю. «Мне нравится торговать, но рубка и погрузка деревьев – занятие для очень, очень молодых людей. А мы уже были на пенсии», – сказал он нам.

Если бы не фирменная бирюзовая футболка, которая была на Дэвиде, когда мы впервые встретились в Desert Rose, я бы никогда не подумала, что этот седовласый дедушка с аккуратной бородкой – работник-временщик. В начале своей карьеры он преподавал химию и океанографию в колледжах Калифорнии, затем основал новаторскую компанию в сфере экотуризма, а позже трудился в государственном департаменте английского языка в Иордании. (Дэвида также звали в Саудовскую Аравию и Кувейт работать учителем английского языка. Оба приглашения были отозваны, когда заказчики узнали, что ему уже семьдесят: он не проходил по государственным возрастным ограничениям.)

Но финансовая подушка, на которую Дэвид рассчитывал, исчезла. После развода, который состоялся задолго до «ухода на отдых», он вынужден был заранее отдать часть своей пенсии за шестнадцать лет работы учителем в колледжах Калифорнии. Если бы оставить ее для накоплений, она могла бы составлять 500 000 долларов. Но на момент развода сумма составляла 22 000, и ее следовало поделить между Дэвидом и его бывшей женой. Дэвид женился снова – на женщине, чьи сбережения также пострадали. Она лишилась 650 000 долларов ежегодных выплат, положенных ей после первого брака, когда в 1991 году случился один из самых крупных на тот момент коллапсов страховой индустрии.

Дэвид показал мне, как ему на складе Amazon приходилось по сотне раз на дню приседать и тянуться. Он говорил, что ему повезло, поскольку, в отличие от жены, у него ничего не болит. Он подсчитал, что в Amazon он зарабатывал одну пятую от своего максимального дохода. «У меня никогда не было проблем с тем, чтобы найти работу, но трудиться в таких рабских условиях... – говорит Дэвид. – Это новая эпоха для пенсионеров».

Когда Дэвид и другие рассказывали свои истории, лагеря Amazon стали казаться мне некими микрокосмами национальной катастрофы. Парковки были забиты рабочими, далеко ушедшими от удобств среднего класса, которые его представители раньше принимали как должное. Это первые ласточки экономических потрясений, которые сваливались на американцев в последние десятилетия. У каждого своя история.

Среди этих людей был Чак Стаут семидесяти лет, который подсчитал, что проходил по двадцать с лишним километров в день, когда работал сортировщиком на складе, собирая товар с полок, чтобы укомплектовать заказы. «У нас это называется тюрьмой: идешь гуськом, отмечаешься и отправляешься делать свое дело», – рассказывал он мне. В прежней жизни Чак сорок пять лет проработал на McDonald's, где он в конце 1970-х был «белым воротничком», заведующим отделом развития продуктов для мировых представительств компании. Но в 2011 году Чак объявил себя банкротом, когда он и его жена Барбара, учительница музыки пятидесяти семи лет, увидели, как 410 000 долларов испарились на фондовой бирже. Они потеряли свой дом с полем для гольфа в закрытом коттеджном поселке в Мертл-Бич и переехали в жилой автобус 1996 года выпуска, который они назвали «СК». (Как они сами объяснили, в хорошие дни эта аббревиатура означала «совершеннейший комфорт», а в плохие – «старая колымага».) Внутри висел вышитый гобелен, на котором значилось: «Дом там, где объятия». После Amazon Стауты отправились продавать пиво и бургеры на тренировочных матчах бейсбольной команды.

Был здесь и некто Фил Дипил сорока одного года, ветеран операции «Буря в пустыне». «Я твердил себе, что это всего на два месяца, – рассказывал он. – Если я выжил в армии, то выживу и в Amazon». Фил и его жена Робин сорока шести лет перешли на кочевой образ жизни

после обвала рынка в 2008 году, вследствие которого банк изъял у них дом. Высокая конкуренция вместе с быстрым ростом цен на сырье в Мичигане подорвала бизнес Фила по вывозу металлолома. «Металлолом стал очень популярен, – говорил Фил. – Каждый, кто мог хоть что-то погрузить в машину, ехал это сдавать». Теперь они живут в трейлере. Перевозят они его на золото-коричневом пикапе 1993 года выпуска. На одной стороне трейлера красовался рисунок с надписью «легкие деньги». «Он уже был там, когда мы купили трейлер», – пояснил Фил.

Многие из работников, с которыми я общалась, были частью социального процесса, который в последние годы стал с катастрофической скоростью набирать обороты: обнищание пожилых американцев. Во времена расцвета таких мест, как Эмпайр, – в век сильного среднего класса со стабильной работой и пенсией – подобная ситуация была почти невообразима.

Моника Моррисси, экономист из Института экономической политики, обсуждала со мной беспрецедентную природу этого явления. «В современной истории США мы впервые сталкиваемся с инверсией пенсионной безопасности, – объяснила она. – Каждое новое поколение начинает с бэби-бума и в дальнейшем живет хуже предыдущего – в плане возможности уйти на пенсию без понижения уровня жизни».

Это значит, что пожилым людям некогда отдыхать. Почти девять миллионов американцев в возрасте шестидесяти пяти лет и старше в 2016 году продолжали работать. Это на шестьдесят процентов больше, чем в прошлом десятилетии. Экономисты ожидают, что эти цифры продолжают расти^[63]. Недавний опрос показал, что сейчас американцы сильнее, чем смерти, боятся остаться на пенсии без накоплений^[64]. Другое исследование выявило, что, хотя большинство пожилых американцев по-прежнему считают пенсию «временем отдыха», только семнадцать процентов из них предполагают совсем не работать в дальнейшем^[65].

Сама идея пенсии относительно недавняя. На протяжении большей части истории человечества люди работали до смерти или пока не ослабевали настолько, что оказывались не в состоянии шевельнуть рукой; но в таком случае они всё равно вскоре умирали. В 1795 году прогрессивно мыслящий деятель Томас Пейн сочинил памфлет под названием «Аграрная справедливость», в котором предлагал выдавать ежегодную пенсию в размере десяти фунтов стерлингов людям старше пятидесяти лет, что считалось стандартной продолжительностью жизни. Американцы не обратили внимания на это, и только спустя век немецкий канцлер Отто фон Бисмарк ввел первую в мире программу по обеспечению старости. Согласно принятому в 1889 году плану Бисмарка, выплаты полагались рабочим, отметившим семидесятый день рождения. Этот шаг должен был предотвратить марксистскую агитацию – и отделаться малой кровью, потому что немногие немцы доживали до такого преклонного возраста. Бисмарку, стороннику правых убеждений и строителю империи, прозванному «железным канцлером», тоже досталось от консервативных критиков, которые обвиняли его в слабости. Но он долго отмахивался от претензий. «Называйте это социализмом или как вам угодно, для меня разницы не будет», – заявил он рейхстагу в 1881 году во время первых дебатов по поводу государственной страховки.

В начале XX века идею пенсии в Америке проповедовал Уильям Ослер, знаменитый и прямолинейный врач, с чьей помощью была основана Школа медицины Джонса Хопкинса. В своей речи в 1905 году он утверждал, что к сорока работники достигают расцвета, после чего их силы идут на убыль. А когда им исполняется шестьдесят, ехидствовал он, их с тем же успехом можно усыплять хлороформом. Из-за этой реплики его монолог получил название «Хлороформная речь» и послужил причиной национального скандала. Редакция New York Times приравняла его позицию к мировоззрению «диких племен, у которых в обычае бить старших по голове всякий раз, когда младшие встречаются с ними на узкой дорожке»^[66]. Также на некоторое время в моду вошел глагол «ослерировать». (Подобный неологизм был не совсем справедливым, идея принудительной эвтаназии заимствована из антиутопического романа Энтони Троллопа

«Установленный срок». Возможно, это наименее популярная его работа, было продано всего 877 экземпляров^[67].)

Сторонник пенсий Ли Уэллинг Сквайр в 1912 году выразил похожие взгляды, хотя и в менее провокационной форме.

По достижении шестидесяти лет переход от независимости к зависимости происходит очень легко: собственности нет, друзья умерли или разъехались, родственников почти нет, амбиции иссякли, осталось всего несколько коротких лет жизни, а потом смерть окончательно и бесповоротно поставит точку. Такие рассуждения неизбежно превращают работника из полного надежд независимого гражданина в отчаявшегося бедняка^[68].

Многие промышленные страны последовали примеру Германии и ввели пенсионное обеспечение в той или иной форме. Но США, страна грубых индивидуалистов, медлили. В начале XX века у американцев, которые уже были слишком стары, чтобы работать, оставалось два пути. Они могли жить со своими детьми, если у них таковые были. Или пойти в работный дом – гнетущее заведение, заимствованное из Великобритании, где жизнь была настолько жалкой, что его обитатели скорее бы предпочли, чтобы их «ослерировали». Один обозреватель так описывал подобное заведение в Сандаски: «Здание очень старое и ветхое; стены в ужасном состоянии; занавесок нет; повсюду роятся мухи; нет удобных стульев; комнаты очень грязные; жильцы выполняют работу по хозяйству; еда скудная. Так называемая больница – отвратительное место, больше похожее на тюрьму». Такое же убогое заведение было описано в 1920 году в отчете Управления по делам благотворительности в Колорадо: «Здание старой церкви еще пять лет назад было признано непригодным для жизни; стены разваливаются и грозят обрушиться; от холода почти нет защиты; старые полы грязные и скрипят; кровати и койки отвратительные; прикованный к постели жилец с больными ногами лежит на этой кровати с сентября и ни разу не мылся... в другой обшарпанной комнате сидит женщина в лохмотьях, ей больше девяноста лет, она склонилась над старым очагом и пытается согреться»^[69].

Настолько характерными – и жуткими – были работные дома, что им отвели квадратик в ранней версии «Монополии»^[70]. Расположенный в

углу доски, этот гражданский институт оказывался местом последнего отдыха игрока, который «не имеет достаточно денег, чтобы оплатить расходы, не может продать, заложить или занять какую-либо собственность», согласно правилам 1904 года. В более поздних версиях авторы игры убрали рабочий дом и заменили его «бесплатной парковкой».

Потребовалась Великая депрессия, чтобы в США появилась пенсия. Было слишком много рабочих, слишком мало вакансий, за всем этим последовало осознание, что пожилых нужно вывести из рабочей круговерти. И пожилые американцы жили вовсе не в довольстве^[71]. В 1934 году более чем у половины из них не было средств к существованию. Некоторые штаты разработали черновую систему пенсий, но таким образом смогли помочь только части малоимущих пенсионеров. Фрэнсис Таунсенд, врач из Калифорнии, который также убирал сено и потерпел неудачу в основании завода по производству сухого льда, стал продвигать то, что позже получило название «план Таунсенда»: если работник уходит в возрасте шестидесяти лет, то правительство назначает ему ежемесячное пособие в размере до 200 долларов. Сразу же по всей стране выросли соответствующие организации – «Клубы Таунсенда». В качестве ответа на эту популярную инициативу президент Франклин Рузвельт и Демократический конгресс в 1935 году издали Закон о социальном обеспечении, согласно которому, в отличие от «плана Таунсенда», будущие пенсионеры должны были в течение рабочей жизни делать отчисления в общий фонд. Спустя пять лет первый пенсионный чек был выдан некой Иде Мэй Фуллер шестидесяти пяти лет, юридическому секретарю из Вермонта. Квитанция была на сумму 22,54 доллара.

После «нового курса» Рузвельта экономисты стали называть американскую пенсионную систему «трехногим табуретом». Твердыми ножками выступали гособеспечение, персональные пенсии и суммарные вложения и накопления. В последнее время, разумеется, две из трех ножек подломились. Многие американцы видели, как Великая рецессия уничтожила их вклады; но даже до экономического кризиса накопления становились всё меньше. А с 1980-х многие работодатели стали заменять фиксированную пенсию (которая обеспечивается нанимателем и гарантирует бессрочные ежемесячные

выплаты) накопительными счетами, которые часто зависят от вклада работника и могут иссякнуть до его смерти. Разрекламированные как инструмент финансового освобождения, который позволит работникам самостоятельно распределять свои вложения, накопительные счета были частью более глобальной американской культурной тенденции перехода от коллективной ответственности к более рискованному индивидуализму. В переводе это значит: накопительные счета обходятся компаниям намного дешевле, чем стабильные пенсии.

«На примере последнего поколения мы видим массовый перенос экономического риска с масштабных институтов страхования – тех, которые спонсируются частным сектором, и тех, за которые отвечает государство, – на хрупкие счета американских семей», – пишет Джейкоб Хакер, профессор политологии Йельского университета, в своей книге «Великое смещение риска»^[72]. Ключевая мысль: «Каждый сам по себе».

Всем ясно, что на данный момент государственная пенсия остается единственным источником дохода для большинства американцев в возрасте шестидесяти пяти лет и старше^[73]. Но это прискорбная нерациональность. «Вместо трехногого табурета мы остались с ходулей», – усмешается экономист Питер Брэди из Института инвестиционных компаний^[74].

Это значит, что пенсионерам едва хватает средств на самое необходимое. По утверждению Терезы Гилардуччи, экономиста и профессора университета New School в Нью-Йорке, почти половина рабочих среднего класса после ухода на пенсию рискует жить на 5 долларов в день – этого хватит только на пропитание^[75]. Многие пенсионеры просто не могут выжить без дополнительного источника дохода. К тому же, как отмечает она, многие вакансии для пожилых людей плохо оплачиваются и требуют изнурительного физического труда. Она обеспокоена, что Америка возвращается к тому состоянию, которое Ли Уэллинг Сквайр описывал более века назад. И любое серьезное обсуждение проблемы, по ее мнению, осложняется культурными ранами. «Я никогда не говорю об этой ситуации с использованием слова “пенсия”», – говорит она. Американцы традиционно питают отвращение «к мысли о том, чтобы жить за чужой счет и быть непродуктивным».

В итоге достаточно упомянуть «пенсии», чтобы всколыхнуть стереотип об «алчном хрыче»: фантоме, к которому обращались критики государственных пенсий в начале XXI века. В первых рядах был бывший сенатор США Алан Симпсон из Вайоминга. «Алчный хрыч» проводит свои лучшие годы в зажиточной праздности, высасывая кровь из молодых поколений. Это вампир, пожилая версия рейгановской «королевы пособий». Только она ездит на Cadillac, а персонаж Алана Симпсона водит Lexus. Симпсон также известен выпадами в адрес «Розовых пантер» – группы, продвигающей идею государственных пенсий, которой на самом деле не существует; он придумал ее, чтобы раздуть спор. Когда реальная общественная организация, «Лига пожилых женщин», обвинила его в эйджизме и сексизме, он пошел еще дальше, написав им в электронном письме, что государственная пенсия стала «дойной коровой с 310 миллионами сосков!»^[76].

Это письмо заканчивалось саркастическим замечанием. Судя по всему, его отправитель никогда в глаза не видел места вроде поселений для временных работников Amazon и не встречался ни с кем из пожилых американцев, которые вынуждены работать сверхурочно в дополнение к скудному пособию.

Там значилось: «Звоните, когда у вас будет настоящая работа!»

Глава 4. План побега

Встретившись с тяжким затруднением – низкой пенсией, – Линда сделала то же, что и любой на ее месте: полезла в интернет. Она наткнулась на сайт со следующим текстом.

Возможно, в прошлой жизни вы были цыганом, странником или бродягой, но сейчас вам кажется, что вы никогда не сможете обрести свободу, которой так жаждете?

Возможно, вы просто устали от крысиных бегов и хотите упростить свою жизнь.

У нас для вас хорошие новости: вы всё можете, и мы покажем вам, как!^[77]

Линда зашла на CheapRVLiving.com, творение бывшего мерчандайзера супермаркета из Аляски по имени Боб Уэллс. Представьте доктрину антипотребления в стиле евангелия процветания. Вот таков был посыл Боба. Он воспевал счастливую жизнь в довольстве малым. Один принцип красной нитью проходил через все его статьи: лучший способ обрести свободу – стать тем, кого общество называет бездомными.

«Суть в том, чтобы устранить ту самую высокую статью расходов, которая есть почти у всех нас: жилье», – пишет Боб. Он призывает читателей отказаться от традиционных домов и квартир ради того, что кочевники называют апартаментами на колесах: автофургона, машины или трейлера. Он отмечал, что некоторые обитатели машин существуют на 500 долларов в месяц и меньше (сумма сразу же бросилась в глаза Линде) и рассчитывают бюджет, распределяя эти гроши на необходимые нужды, включая еду, страховку машины, бензин, оплату мобильного телефона и немного в резервный фонд.

Фургонная одиссея Боба началась около двадцати лет назад на куда менее вдохновенной волне. В 1995 году он пережил тяжелый развод с женой, матерью двух его маленьких сыновей, с которой прожил тринадцать лет. Он был, по его собственным словам, «на долговом крючке»: 30 000 долларов на использованных по максимуму кредитных картах. Он уже готовился объявить себя банкротом.

Когда Бобу пришло время покинуть тесный семейный трейлер в Анкоридже, он перебрался в Уасиллу, где много лет назад купил около гектара земли с намерением построить там дом. На тот момент у него были только фундамент и пол. Но Боб не отчаялся и стал жить в палатке, сделав участок своего рода стоянкой, откуда он мог ездить в Анкоридж на работу.

Вскоре он стал скучать по своим детям и супермаркету, где у него была стабильная работа (его отец трудился там менеджером, и Боб заступил туда – на первых порах грузчиком – в возрасте шестнадцати лет). Но жилье в Анкоридже стоит дорого, и обеспечивать сразу две квартиры было практически невозможно. Из 2400 долларов, которые он приносил домой каждый месяц, половина уходила бывшей жене. «Она получала 1200, и мне оставались 1200, а на эти деньги нельзя снять квартиру в Анкоридже, – говорил Боб. – Во многих городах можно, но не здесь». Тем временем он прожигал время и бензин, каждый день курсируя между Анкориджем и Уасиллой. Боб чувствовал, что готов окончательно впасть в уныние.

И тогда он решил провести эксперимент. Чтобы экономить топливо, он стал проводить рабочую неделю в городе, ночуя в старом пикапе Ford Courier с прицепом, а на выходные возвращаясь в Уасиллу. С деньгами стало немного полегче. Когда он был в Анкоридже, то парковался напротив своего супермаркета. Менеджеры не возражали. Если кто-то не выходил на смену, то звали Боба – в конце концов, он всегда рядом, – и так он зарабатывал сверхурочные. В то время он часто задумывался: «Долго ли я так выдержу?»

Боб не мог представить себе, как он будет всегда жить в крошечном кемпере, и начал обдумывать другие варианты. По дороге в Уасиллу он проезжал мимо дряхлого грузовика с надписью «распродажа», припаркованного у электромонтажной мастерской. Однажды он зашел туда и спросил про машину. Боб узнал, что грузовик на полном ходу. Он просто был такой неприглядный и побитый, что начальник стеснялся отправлять его на выезды. За него попросили 1500 долларов; ровно такая сумма была у Боба отложена. Все эти деньги ушли на грузовик.

Стены кузова были чуть больше двух метров в высоту, сзади имелась подъемная дверь. Пол был два с половиной на три с половиной метра. Как раз выйдет небольшая спальня, думал Боб,

раскладывая внутри пенку и одеяла. Но, ночуя там в первый раз, он вдруг заплакал. Что бы он ни говорил себе, жизнь казалась ему невыносимой. К тому же сорокалетний Боб никогда не был особенно жизнерадостным или оптимистичным человеком. С самого детства он усвоил трудный урок о нестабильности этого мира, когда земля – иногда в буквальном смысле – уходила из-под ног. Когда он только учился ходить, его родители, несчастные в браке, постоянно переезжали из Флагстаффа в Прескотт, из Прескотта в Понка-Сити. В 1961 году, когда Бобу исполнилось шесть, его семья осела в Анкоридже. Еще через три года мир рухнул. По крайней мере, так казалось. Второе по силе землетрясение в истории потрясло южную и центральную Аляску 27 марта 1964 года, в 5:36 утра, когда образовался разлом между Тихоокеанской и Североамериканской тектоническими плитами. Великое землетрясение на Аляске, на Страстную пятницу, достигло 9,2 балла по шкале Рихтера и длилось четыре с половиной минуты, после которых последовало еще несколько мелких толчков^[78]. Прибрежные города Аляски захлестнуло цунами, а Анкоридж остался лежать в руинах после того, как сотрясения стерли целые кварталы. Обрушилась двухметровая контрольная вышка в аэропорту Анкориджа. Бетонные плиты отваливались от фасада торгового комплекса, хороня под собой людей и машины. В школе Боба фундамент пошел трещинами, а кирпичная труба провалилась сквозь крышу; весь следующий год здание отстраивали заново^[79].

Боб помнит, как дрожал в доме без света и отопления. Снаружи стоял мороз, на земле лежал снег. «Я помню, как земля просто разверзлась перед нами, и всю ночь еще чувствовались толчки, – говорит он. – Я слышал, как взрывались дома. Ты просто лежишь в кровати, и вдруг – бабах! Происходила утечка газа, и он каким-то образом воспламенялся».

В ту ночь его дом не взлетел на воздух. Но в каком-то смысле это произошло семь лет спустя, когда ему было шестнадцать и его родители наконец-то развелись. Сестра Боба осталась жить с матерью. Бобу было жалко отца, и парень остался с ним. Вскоре ему пришлось жить под одной крышей с мачехой, которую он возненавидел. Когда Боб стал совершеннолетним, ему пришлось лицом к лицу встретиться

с внутренней пустотой. В следующие годы он пытался заполнить эту бездну тем, что попадалось под руку: долгами, едой, сексом, религией.

Боб никогда особенно не гордился жизнью, которую вел. Но когда в возрасте сорока лет он переехал в грузовик, исчезли последние остатки самоуважения. Он боялся, что ниже падать некуда. Он критически оценивал себя: работающий отец двоих детей, который не смог сохранить семью и докатился до того, что живет в машине. Он твердил себе, что он бездомный, неудачник. «Плакать по ночам вошло в привычку», – говорит он.

Этот грузовик стал его домом на следующие шесть лет. Но, вопреки ожиданиям Боба, такая жизнь не увела его на дно. Перемены начались, когда он обжился в своем кузове. Из листов фанеры 60 на 180 сантиметров он сделал себе двухъярусную кровать. Спал он на нижнем ярусе, а верхний использовал как шкаф. Он даже втиснул туда уютное кресло. К стенам Боб прикрутил пластиковые полочки. С помощью переносного холодильника и двухконфорочной плитки он обустроил мини-кухню. Воду он брал в санузле магазина, набирал бутылку из-под крана. На выходных к Бобу приезжали сыновья. Один спал на кровати, второй – на кресле.

Через некоторое время Боб осознал, что уже не так скучает по прежней жизни. Наоборот, при мысли о некоторых бытовых аспектах, которые теперь его не касались – особенно счетах за квартплату и коммунальные услуги, – он чуть ли не прыгал от радости. На сэкономленные деньги он обустроивал свой грузовик. Он проконопатил стены и крышу, купил обогреватель с отсеком для пропана на 150 литров, чтобы не мерзнуть зимой, когда температура падала ниже нуля, и оборудовал вентилятор в потолке, чтобы не мучиться от жары летом. После установки батарей, аккумулятора и инвертора провести свет не составляло труда. Вскоре у него даже появились микроволновка и двадцатисемидюймовый телевизор.

Боб так привык к этой новой жизни, что, даже когда начал барахлить двигатель, не подумал о переезде. Он продал свой участок в Уасилле вместе с зачатками дома, за строительство которого он продолжал платить по кредитным картам. Часть вырученной суммы пошла на починку двигателя.

«Я на самом деле не знаю, хватило бы мне смелости вести такую жизнь, если бы обстоятельства меня не вынудили, – признается Боб на

своем сайте. Но сейчас, оглядываясь назад, он радуется этим переменам. – Когда я переехал в грузовик, я понял: всё, что общество мне внушало, было ложью. Якобы я обязан жениться и жить в доме с заборчиком и садом, ходить на работу и быть счастливым под конец жизни, но до тех пор оставаться несчастным, – сказал он мне во время интервью. – Впервые я испытал счастье, когда стал жить в грузовике»^[80].

В 2005 году Боб запустил CheapRVLiving.com. Начинался сайт как скромная подборка статей с советами для читателей, которые рассчитывали жить в машине на более чем скромные деньги. Суть в том, чтобы «уйти в глушь»: выйти из системы вместо того, чтобы цепляться за удобства вроде водоснабжения, канализации и электричества, которые входят в плату за место на парковке для автофургонов. (Хотя значение этого словосочетания со временем расширилось, активисты всегда подчеркивают, что выражение «уйти в глушь» применимо и к тем, кто паркуется вне поселений. Те, кто обитает в городах не на платных парковках, технически не «живут в глуши» – они «паркуются втихомолку». Так или иначе, на сайте Боба есть подсказки и для тех, и для других.)

После кризиса 2008 года CheapRVLiving.com ждал невиданный наплыв посетителей. «Я начал буквально каждый день получать письма от людей, которые лишились работы, остались без сбережений, чьи дома вот-вот должны были конфисковать», – писал позже Боб. Лишившись привилегий среднего класса, эти люди пытались понять, как им выжить. Запросы в поисковике вроде «жить экономно» или «жизнь в машине или трейлере» приводили их на сайт Боба. В культурном пространстве, где вина за экономические невзгоды часто возлагается на плечи пострадавших, Боб предлагал им поддержку, а не осуждение. «Одно время существовала социальная установка, согласно которой у тебя всё будет хорошо, если ты играешь по правилам (заканчиваешь школу, устраиваешься на работу и трудишься не покладая рук), – говорил он читателям. – Сегодня это уже не так. Вы можете делать всё правильно, именно так, как требует общество, и всё равно остаться нищим, одиноким и бездомным». Он говорил, что если люди переедут в трейлеры и грузовики, то смогут выйти из системы, которая подвела их. Они смогут обрести новую жизнь, где есть место свободе и приключениям^[81].

Подобное явление уже не в новинку. В середине 1930-х, когда Америка оказалась в когтях Великой депрессии, дома на колесах впервые ушли в массы^[82]. Любители и мелкомасштабные строители много лет сооружали любопытные конструкции, но теперь их число резко подскочило. «Сначала... трейлеры были просто еще одним вариантом отдыха на природе... а потом люди поняли, что в них можно жить», – спустя два года писал журнал Fortune^[83].

В то время миллионы обездоленных американцев ощущали то, что позже прочувствовал на собственной шкуре и Боб. Они отказались от социальных установок, но система всё равно их прижала. Некоторым из них пришлось откровение: можно вырваться из тисков арендной платы, перебравшись в автофургон. Стать кочевниками. Обрести свободу. Да это круче поселков для безработных. «Едешь куда хочешь, останавливаешься где хочешь, никаких налогов и арендной платы. Потрясающе. Раньше только смерть могла предоставить столько бонусов одним пакетом», – писал один автомобильный журнал в 1936 году^[84].

«Мы стремительно превращаемся в нацию на колесах, – писал один выдающийся социолог в New York Times в 1936 году. – Сегодня сотни тысяч семей со своим скарбом заселяются в машины, прощаются с друзьями и отправляются на дорогу... [Вскоре] многие семьи двинутся в путь, и значительная часть нашего населения превратится в странствующих цыган». Роджер Уорд Бэбсон, финансовый оракул, который предвидел кризис рынка в 1929 году, привлек к себе всеобщее внимание, когда объявил, что к 1950-м половина всех американских семей будет жить в машинах^[85]. Журнал Harper's Magazine заявил, что «дома на колесах» – это «новый образ жизни, который в итоге изменит нашу архитектуру, мораль, законы, промышленность и систему налогообложения»^[86].

В следующие четверть века американцы купили – или сами построили у себя в гаражах и на задних дворах – около миллиарда и двух с половиной миллионов жилых трейлеров^[87]. Поветрие пошло на убыль с 1960-х, с расцветом «мобильных домов»: недорогих производственных жилых комплексов, которые были просторнее своих

путешествующих родственников, но ограничивали свободу своих обитателей: однажды обосновавшись на парковке для трейлеров, они обычно уже не выезжали оттуда.

Общественная критика разделилась на два лагеря: сторонники трейлеров, провозгласившие их знаменем свободы, и проповедники социального распада. Писатель Дэвид Торнбург, чьи родители пятнадцать лет прожили в доме на колесах, видел тихую революцию в их стремлении к самоопределению^[88]. В своей лирической автобиографии он пишет:

И тогда, прямо из пучины Великой депрессии, родилась новая мечта: мечта о побеге. От снега и льда, от высоких налогов и аренды, от экономической системы, которой уже никто не верил. Сбежать! На зиму, на выходные, на всю оставшуюся жизнь. Для этого нужно было немного смелости и 600 долларов на трейлер.

Он продолжает:

Великая депрессия привела миллионы американцев всех возрастов и статусов к беспомощному подростковому состоянию... Но далеко не все увидели в этом хаосе новую возможность: шанс перестроить свой мир, сделать свою систему ценностей более индивидуальной и, может, менее уязвимой. Среди этих новаторов первые обитатели трейлеров появились в 1930-х, более миллиона сильных духом идеалистов и бунтарей, мыслящих и сознательных маргиналов. Люди, которые решили не ждать, пока их спасут правительство или крупные корпорации, а взять судьбу экономики в свои руки. Люди, которые предпочли выскользнуть из петли среднего класса и создать абсолютно новую субкультуру; жизнь чуть более свободную, чуть более автономную и чуть менее тревожную, которая чуть больше соответствует зову их сердец.

Даже когда ситуация на рынке улучшилась, Боб продолжал получать письма от экономических беженцев, которым «безработное восстановление» принесло немного радости. Судя по всему, в отличие от обитателей трейлеров 1930-х – многие из которых в итоге вернулись

к привычным жилищам, – новое поколение кочевников готовилось к постоянной жизни в дороге.

«В сегодняшних непростых экономических условиях деньги волнуют нас больше всего, – писал в 2012 году Боб в своем посте, посвященном планированию бюджета^[89]. – Почти каждую неделю я получаю письма от читателей, где они рассказывают, как недавно лишились работы и теперь остались без крова. Помимо прочего, они спрашивают меня, смогут ли они себе позволить жить в машине. Я отвечаю им на остальные вопросы и спрашиваю: “Разве вы можете себе позволить *не* жить в машине?” Я убежден, что жизнь в машине, трейлере или автофургоне – самый дешевый долгосрочный вариант из всех возможных».

К тому времени на сайте Боба уже были размещены рассказы о жизни в машинах всех видов и размеров, от малогабаритных Ford Festiva и Toyota Prius до грузовиков разной степени дряхлости и даже списанного автобуса. Некоторые из этих людей обладали особым шармом, в том числе Шарлин Сванки (она же Сванки Вилс^[90]), которая перебралась в машину в возрасте шестидесяти четырех лет, когда у нее не осталось денег, чтобы снимать приличную квартиру, и когда она боролась с астмой и больными коленями^[91]. Этот образ жизни подошел ей; она скинула почти тридцать килограммов и приняла решение поплавать во всех пятидесяти штатах на своей желтой лодке, которую она перевозила на крыше машины (Сванки выполнила свой план, когда ей исполнилось семьдесят, и поставила новую цель: пройти 1300-километровую туристическую тропу в Аризоне). В другой статье кочевник Трупер Дэн рассказывает, как лишился работы в Огайо и стал жить в белом с красной крышей пикапе Toyota, который он назвал «транспортом дезертира» и на котором проехал до Южной Флориды^[92]. Как ревностный выживальщик, он был готов к приходу упитанного пушного зверька. «Я самый обычный парень, который стал жертвой текущего экономического кризиса. Обычно я представляю, что просто езжу на природу, и не считаю себя бездомным, – написал он на сайте. – Я думаю, что это признак перемен и скоро мы повсюду будем видеть людей, живущих в палатках и машинах (гувервилли^[93] помните?). “Мобильных бездомных” уже так много, что полиция даже не пытается их преследовать».

На CheapRVLiving.com можно найти самую разную информацию: от выбора и обустройства дома на колесах до поиска сезонных работ и здорового питания в дороге. Пошаговые инструкции рассказывают, как установить на крыше солнечные батареи, которые за последние десять лет сильно упали в цене. Теперь технологии, некогда доступные только относительно зажиточным людям, по карману малоимущим жителям автофургонов.

В целях безопасности – чтобы не провоцировать на неадекватную реакцию прохожих и, что еще хуже, не попадаться полиции, которая может и арестовать, и оштрафовать – читателям советуют прятать солнечные батареи между рейками багажного отсека или переносной лестницы.

Многие статьи Боба посвящены бытовым вопросам, но он иногда баловался и философией. Он выкладывал мотивирующие цитаты самых разных мыслителей, от героев фильма «Храброе сердце» и Дейла Карнеги до Джебрана Халиля, Хелен Келлер, Генри Торо и Джона Толкина. Разбавляя эти заимствованные сентенции своими экзистенциальными рассуждениями, Боб пришел к мысли, что скромный образ жизни странника способен не только удовлетворить базовые нужды, но и стать порталом к более возвышенным категориям: свободе, самореализации и приключению.

Традиционно мыслящим американцам подобная нестабильность может представляться современной вариацией романа Джона Стейнбека «Гроздь гнева». Но есть принципиальное отличие. Для кочевников эпохи странствий по пыльным и засушливым районам, которых когда-то унижительно называли «оки», самореализация значила не дать потухнуть углям одной только дорогой сердцу надежды: что когда-нибудь стабильность вернется, дав им возможность жить в привычных домах и хоть толику уверенности в завтрашнем дне.

Как и многие странники, которых ему удалось вдохновить, Боб смотрит на вещи иначе. Он представляет себе будущее, когда экономические и социальные перевороты в Америке станут обыденностью. Поэтому он не рассматривает кочевое существование как временную меру, которая позволит людям переждать волну потрясений и снова вернуться в привычную колею. Он надеется создать странствующее племя, чьи представители смогут действовать,

не подчиняясь шаткому общественному порядку: параллельный мир на колесах.

К концу 2013 года на форуме сайта Боба было зарегистрировано более 4500 пользователей. Менее чем через три года это число возросло до 6500. Кочевники делились советами на самые разные темы, от возможностей получать бумажные письма до того, как справиться с одиночеством и притеснениями со стороны полиции. В этой среде единомышленников даже на самый рядовой вопрос вроде «Как принимать душ?» следовал поток разумных решений. Например, в комментариях некоторые советовали записаться в дешевый сетевой фитнес-клуб – большой популярностью пользовалась сеть «Планета фитнес» – и считать свой абонемент общенациональным пропуском в душевую. Некоторые советовали обтираться губкой или расширить сферу применения детских салфеток. Другие предпочитали уличные душевые, которые напоминают огромные капельницы с одной черной стороной, удерживающей тепло. Кто-то мылся с помощью садового опрыскивателя. Кто-то ходил в прачечные, где были платные душевые. Кто-то заезжал на заправки, где водителям в качестве бонуса выдают талончики на посещение душа. У дальнобойщиков таких талонов обычно в избытке, и они отдают их другим водителям, пока стоят в очередях^[94].

Беседы становились всё оживленнее, и они не ограничивались CheapRVLiving.com. Сайт Боба был только одним узлом в быстро развертывавшейся паутине интернет-сообществ, где многочисленные малоимущие кочевники со всей страны могли поддержать друг друга и многому научиться. Онлайн-сообщество образовалось уже в ноябре 2000 года, когда некий загадочный пользователь под никнеймом lance5g создал форум на Yahoo под названием «Жизнь в твоём фургоне» с лаконичным вступлением:

Добро пожаловать. Я хочу научить всех заинтересованных, как жить в автофургоне с целью экономии – чего еще, как не денег.

Очевидно, что данная стратегия больше подойдет одиноким мужчинам, но и женщины тоже могут многое почерпнуть...

Темы: купание, сон, парковка, туалет, безопасность, скрытность, организация интерьера, ночевка зимой^[95].

После этого lance5g ничего больше не писал. Он, как самоустранившийся Бог, о котором говорили теологи эпохи Просвещения, создал мир, запустил его в движение и удалился. Его творение развивалось без него, и в нем появилась сплоченная команда друзей, писавших под никами вроде vangypsy и vwtank-girl. Но случилось непредвиденное: Yahoo решил перенести все форумы на другую платформу. Казалось, те сообщества, чьи руководители сгинули, не переживут нововведения.

Одним из самых активных участников «Жизни в твоём фургоне» был общительный странник, писавший под ником Ghost Dancer^[96]. Ghost Dancer припарковал свой дом, коричневый пикап Ford F150 1989 года выпуска, у придорожного McDonald's в Винсеннесе 1 января 2002 года. Он слышал, что к концу дня должны были завершиться все манипуляции с форумами. Он беспокоился: что, если его новые друзья, и так разбросанные по стране, сейчас потеряют свой уютный уголок в интернете? Незнание ситуации разъедало его изнутри, как программу портит одна ошибка в коде. Однако он никак не попытался подготовиться к этому.

Появившееся наконец решение оказалось крайне очевидным: почему бы не создать новую площадку для общения до того, как старая исчезнет? Чтобы это сделать, Ghost Dancer не мог просто зайти в McDonald's с ноутбуком. Во-первых, у него не было ноутбука; во-вторых, до появления повсеместного бесплатного Wi-Fi оставалось еще несколько лет. Поэтому он сам организовал интернет-соединение между таксофоном и тем ограниченным оборудованием, которое нашлось у него в кузове.

«Стиль “Корпорации “Бессмертие”»^[97] – так сам Ghost Dancer потом описал свое устройство. Подключение базировалось на акустическом адаптере – устройстве, которое крепилось к телефонной трубке таксофона, чтобы получать и передавать аналоговые данные, когда микрофон подносится к той части, которая прикладывается к уху, а динамик – к той, куда говорят. Другой конец адаптера вставлялся в веб-телевизор со встроенным модемом, с которого можно работать в браузере; такие устройства начали появляться в середине 1990-х, когда компьютеры были более дорогими и менее удобными в плане интерфейса. Для экономии места Ghost Dancer подсоединил веб-телевизор к радиоточке. Оттуда провод тянулся к

тринадцатидюймовому телевизору Philips, стоящему на полу со стороны пассажира. После многочасовой возни с оборудованием Ghost Dancer скормил таксофону тридцать пять центов за подключение к сети, затем зашел в Yahoo и зарегистрировал новый форум с названием «Обитатели машин: Жизнь в твоём фургоне – 2»^[98]. Он гордился своим успехом и кибернаходчивостью, которые стали притчей во языцех, и позже один популярный блогер назвал его «основоположником дорожной жизни».

Только спустя некоторое время Ghost Dancer понял, что допустил промашку. Из-за разницы часовых поясов он на несколько часов опоздал к предполагаемому дедлайну. Однако это было несущественно. Онлайн-знакомые последовали за ним на новый форум. И хотя в итоге Yahoo так и не заблокировал первоначальную площадку, она стала городом-призраком в интернете, с засильем спам-ботов секс-индустрии, предлагавших несуществующей аудитории «случайные встречи» и «виртуальных красоток». Тем временем на «Жизнь в твоём фургоне – 2» приходили тысячи новичков, среди которых был и Боб Уэллс, и прирост пользователей набирал темпы. Спустя четыре года после кризиса 2008 года их число увеличилось вдвое, до 8560. В описании форума было указано следующее.

«Обитатели машин» – место встречи разрозненного племени. Это Круг Старейшин, Уютная Колыбель для тех, кто шагнул в этот мир по своей воле и вследствие обстоятельств, место, где новички проходят Посвящение, где Охотники и Собиратели Информации делятся добычей с остальным племенем^[99].

Общение вышло за рамки одной платформы. В 2010 году член племени форума Yahoo открыл в Facebook группу с аналогичным названием и похожим текстом в разделе вопросов и ответов^[100].

Это пространство участия, щедрости, распространения знания, формирования дружбы и заботы друг о друге.

В том же разделе поднималась более щекотливая тема участия в группе поддержки, чьи участники часто испытывали нужду в материальных средствах:

Большинство из нас – бедные. Приходит беда, мы остаемся без денег, на попечении добрых родственников, друзей, а иногда и совершенно незнакомых людей. И хотя мы не хотим, чтобы группа превращалась в виртуальное логово просящих подаяние, время от времени люди, оставшиеся без средств и отчаявшиеся, будут просить здесь помощи. Мы призываем поступать на ваше усмотрение, в соответствии с вашими желаниями и возможностями.

На Reddit тема «Обитатели машин» появилась в 2006 году, и число читателей превысило 26 000^[101]. На YouTube десятки находчивых кочевников состязались за право стать Бобом Вилой^[102] в сфере обустройства автофургонов, демонстрируя различные приемы, с помощью которых можно преобразить унылое транспортное средство в комфортабельный домик на колесах. Некоторые сайты собирали лайфхаки и советы путешественников со всей страны и составляли карты с отмеченными на них точками, где кочевники могли бы найти теплый прием. На одном из них, FreeCampsites.net, размещались идиллические природные места, где путники могли бы остановиться бесплатно, от небольших городских парков до обширных лесов. На другом, AllStays.com, легко найти информацию о заведениях, где можно парковаться на ночь: от стоянок до казино, магазинов товаров для активного отдыха и даже некоторых ресторанов. Также он запустил мобильное приложение, по которому можно было найти ближайший магазин Walmart^[103].

Сеть Walmart давно завоевала любовь автомобильных кочевников, поскольку владельцы разрешали им парковаться на ночь на стоянках возле магазинов. Некоторые полагают, что ее основатель Сэм Уолтон, ярый охотник на птиц, установил эту традицию в знак солидарности с теми, кто много времени проводит вне дома. Другие считают, что это хитрая уловка, обеспечивающая приток покупателей. Так или иначе, но кочевники пользуются этим предложением, хотя подобная практика не нравится лагерям и парковкам для автофургонов, которым не хочется терять прибыль. Некоторые магазины Walmart находятся в городах, где ночевка на парковках запрещена. Другие аннулировали предложение, поскольку некоторые гости злоупотребляли гостеприимством: устраивали барбекю, раскладывали мебель и

организовали чуть не постоянные лагеря. В марте 2015 года конфликт между полицией и семьей христианских музыкантов из восьми человек, которые, приехав в своем автофургоне, обосновались на парковке торгового центра Walmart в Коттонвуде, закончился дракой за пистолет одного из полицейских, в результате чего один из путешественников был убит. После этого магазин перестал привечать тех, кто желал остаться на ночь. («Печально, что из-за нескольких идиотов пришлось покончить с доброй традицией», – писал редактор сайта *RV Daily Report*^[104].) Некоторые магазины находятся в пограничной зоне и пытаются справиться с растущим потоком ночных посетителей – многие из них хотят обустроить постоянную стоянку, – которых привела сюда шаткая экономическая ситуация. Автокафе от просветительской группы *Mobile Loaves and Fishes* регулярно заезжают на торговые парковки вокруг Остина. «Покупателей, должно быть, слегка шокирует вид людей, спящих в своих машинах рядом с Walmart, – сообщил местному репортеру Алан Грэм, основатель организации. – Но благослови Господь [эту компанию] за то, что она по-прежнему позволяет это»^[105].

По стране тысячи магазинов Walmart. Как путник с затуманенными от усталости глазами должен успевать отслеживать, на каких парковках можно переночевать? Приложение *Walmart Overnight Parking Locator* отмечает все магазины в США и Канаде маленькой «W» на карте^[106]. Некоторые из них красного цвета. Оттуда путешественника выгонят или, что еще хуже, конфискуют машину. Но по большей части они желтые. Если нажать на значок, то можно увидеть отзывы тех, кто там останавливался. Вот, например, приведенные ниже комментарии о магазине в Парампе.

#5101 Гипермаркет

Июль 2015: Спокойно переночевал в своем фургоне. На парковке было еще два таких путешественника.

Май 2015: Стоянка на одну ночь. Разрешение выдавал менеджер по работе с ночными клиентами. Припарковался у грузовой платформы, рядом с деревьями. Многие грузовики уезжают рано утром, не надо перекрывать им путь.

Сентябрь 2010: Менеджер разрешает путешественникам ночевать здесь. Вставайте в южной части парковки и убедитесь в

том, что вы не заперли развозные грузовики.

Маленькие значки «W» и комментарии под ними выглядят как современная версия языка хобо^[107]. Это метки, с помощью которых вечные путешественники делятся знаниями о территории. Такая традиция появилась уже в конце XIX – начале XX века. Раньше отметки ставили мелом или углем на стенах и дверях, значки предупреждали об опасности – беспощадная полиция, злые собаки, плохая вода – или указывали на благоприятные условия: безопасный лагерь, добрая хозяйка, есть работа.

Развитие блогов в середине 2000-х вдохновило путешественников-одиночек рассказывать широкой аудитории о своих приключениях, в результате чего в этой сфере появились свои маленькие знаменитости. Одним из самых первых и самых преуспевших был Джордж Лерер, он же Тиога Джордж – человек, победивший рак, который начал вести свою страничку в 2003 году, в возрасте шестидесяти с небольшим, когда, лишившись возможности оплачивать сразу и жилье, и еду, перебрался в восьмиметровый кемпер Fleetwood Tioga Arrow с солнечными панелями и спутниковым интернетом. В его блоге «Приключения Тиоги и Джорджа» он и его верный четырехколесный конь были «величайшими странниками в истории мира», выступая в путь с дерзким девизом: «Никогда не плати за аренду!»^[108] Джордж без всякой системы выкладывал истории о путешествиях с «миссис Тиогой» (кемпером) и командой других очеловеченных механизмов: мистером Сони Мавикой (камера), мистером Чипсом (ноутбук), мистером Санни (солнечная панель), мистером Дата-Штормом (спутниковая антенна), мистером Дометиком (холодильник), мистером Делормом (навигатор) и т. д. Часто он писал по несколько постов в день, начиная историями знакомства с товарищами по дороге и заканчивая хрониками борьбы с нашествием крошечных муравьев и обыска ушлыми копами в Мексике, по которой ему особенно нравилось путешествовать. Он подробно расписывал статьи прихода и расхода, в том числе доход от рекламы в Google (в августе 2010 года они достигли 1300 долларов). Он проникновенно написал о самоубийстве Дэвида, его сына, вспоминая о том, как спал на полу на кухне в крошечном доме Дэвида, когда кризис середины 1990-х съел компанию, нанявшую Джорджа продавать программное обеспечение

AutoCAD. Менее чем за десять лет блог Джорджа собрал около семи миллионов просмотров.

За Тионой Джорджем последовало поколение странствующих блогеров. В их числе была Тара Бернс, представительница древнейшей профессии двадцати с небольшим на Chevrolet Astro 1998 года выпуска. Ее популярный блог «Хобо Стриптизерша» был посвящен «жизни в машине, путешествиям по всей стране и раздеванию за деньги»^[109]. Когда она не ездил от стрип-клуба до стрип-клуба вместе с Бро, своей собакой породы бордер-колли, то сидела за компьютером и писала подробные инструкции о том, как продать приватный танец или поменять насос в системе охлаждения двигателя. Другой любимицей публики стала Сьюзен Роджерс со своим блогом «Водитель Сью и ее клыкастый отряд» – вышедшая на пенсию учительница математики шестидесяти с хвостиком из Джорджии, которая утверждала, что именно Тиога Джордж вдохновил ее пуститься в путь^[110]. Выкладывая ежедневные отчеты из автомобиля Chevrolet Express 2005 года выпуска, который тащил за собой двадцатиметровый трейлер, она собрала активных подписчиков, а в 2012 году попала в федеральные новости, когда благодаря ее блогу Расти Рид, ветеран войны, живший в трейлере камуфляжного цвета, отыскал в Аризоне свою пропавшую собаку, Тимбера. Живя тем, что она называла «жизнью скромного бюджета и сильных впечатлений» и «жизнью на малые средства, приносящей большую радость», Сью стала примером для многих своих читателей. «Я считаю Сью своей феей-крестной, – написал один блогер, который живет в кемпере и зовет себя Дзен На Колесах. – Я читал веселые бесхитростные повседневные истории Сью одну за одной и постепенно, спустя несколько месяцев, понял, что да, я точно могу так жить», – добавляет он, благодаря ее за «открытость, доброту и искрометный стиль повествования».

Как и Тиога Джордж, Сью выкладывала финансовые отчеты, в которых, начиная с 2013 года, появились доходы с рекламы на сайте. К концу этого года она уже не удивлялась, когда получала более 1000 долларов в месяц. Иногда это вызывало недовольство у менее популярных блогеров, которые безуспешно пытались монетизировать свои странички. (Вроде бы большинство читателей ничего не имеют против того, чтобы блогеры-путешественники зарабатывали на

рекламе, но на деле это не так. Например, статья на CheapRVLiving под названием «Избавляйтесь от хлама» с цитатой Бертрана Рассела – «Именно озабоченность вещами более, чем что-либо другое, мешает нам жить свободно и возвышенно» – выглядит крайне негармонично рядом с баннером Amazon, агрессивно рекламирующим нечто вроде переносной плитки на 12 вольт или сиденья от портативного унитаза.)

Оживленное онлайн-общение в клане странников не могло не привести к встречам вживую. Собираясь у костра в лесах и пустынях, кочевники начали образовывать своеобразные кланы, которые писатель Армистед Мопин назвал «логической» – не «биологической» – семьей. Некоторые из таких кочевников скорее проведут отпуск с «соплеменниками», чем с кровными родственниками. Типичная сцена: на рождественский ужин в безжизненной, тянущейся до горизонта и озаренной лунным светом пустыне неподалеку от межштатной магистрали в Калифорнии приезжает около десятка машин, возраст их обитателей – от двадцати до семидесяти. Они едят семикилограммовую индейку, которую порезали и приготовили на двух переносных плитках, вместе с пюре, подливой и клюквенным соусом, а также два вида пирогов, до тех пор, пока даже собаки, вылизывающие грязные тарелки, не насытятся.

Все эти движения активно развиваются на западе, да и на востоке – от Огайо до Алабамы, Джорджии и Теннесси – также образуются тусовки. Когда странники путешествуют группой, едут друг за другом, точно вереницы повозок давних времен, и разбивают лагерь по дороге, их называют кочевыми тусовками. В 2011 году Боб впервые организовал мероприятие, которого в последующие годы люди ждали с нетерпением. На «Рандеву туристов на резине» (Rubber Tramp Rendezvous), или РТР^[111], его отчасти вдохновили грубые, но энергичные звероловы XIX века, которые большую часть года проводили в лишениях и вынужденной изоляции, отлавливая диких животных в самых дальних уголках континента, но каждый год собирались на меховые ярмарки.

Зимний РТР, который проходит в январе, в течение двух недель, на открытом участке пустыни рядом с городком Кварцсайт, стал для кочевников возможностью поделиться своим опытом и историями, завести друзей и помочь новичкам освоиться. Те, кто только собирался переселиться в машину, иногда приезжали с палатками или на

одолженных машинах, чтобы всему научиться, прежде чем самим выйти на дорогу. Фестиваль был бесплатный, и вести о нем распространялись буквально из уст в уста.

Для членов этого сообщества организовать и собраться всем вместе было делом непростым. Большую часть года они путешествуют по стране сами по себе. Часто им не хватает денег на бензин, чтобы проехать длинный путь. И многие считают себя одиночками. В среде отшельников Сью окутывал ореол особой отчужденности, поскольку она умоляла своих читателей не приезжать на ее стоянки без предупреждения: «Блогерство мне подходит, потому что так я могу общаться с интересными людьми, не встречаясь при этом с ними лично». Некоторые из ее фанатов писали, что во время путешествий встречали знакомый пятиметровый трейлер, а потом вспоминали, кому эта машина принадлежит, и сразу же уносились в другом направлении.

Некоторые из гостей РТР специально паркуются в самой дальней части кемпинга, а другие способны переносить человеческое общество лишь недолгое время и приезжают на несколько дней, а не на все две недели. Когда Сванки явилась на РТР в футболке с надписью «Интроверты, объединяйтесь: мы здесь, нам неуютно, и мы хотим домой», то ей весь день улыбались и одобрительно кивали.

Вскоре Боб понял, что по сути оказался социальным координатором для растущей группы одиночек. И после того, как «Рандеву» каждый год заканчивалось, некоторые стали мигрировать вместе с Бобом на следующую его стоянку. (Многие открытые кемпинги, в том числе тот, где проходит РТР, устанавливают двухнедельный лимит; когда срок заканчивается, необходимо переехать на новое место, удаленное от предыдущего минимум на сорок километров.) Боб против компании не возражал, и его новые знакомые парковались на приличном расстоянии, чтобы у него было личное пространство. Когда один из читателей блога подметил, что некоторые люди едут за Бобом, и не без иронии назвал их последователями, Боб отшутился: «Хотя я постоянно развиваю навыки контроля ума, промывания мозгов и манипуляции, у меня всё еще нет ни одного последователя!»

Однако Боб не всегда пишет так весело. В более серьезной беседе с читателем он отмечал: «Я думаю, вы правы, скоро многим людям придется жить проще. Моя цель – помочь им совершить этот переход как можно мягче. И тогда, надеюсь, они примут его с радостью, как это

случилось со многими из нас».

Изучая CheapRVLiving.com, зачитываясь историями о кардинальных переменах в жизни, Линда почувствовала, как перед ней открываются новые горизонты. «Черт возьми! – подумала она. – Если у них получилось, то я уж точно смогу». В устах Боба крайне скромная жизнь превращалась в путь к свободе: независимость вместо лишений. Или, если говорить словами Линды, «жить изобильно с тем, что имеешь». К тому же очевидно, что, даже будучи путешественницей-одиночкой, она никогда не останется по-настоящему одна: она сможет познакомиться с целым племенем путешественников, в числе которых множество одиноких женщин ее возраста, сделавших тот же выбор. Вместе они являли собой субкультуру, создавали собственные обычаи, экспериментировали со стратегиями выживания и выбирали лучшие, писали пьесу своей жизни, находясь на задворках экономики. Для Линды подобное братство было крайне важно. «Я очень общительный человек, – говорит она. – У меня не было ощущения, что я останусь сама по себе, одинокая, печальная, живущая на хлебе и воде. Моя жизнь станет радостной, полноценной и творческой».

Линда начала мечтать о подходящем транспорте и засела на сайте с объявлениями. Она просматривала сотни предложений и нашла отличный вариант, но у нее не хватало денег на покупку. Тогда ее старший внук, страдающий аутизмом, купил машину для себя, соблазнившись обещанием дешевой аренды: 500 долларов в месяц плюс электричество за место на парковке недалеко от родительского дома. Линда была рада, что он принял такое решение, хотя у него были и другие варианты самостоятельной жизни. «На зарплату официанта в Burger King не проживешь», – сухо говорила она.

А затем случилось непредвиденное. Колин, зять Линды, работал менеджером по продажам на коммерческую компанию, которая поставляла музейным архивам всё необходимое, от пистолетов до сейфов, часто на условиях государственного контракта. Он увидел несоответствие в планах грядущего проекта больницы для ветеранов. Постановление касалось новых плакатов, но не было никаких указаний по подготовительной работе: сорвать старые плакаты, отскоблить и

заново покрасить стены. Поэтому на задание вышла дочь Линды, Одра, и поручила часть работы матери. «Пятьдесят долларов в час за покраску и подготовку больницы – для меня это было сущее благословение», – вспоминает Линда. За пару месяцев она скопила 10 000 долларов.

В апреле 2013 года Линда штудировала сайт с объявлениями, когда увидела автофургон El Dorado 1994 года выпуска с бирюзовыми и черными полосками. С какими-то 47 тысячами километров пробега девятиметровый фургон мог стоить 17 000 долларов. Однако за него просили всего 4000.

Придя в восторг, Линда договорилась о встрече и на всякий случай попросила подругу пойти с ней. Вместе они проверили машину. Снаружи всё было прилично, если не считать сгнивших шин и вмятины размером с футбольный мяч на крыше с пассажирской стороны. На ней были разводы шпаклевки, выглядевшие как следы зубной пасты. («Шпаклевке там делать нечего, – размышляет Линда. – Не знаю, чем он думал. Мы назвали это насилием над строительными материалами»). Владелец объяснил, что ехал по оживленной дороге – от центра к краям шел скат, из-за этого машина кренилась – и врезался в накренившийся к дороге столб связи.

Открыв дверь машины, Линда отшатнулась от волны стилового плесневелого запаха. Пол был покрыт фанерой и облицовкой для водоема. На стенах – еще более тухлый пакетного вида пластик. «Залито», – подумала Линда, чьи надежды в тот момент пошатнулись. Но, обследовав интерьер внимательнее, она поняла, что вонь шла из душевой: там была дырка, которую легко залатать. В остальном всё оказалось в порядке, начиная от уютной спальни и заканчивая обеденным уголком рядом с кухней. Обивка, шторы и ковер выглядели отлично; Линда решила, что владелец – один из тех, кто никогда не зайдет в фургон, не разувшись. По сравнению с некоторыми машинами, о которых она читала, эта казалась просто отелем класса люкс. Генератор был сломан, но всё остальное работало, в том числе унитаз, наличие которого Линду очень порадовало (она читала о том, как жители автофургонов используют в качестве туалета двадцатилитровые ведра, и сразу решила, что этот вариант не для нее).

Линда чувствовала, как возвращаются ее радужные надежды. А затем вклинился знакомый голос. «О нет. Ничего не выйдет. Это *нельзя*

починить», – говорила подруга. Но было поздно. Линда уже приняла решение. «Ой, да ладно, дорогуша. *Не выйдет!* – фыркнула она. – Я живу тем, что у меня всё *выходит*».

Линда купила фургон. Она починила душ, и отвратительный запах ушел. С вмятиной на крыше она не стала ничего делать – неприглядно, но вроде бы не угрожает функциональности. А вот шины нужно было срочно менять, и Линда заплатила 1200 долларов за новые. Это были большие расходы, но Линда инвестировала в будущее – в свою свободу, – и у нее уже были идеи насчет того, как обеспечить стабильный приток денег в дороге.

Боб писал о том, что три сезона проработал на California Land Management смотрителем лагеря в Национальном лесу Сьерра. Последовав его примеру, Линда подала заявление в ту же компанию и получила место рядом с Йосемитским парком. «Поверить не могу, что так легко получить работу, живя в машине», – позже вспоминала она. Однажды она шесть месяцев ждала, когда появится вакансия в строительном магазине в Сан-Клементе, но безуспешно. Она знала, что людям в возрасте бывает невероятно трудно устроиться на работу из-за эйджизма многих компаний, но те, кто набирал сотрудников на сезонную работу, не разделяли убеждений прочих нанимателей. «Если у тебя есть машина, то заходи в интернет – и найдешь работу за шесть секунд», – восхищалась Линда.

Также Линда стала поклонницей «Путешествий Джимбо» – блога Джима Мелвина, бывшего продавца в крупном строительном магазине^[112]. Ему уже было за шестьдесят, и он носил белые усы щеточкой. Когда Джим понял, что не сможет спокойно уйти на пенсию в своем родном городе в Калифорнии, он, вдохновившись примером Тиоги Джорджа, пустился в путь на своем бело-синем автофургоне Lazy Daze 1992 года выпуска. Он ездил с одной сезонной работы на другую, поначалу один, а потом с Чикой, голодным бродячим чихуахуа, который на стоянке подошел к его фургону – после чего Джим объявил его «собратом по духу». Джим выполнял самую разную работу: ландшафтное обслуживание на стоянке для автофургонов на востоке Техаса, когда июльские температуры приближались к сорока градусам, был смотрителем лагеря в центральном Орегоне, готовил бургеры на стадионе в Аризоне во время весенних тренировок бейсбольной команды Лос-Анджелеса и затем, присоединившись

к CamperForce, поехал на склад Amazon в Фернли. Про последние три он говорил, что там было тяжелее всего. Работать там означало принимать по две обезболивающие таблетки каждый день. Боли не стихали несколько месяцев. Но платили там больше, чем на других вакансиях, и ему нравилось общаться со своими товарищами по дороге, которые тоже там работали. «Я познакомился со столькими веселыми, забавными людьми, – писал он. – Вернулись ли мы на следующий год? Да даже не сомневайтесь!!!»

Линда тоже решила попытать счастья в Amazon. Компания предлагала вознаграждение в 50 долларов тем, кто приводит новых работников, и Линда вписала в соответствующую графу имя Джима. «Спасибо Богу за блогеров, – говорила она. – Представить только! В моей молодости такого не было. Когда нужно было что-то узнать, то это выглядело примерно так: “А твой сосед знает? А откуда ты это знаешь?” О сообществе кочевников ты бы никогда не узнал, если бы не был знаком с кем-нибудь из них».

Линда подсчитала, что если выдержит сначала работу смотрительницы лагеря, а следом за ней сотрудницы склада CamperForce, то потом сможет устроить себе перерыв и немного пожить на пособие. И тогда она поедет на РТР, где познакомится со своим новым племенем – семьей, в которую она вступила, но с которой еще не встречалась.

Кровные родственники Линды одобрили ее решение, когда она рассказала о своих планах. «Это правда звучит здорово!» – сказала Одра. Она настаивала на том, что Линде нужен смартфон, чтобы быть на связи, и предложила оплатить ее счет. «Мы позаботимся о том, чтобы телефон надолго не замолкал», – пообещал Колин.

Стоит ли игра свеч? Заранее никто не знал. Но в одном сомневаться не приходилось: жизнь Линды должна измениться. На данном этапе этого было достаточно.

Часть II

Глава 5. Город Amazon

[113]

В июне 2013 года Линде исполнилось шестьдесят три. Она ехала в своем подержанном автофургоне El Dorado в кемпинг Junction, расположившийся в трех километрах от восточного входа в Йосемитский национальный парк. Здесь началась ее новая жизнь трудопутника – в окружении лугов с полевыми цветами, сверкающих ручьев, светлых сосновых лесов, с живительным горным воздухом и видом на снежные пики Сьерры, как с открытки. Как новичку в California Land Management, ей предстояло трудиться 30 часов в неделю за 8,5 доллара в час. (При такой ставке, даже если бы Линде удалось убедить работодателя нанять ее на полный день, по 40 часов в неделю в течение года – без отпуска, – ее годовая зарплата составила бы 17 680 долларов, без бонусов.)

Линда была только в полудне пути от строительного магазина в Лейк-Эльсинор, где она работала кассиром, но дикая природа представлялась ей совершенно иным миром. Ее новая работа смотрительницы лагеря была полной противоположностью очереди на кассу в желтоватых огнях гипермаркета. Эта должность представлялась ей чем-то совсем не похожим на работу в ресторанах, на стройках, в казино или офисах, везде, где она продавала свое время за деньги. Больше всего ей нравилось, что теперь она будет получать зарплату и не платить за аренду. В лагере не имелось привычных удобств, но ее куратор одолжил ей генератор и каждый вторник присылал цистерну с водой, чтобы она могла наполнить свой баллон вместимостью 208 литров. Теперь она покупала только еду, топливо для генератора и пропан для плиты. Линда была в приподнятом настроении.

В лагере Junction работой не перегружали. Тринадцать участков на его территории обслуживались по принципу «кто первый приехал, к тому первому подошли». Это исключало суматоху с резервированием и многочасовой бумажной волокитой. Да и туалетов, нуждающихся в чистке, было всего два. На это время Линда согласилась курировать еще один небольшой лагерь поблизости, у озера Тиога.

Линде нравился социальный аспект новой работы – здесь можно было общаться с постояльцами лагеря. Одним из ее любимцев стал одинокий шестидесятидевятилетний скалолаз, которого она знала как «мистер Браун». Он прошел по всем популярным маршрутам в Йосемити, рыская по скальным массивам в поисках древних анкерных столбов, которые начинали ржаветь. На них альпинисты закрепляют страховку, и если они выйдут из строя, то последствия могут быть катастрофическими. Каждый раз, когда мистер Браун находил поврежденные столбы, он вытаскивал их и устанавливал новые^[114]. Он сказал Линде, что пятнадцать лет посвятил этой работе. «Какие рюкзаки он таскал, – восхищалась Линда. – О боже! Просто гигант, а не человек». Восхищаясь его добротой и выдержкой, она беспокоилась за него. «А ты не боишься упасть и разбиться?» – спрашивала она. «О-о-о, не-е-ет, – грубовато, по-горски урчал Браун. – Я знаю, что делаю». Еще на работе Линда познакомилась с пожилой путешествующей парой, Билли и Хелен Аутло, кочевниками-ветеранами. Когда они упомянули, что ищут работу смотрителей лагеря, Линда представила их своему руководству. Вскоре они заступили на ее место у озера Туго. Примерно в то же время Линда поняла, что работа смотрителем подходит не всем. Один ее коллега, бывший пограничник, настаивал на ежедневных обходах с оружием. «Он вбил себе в голову, что без пистолета ему не жить, – говорила Линда. – Но работник лагеря не может носить оружие. В Национальном парке такого не потерпят. Ему пришлось уйти».

Лето Линды в Йосемитском парке шло гладко до середины августа. А потом какой-то охотник-одиночка развел небольшой костер из сучьев и сосновых иголок – что тогда было незаконно, – чтобы разогреть суп и сжечь мусор из рюкзака. Он выслеживал оленя в далеком каньоне Клавей-Ривер в Национальном лесу Станислава, который находится в восьмидесяти километрах к западу от лагеря Junction. Когда угли упали на сушняк, начался третий по величине пожар в Калифорнии. За следующие два месяца кольцо пожара охватило территорию, в семнадцать раз превышающую размеры Манхэттена^[115].

К сентябрю, когда лагерь заволкло дымом, для Линды настало время пуститься в путь. Она попрощалась со всеми и поехала на север, в Фернли, чтобы присоединиться к Amazon CamperForce. Это была

вторая сезонная работа, на которую она подавала заявку. На парковках вокруг склада уже кипела жизнь и все места оказались заняты временными рабочими. Места было крайне мало, и сотрудники Amazon во время инструктажа рассказывали участникам CamperForce, что компания планирует купить участок земли поблизости, чтобы создать свою парковку. Линда не бронировала место заранее; большую часть лета она провела без телефонной связи и интернета. В тридцати семи километрах к юго-востоку от склада она нашла стоянку для автофургонов под названием Sage Valley: огороженный забором, засыпанный гравием участок неподалеку от шоссе в Фаллоне, украшенный тополями и пропитанный испарениями от окрестных коровьих пастбищ. Там тоже всё уже было забито участниками CamperForce, но Линде удалось убедить добросердечного менеджера, чтобы тот выделил ей место.

Пока не начался сезон продаж 2013 года, Amazon разослала последний выпуск электронных писем для перспективных сотрудников. На первой странице июньского выпуска значилось: «CamperForce: ценность дружбы»^[116]. Брошюрки для зрителей лагеря вторили ему в том же душевном тоне, на их страницах тяжелая физическая работа превращалась чуть ли не в отпуск. «Возможность завести новых друзей – на вес золота! – восторженно пели рекламные строчки. – Денежное вознаграждение – один из главных стимулов устраиваться на работу, но дружба также вверху списка! Каждый год мы становимся свидетелями того, как возникают новая дружба и отношения, которые продолжатся и после того, как с парадом фар участники программы покинут Amazon».

Мартовский выпуск выглядел совсем иначе. В разделе «Готовьтесь войти в историю в 2013-м!» рекомендовалось заранее начать заниматься фитнесом и поднималась тема некоторых трудностей, связанных с возрастом^[117].

Физическая и моральная подготовка будет для вас лучшим подспорьем в разгар сезона продаж на Amazon. Крайне важно приезжать к нам физически подготовленными. Если вы не тренируетесь регулярно, проконсультируйтесь со своим врачом по поводу общей физической подготовки и приступайте к занятиям! Вот вариант, который не потребует от вас вложений:

выходите на улицу и гуляйте! Ходьба – отличное упражнение. Это ничего не стоит, а для ваших суставов это более щадящая подготовка, чем фитнес-программы. Прежде чем выйти на прогулку, разогрейте мышцы и потянитесь. Эксперты утверждают, что, когда мы становимся старше, уровень коллагена в организме меняется и это ограничивает нашу подвижность и пластичность.

В апрельском издании упоминались некоторые трудности, связанные с физической нагрузкой. Под заголовком «Чего стоит ждать после первых нескольких недель участия в программе Amazon CamperForce» было написано следующее^[118].

Первые несколько недель на Amazon могут показаться вам суровыми. Объемы поставок, сокращения, которые выглядят как особый язык, ручные сканеры, которые работают так, словно обладают своим разумом, на первых порах сбивают с толку...

Статьи о том, как Amazon обращается со своими сотрудниками, с 2011 года попадали на первые полосы газет^[119]. Примерно в это время исследование Allentown Morning Call показало, что трудились они в буквальном смысле в потогонных условиях. Когда температура превышала сорок градусов на складе Amazon в Брейнингвилле, менеджеры из страха, что каких-нибудь товаров потом не досчитаются, не открывали двери на улицу. Вместо этого, по словам корреспондентов, они наняли врачей, чтобы те дежурили на скорой снаружи, чтобы вытаскивать потерявших от жары сознание работников на носилках и в креслах. Сотрудники также утверждали, что их заставляли перевыполнять план. Сами они называли эту стратегию стресс-менеджментом. Amazon в реальном времени проводит мониторинг продуктивности сотрудников, анализируя данные, поступающие с подключенных к сети ручных приборов, которыми служащие сканируют товары. Лаура Грэм, которая работала в CamperForce сортировщицей на складе в Коффивилле, рассказала мне, что каждый раз, когда она сканировала товар, на устройстве включался счетчик. Он показывал, сколько секунд ей нужно, чтобы дотянуться до следующей коробки; она как будто переходила на

следующий уровень в видеоигре. Также отслеживалось, удастся ли ей отсканировать положенное количество товара в течение часа^[120]. Когда один раз она случайно зашла не в тот проход и потеряла более пяти минут, к ней явился руководитель и отчитал ее. (Помимо психологического давления, Лауре приходилось нелегко из-за того, что ее тело противилось требованиям устройства, которое указывало, как ей проходить от 16 до 32 километров в день по бетонному полу площадью 85 тысяч квадратных метров за 11,25 доллара в час. «Неописуемый ужас, – говорила она. – У меня начались сильные боли в стопах... итог – подошвенный фасциит». Не помогли и новые стельки в ботинках. Чтобы справиться с этим, ей приходилось принимать по две таблетки ибупрофена посреди ночной смены, которая длилась с 17:30 до 3:30, и еще две по ее окончании. В выходные она старалась давать ногам отдых и лежала почти весь день, вставая только в душ и туалет.)

Однако все эти слухи о складах не испугали Линду. К тому же ей было не привыкать к тяжкому физическому труду. «Я работала на стройке и была официанткой в баре, где приходилось труднее, чем на стройке, – вспоминает она. – Чего мне бояться?» К тому же она только что приехала из лагеря, находившегося более чем в 2700 метрах над уровнем моря. А такая подготовка, считала Линда, чего-нибудь да стоит.

Когда началась первая неделя, Линда прошла инструктаж по технике работы и безопасности. Она узнала, что ее определили в «разгрузчики». Это те, кто раскладывает по полкам только что приехавший товар. Чтобы познакомиться со спецификой работы, она пошла на «техническое обучение» – так это называлось на языке компании.

Разгрузчики толкали тележки, загруженные желтыми пластиковыми бадейками с новыми товарами – «баулами» на местном сленге – по проходам, образованным многочисленными стеллажами, которые немного напоминали библиотечные и на которых хранится ассортимент Amazon (на языке компании это «сортировочные отсеки»). На каждой полке стоят пластиковые разделители, пространство между ними называется ячейками, и разгрузчики постоянно ищут свободные места, чтобы положить туда товар. Перед тем как выгрузить его, разгрузчик должен посветить ручным сканером

на штрихкод ячейки, а также отсканировать то, что собирается туда положить. Дело идет медленно, потому что работникам приказывают раскладывать одинаковые товары из одной партии по разным ячейкам, чтобы они расползлись по всему лагерю, а не копились в одном месте. Из-за этого еще труднее сортировщикам, которые бегают по проходам и собирают заказы. «Странно! – говорила Линда, вспоминая, как хаотично располагались товары, которые могли бы лежать в одной ячейке. – Тормозная жидкость, детское питание, тени для век, книга, скотч... чего там только нет».

Линду ввели в курс дела, и первая ее неделя завершилась тем, что Amazon называет усложнением работы: серией двенадцатичасовых смен, во время которых новички привыкают ходить по бетонному полу, чтобы заниматься этим по десять часов и дольше, когда закончится инструктаж. Линда попросила, чтобы ее назначали на ночные смены: на них ставка была на 75 центов выше и составляла 12,25 доллара в час плюс сверхурочные. «Я хотела заработать там все деньги, какие только могла», – говорит Линда. Ее график утвердили, она работала с 18:00 до 4:30, с двумя пятнадцатиминутными перерывами и одним получасовым, чтобы быстренько пообедать. «Я спала весь день, – добавляет она. – Серьезное изменение в жизни». Линда вставала после полудня, обычно у нее оставалось трехчасовое окно, чтобы убраться в машине, приготовить еду и выгулять своих собак на парковке. Затем она пускалась в двадцатипятиминутный путь до склада.

В начале каждой смены Линда надевала оранжевый светоотражающий жилет и шнурок с электронным пропуском, хватала только что зарядившиеся батарейки для сканера и отправлялась на «летучку» – собрания, где работники просто стоят, а заведующие монотонно озвучивают задачи на смену. Затем она заступала на склад, сканируя штрихкоды и раскладывая по полкам тысячи коробок. «У тебя есть тележка с четырнадцатью бадейками китайской фигни, – рассказывала она мне. – Печальнее всего было то, что я отлично знала: половина этих вещей вскоре окажется на свалке». Это ее очень расстраивало. «Я не могла не думать о тех ресурсах, которые потребовались, чтобы доставить сюда всё это, – задумчиво говорила она. – А потом начинается: “Попользуйся и выбрось”». Работа была изматывающей. Постоянно приходилось ходить туда-сюда между

стеллажами, а еще нагибаться, приседать, тянуться за коробками, подниматься и спускаться по лестницам на складе, чья площадь равнялась примерно тринадцати футбольным полям. Здание было таким огромным, что работники, чтобы как-то ориентироваться в этой громадине, называли его части именами штатов: западная была «Невада», а восточная – «Юта».

В начале октября, проработав на складе две недели, Линда написала в Facebook: «Если я это переживу, то буду в отличной форме. Я вспоминаю шоу “Потерявший больше всех”. Это телепередача, в которой участники сбрасывали вес, чтобы выиграть приз. Если смогли они, смогу и я». Также она повторяла про себя мантру, которую узнала в обществе анонимных алкоголиков: «Не сдавайся, пока не случится чудо».

К тому моменту Линда не пила больше двадцати лет. Когда-то ей пришлось начать борьбу, в которой она почти не надеялась победить: пристрастие к алкоголю было заложено у Линды в генах, и, даже если бы предрасположенности не было, ее отец, конченный алкоголик, сделал всё, чтобы его привычки передались наследникам. Когда Линда оканчивала старшую школу, он приучил ее к игристой сливовой настойке, которую каждый вечер готовил в блендере со свежим лимоном и сахаром. Они сидели за столом допоздна, пили и разговаривали. Он начал играть на бирже и пытался обучить ее финансовой грамотности; она думала, что он гений. У них выработался свой утренний ритуал. Отец открывал дверь в ее спальню. «Ты едешь в школу? – спрашивал он. «У меня похмелье», – стонала Линда. «Ох, бедняжка!» – сочувственно вздыхал он и аккуратно закрывал дверь.

Во взрослом возрасте Линда стала крайне занятым, невероятно продуктивным запойным алкоголиком. Какое-то время она баловалась наркотиками – не в таких количествах, чтобы ей окончательно снесло крышу, а чтобы поглощать всё большие дозы алкоголя, чтобы напиться.

Пару раз Линда пыталась завязать, но каждый раз срывалась. Однако после одной ночной попойки она решила остановиться. Она вернулась домой в шесть утра. Дети молча посмотрели на нее, когда она вошла. «На их лицах было написано разочарование, – вспоминает

Линда. – Это ужасно – вот так ждать, когда твой близкий человек вернется домой. Нехорошо так поступать с теми, кого любишь».

У Линды появился новый стимул бросить пить. И на этот раз она победила. Когда она боялась сорваться в промежутках между собраниями общества, то звонила своему куратору. Как ни странно, именно тогда она усвоила некоторые техники, которые помогли ей выдерживать долгие смены в Amazon. Теперь она отлично умела сосредотачиваться на ближайших задачах, разделяя сложные задания на посильные участки до тех пор, пока не начинала чувствовать, что со всем справится. «Посуду помыла? Нет? Тогда мой, а потом снова звони мне», – говорил ей куратор. Линда драила тарелки и стаканы до блеска и звонила снова. «Кровать заправила?» – следовал новый вопрос. Линда шла и выполняла новое задание. И так потихоньку она справилась.

Не только Линде приходилось нелегко во время работы на складе. Первого октября поступила жалоба, что несколько рабочих надорвали спины, когда поднимали тяжелые коробки^[121]. Спустя неделю в Фернли приехали двое проверяющих. Они посмотрели документы, в которых были зафиксированы травмы, и обошли весь склад в сопровождении менеджеров Amazon. Их визит занял не более четырех часов. Дело закрыли в тот же день, в официальном заключении говорилось: «Зафиксировано несколько случаев растяжений, в том числе спины, но не обнаружено ничего, что выходило бы за пределы нормы для подобных предприятий».

Помимо физического перенапряжения, большой проблемой была монотонность работы. Линда обманывала свой мозг, чтобы скоротать часы. «Я пробуду здесь еще пять минут и уйду. Я уйду... Скоро!» – твердила она себе снова и снова. Так она держалась, пока за два часа до рассвета не заканчивалась ее смена. Затем она и ее коллеги отмечались и выходили из здания через проходную с металлоискателями и охранниками: так компания оберегала себя от краж. (Марк Тирман, юрист из Рино, представляя группу временных работников со складов Amazon в Фернли и Лас-Вегасе, заявил, что им положены сверхурочные выплаты за то время, что они простояли в

очередях, чтобы пройти проверку на выходе: это занимало около получаса в день. Апелляционный суд девятого округа США подтвердил в 2013 году справедливость их требований, но Верховный суд США на следующий год отклонил его решение^[122].)

Несмотря на скуку, в новой работе было то, за что Линда ей благодарна. «Больше всего мне нравилось товарищество, – говорила она. – Там у меня появились новые друзья».

В Amazon Линда познакомилась с Сильвианой – астрологом, которая позже работала с ней смотрительницей лагеря в горах Сан-Бернардино. Перед тем как приехать в Фернли по программе CamperForce, она написала в своем блоге:

Сцена 1: выезжаю из северного Нью-Мексико и направляюсь на север Невады на сезонную работу в качестве сотрудника склада интернет-магазина Сонма Алчных Потребителей, так что временно окажусь в пасти чудовища. Суровый, но необходимый шаг, чтобы обеспечить первые стадии путешествия...

Сильвиана была соседкой Линды на парковке для автофургонов. Там она часто выгуливала свою кошку Лейлу на поводке с розовым ошейником. Так она стала местной знаменитостью. Даже когда она сидела на полу на складе, к ней подходили люди и спрашивали: «Это ты выгуливаешь кошку, да?»

Как и Линда, Сильвиана работала разгрузчицей в ночную смену. Она, по собственному описанию человек психотипа А, достаточно нетерпеливый и амбициозный, считала эту работу отвратительной. Часто все ячейки оказывались заполненными. Товар складывать было некуда, работать продуктивно – невозможно, в результате склад превращался в подобие «Замка» Кафки, сущую пытку для перфекционистов. Сильвиана смотрела «Оранжевый – хит сезона» – драматическо-комедийный сериал о жизни женщин в тюрьме – и обнаружила, что сравнивает свою жизнь с жизнью заключенных. Поначалу она плакала по два-три раза на неделе. «Я нюня, – объясняет она. – Мне было так стыдно. Это всё потому, что я многое принимаю близко к сердцу». У нее постоянно болела спина, что оказалось для нее внове – если не считать пары спазмов в то время, когда она занималась кейтерингом, спина ее никогда не беспокоила. И она была одной из

многих, кто страдал от статического электричества. Сильвиана объясняла, что, когда катишь по складу тележку с пластиковыми упаковками, в них образуется заряд. Один раз она приблизилась к металлическому стеллажу и попыталась положить книгу на верхнюю полку. Стоило ей поднести руку к металлу, как ее шарахнуло, и книга полетела Сильвиане в лицо. В итоге у нее распухла губа и кровоточила челюсть. Книга упала на пол обложкой вниз. Когда Сильвиана взглянула на нее, то увидела, что с фотографии на задней стороне ей улыбается тибетский монах. «Вот такое чувство юмора у моей богини», – вспоминала она позже. (Проблема была не нова. К тому времени, когда Сильвиана присоединилась к CamperForce, работники Фернли уже два года заполняли стандартные жалобы на то, что полки бьют током. Во время государственных инспекций безопасности рабочего места представители Amazon сказали, что о проблеме они осведомлены и уже установили на стеллажах заземлители, а на тележки нанесли фольгу, чтобы она поглощала электричество. Но удары током не прекратились, и они нанесли на пол некое вещество под названием «Статицид». Представители компании заявили, что благодаря этому «количество ударов током сократилось». Инспекторы не потребовали новых изменений^[123].)

Линда также подружилась с Джен Дерге и Эш Хааг. Им было под тридцать, и они приехали на парковку в начале октября.

Женщины жили в сине-белом кемпере 1995 года выпуска, который они приобрели по дороге в Неваду за 4500 долларов. Продавец сделал им скидку в тысячу долларов. Кемпер шесть лет простоял у него на парковке, и он просто хотел от него избавиться.

Джен вспоминает, как Линда впервые выманила их из машины, чтобы поздороваться, и как пробегала мимо, крича: «Блинчики, блинчики!» – чтобы все знали, что она готова поделиться завтраком. «Ты знаешь Линду, – говорит Джен. – Она без общения не может!» Когда Эш ждала особого письма от своей племянницы – на конверте было написано «Тетушке, мисс Джен и кемперу», – именно Линда первая узнала у дежурного, что оно пришло. «И Линда ворвалась в туалет: “Ты здесь?” А я: “Ну да!” А она: “А что ты делаешь?” А я: “У меня тут свои дела, Линда! – вспоминала Эш. – И тут она заявляет: “Тебе письмо!” Обожаю ее».

Прежде чем стать кочевниками, Джен и Эш снимали дом в Колорадо-Спрингс, где обеих ввела в ступор депрессия, а перспективы трудоустройства быстро вывели из этого состояния.

У Джен с детства перед глазами был пример родителей, которые трудились в продуктовом магазине. Ее отец ненавидел свою работу. «Мы хотим, чтобы вы, дети, жили лучше», – говорил он, убеждая идти в колледж. Джен всегда была важна независимость. В старшей школе она стала работать упаковщицей в магазине за 6 долларов в час. Затем получила диплом бакалавра филологии. Но она не видела смысла продолжать образование. «Везде одна и та же история, – говорила она. – Ты видишь, как все твои друзья получают диплом бакалавра или даже магистра и не могут устроиться на работу. Поэтому я не видела причин продолжать, хотя учиться мне нравится. Но денежный вопрос никто не отменял, а залезать в долги... мне даже подумать об этом страшно, я не хочу».

Джен работала в рукодельном магазине и в нескольких букинистических, а потом помощницей школьного библиотекаря. В итоге она стала трудиться под началом человека, который отвечал за библиотечное программное обеспечение в самом большом округе Колорадо-Спрингс. Джен нравилась эта должность. «Было очень весело общаться с библиотекарями, залезать в их компьютеры и показывать им всякие крутые штуки», – говорит она. Но вскоре выяснилось, что ее начальница, у которой был диплом магистра, уходит на пенсию, а Джен займет ее место, но будет получать гораздо меньшую зарплату.

«Они убирают работников в возрасте с магистерским образованием и заменяют технологиями. Очень грустно за этих людей, которые столько трудились, чтобы получить все эти степени, – говорит Джен. – У меня появилось чувство, словно я предала свою начальницу и забрала ее работу. А она была потрясающей женщиной».

Тогда Джен поняла, что никогда не получит работу вроде той, которая была у ее начальницы, даже если продолжит обучение: эти должности становились менее оплачиваемыми. «Зачем дальше учиться, когда тебя всё равно ставят только на низкие должности?» – размышляет Джен.

А Эш видела, как ее родители потеряли статус среднего класса после того, как ее отец, инженер-электрик с зарплатой, исчисляющейся

шестизначным числом, попал под сокращение в 2001-м. Он был слишком гордым, чтобы пойти на низкооплачиваемую работу, по крайней мере до того момента, когда финансовое положение семьи стало удручающим. В итоге он стал водить школьные автобусы по утрам, а по вечерам – работать в магазине.

«Я видела, что у моих родителей, которым уже за шестьдесят, не будет пенсии, а всё, что они построили за свою жизнь, просто исчезло. А потом, во время кризиса, то же случилось со многими», – говорит Эш. Хотя она всегда считала себя «консерватором», она начала бояться, что, даже если станет придерживаться всех общественных правил, чтобы остаться представителем среднего класса, у нее всё равно не будет никаких гарантий стабильности. Она скептически относилась к утверждениям о том, что программа гособеспечения позаботится о ее поколении, когда оно состарится. И хотя у нее имелись пенсионный счет и счет в крупном инвестиционном банке, которые родители открыли на ее имя, когда она была еще маленькой, Эш боялась, что эти деньги ничего не будут стоить к тому времени, когда они ей понадобятся.

К тому же Эш поймал в свои сети студенческий кредит. Деньги, которые она взяла, – 30 000 долларов – с процентами превратились в 37 000 долларов, и это за степень, которую она не получила после шести лет обучения. Она считала себя обязанной после школы пойти в колледж – хотя и думала, что в этом возрасте не знаешь, чего хочешь, что тебе нужно и кто ты такой, – и стала учиться сразу всему, от истории искусств до физики.

Во время и после окончания учебы Эш работала в семейной аптеке, где она чувствовала себя как дома. Но руководство сменилось, а вместе с ним и взгляды на персонал: Эш видела, как верных, не первый год работавших сотрудников заставляли увольняться. «Наше общество идет к этому, – говорила она. – Им не нужны сотрудники надолго, потому что тогда у них будут пенсии, нужно давать им прибавку на рост стоимости жизни; а если они давно работают на компанию, то захотят премий». Новое начальство, по ее словам, «в буквальном смысле набирало одноразовых сотрудников. А для этого нужна одноразовая работа. И всё стало автоматизироваться».

Тем временем Джен искала в интернете альтернативные варианты выживания. Ей попадались статьи о минимализме и микродомах.

Также она наткнулась на CheapRVLiving.com. Постепенно ей стало казаться, что выход найден. Для Эш переселение в автомобиль и жизнь кочевника были не самым желанным вариантом. Она подумала о классической сцене из шоу Saturday Night Live, где Крис Фэрли играет обитателя автофургона и оратора Мэтта Фоли. Он наставляет детей, чтобы те взялись за ум, если не хотят жить в машине. «Сначала я подумала, что мы будем, как он, и станем говорить: “Я живу в фургоне у реки!”» – заявляет Эш. Но при этом она не стала отказываться от своей идеи^[124].

План был такой: чередовать работу и приключения, живя в хетчбэке Subaru Impreza, который достался Джен от матери. Оказалось, эту машину непросто превратить в дом. Хотя задние сиденья убираются, лечь можно, только если сложить все вещи в выемки для ног за передними сиденьями, сделав из них подушку. Однако Джен и Эш потрудились на славу. Джен повесила на окна занавески из черного войлока на липучках. Чтобы избавиться от лишней поклажи, они разместили объявление в интернете и выложили все ненужные вещи на лужайку. В объявлении было сказано, что люди могут подъезжать к 9 утра. К 8:30 всё, что было на лужайке, исчезло. «Если пишешь “Бесплатно”, люди всему найдут применение, – говорит Эш. – Кто-то даже мусор с собой забрал!» (Скорее всего, по ошибке.)

Первым их испытанием было преодолеть более 770 километров от Денвера до Дуранго по туристической тропе в Колорадо за пятьдесят два дня. Затем они направились на склад Amazon в Фернли. Изначально они планировали работать в программе CamperForce и жить не в Subaru («Не вышло бы, – спокойно говорит Джен. – Пришлось бы уйти»). К счастью, им удалось найти фургон. Но после этой покупки они остались почти без денег.

Обустроившись на парковке Sage Valley, они решили на свою первую смену на складе поехать на велосипедах. Они подумали, что будет весело: дорога практически ровная, к тому же экономия денег на бензин. А потом шина на велосипеде Джен сдулась. Им приходилось останавливаться каждые пятнадцать минут, чтобы накачать ее. Дорога заняла три часа, но Эш и Джен успели как раз к началу своей десятичасовой смены. Когда в пять утра они освободились, было темно и так холодно, что у них зуб на зуб не попадал. Эш и Джен заехали в магазин, чтобы взять что-нибудь потеплее из одежды, и

поехали по оживленной с утра дороге навстречу слепящему восходу. «Нас везде знали как девочек, которые ездят на работу на велосипедах», – со смехом рассказывала Джен. Позже они решили на неделе останавливаться неподалеку от склада, чтобы экономить бензин. Они оставляли свой фургон у ближайшего Walmart или на стоянке и возвращались на парковку только в выходные.

В работе разгрузчицами им пригодился недавний походный опыт. Но, по словам Джен, «надо привыкнуть к тому, что нужно постоянно нагибаться, а недели через две появляются мускулы. Смотришь на всех пожилых людей там и думаешь: «Если уж они делают всё это, на что жаловаться мне?»»

Эш считала, что эта работа «монотонная и удручающая». Чтобы справиться со скукой, она иногда развлекалась тем, что с юмором раскладывала товары на полках, например ставила пачку презервативов рядом с тестами на беременность. С помощью списка желаний на сайте Amazon она создала каталог «самой потрясающей и ошеломительной фигни, которую мы кладем на полки». В список попали живые гусеницы восковой огневки, двухкилограммовый мишка Гамми, ружье для подводной охоты, книга «Венера с бицепсами: иллюстрированная история мужеподобных женщин», анальная пробка с мягким лисьим хвостом, полкило вышедших из оборота монет США, «парные трусы» с четырьмя дырками для ног и фаллоимитатор в стиле Бэтмена^[125].

К концу октября температура в Фернли упала ниже нуля. Перед Хеллоуином парковку слегка припорошило снегом. Настоящий снегопад случился за неделю до Дня благодарения. Хуже всего пришлось в декабре – температура упала ниже десяти, а одной ночью ударило минус двадцать. Чтобы спать в таком холоде, Джен и Эш кутались во всю одежду, которая у них была, а потом зарывались под грудку одеял, спальных мешков и шарфов. После ночных смен, когда они тайком ночевали неподалеку от склада, Джен и Эш на десять минут перед сном включали пропановый обогреватель; грея ноги, они смотрели, как испаряется пот, выступивший после многочасовой работы. Хотя после ночных смен они чувствовали себя «амазомби», они были рады, что выбрали такой режим. «В самые холодные ночи мы были на обогреваемом складе, а это главное», – говорит Эш.

Когда зима опустилась на парковку для автофургонов, соседом Линды был Карл, который также работал в CamperForce и жил в палатке. Он трудился в дневную смену. Поскольку по ночам Линда была на складе, она уговаривала его спать в своей машине, где было тепло (в целях экономии пропана ее обогреватель работал от электричества на парковке), но он всегда говорил: «Нет-нет-нет. Всё хорошо, мне удобно в палатке». Даже опытным кочевникам приходилось несладко. У некоторых были свои хитрости отопления, например они оборачивали шланги для воды нагревательной лентой и закрывали окна теплоизолирующим пупырчатым полиэтиленом. (Через несколько лет Amazon создала страничку для будущих участников CamperForce под названием «Зимовка на работе», где был совет закрывать окна термоусадочной пленкой и ставить светоотражающие утеплители на люки. Ссылки прилагались, так что читатели могли купить всё необходимое – угадайте где? – на Amazon.com.) Но всему был предел. Линда отсоединила свой водопровод. Когда она попыталась вытащить канализационный шланг, то оказалось, что внутри уже всё замерзло. «Там была огромная задубевшая кашка. Я подумала: “Какая мерзость!”»

Фил и Робин Депил, уроженцы Мичигана, у которых был бизнес на металлоломе, столкнулись с теми же трудностями. Они купили прожектор и попытались с его помощью разморозить канализационный шланг, но безуспешно. Тем временем один из кумиров Линды – Джим Мелвин, который вел блог «Путешествия Джимбо» и подвиг ее на сезонные работы, – устремился в город, чтобы купить электрическую грелку для подстилки и портативный обогреватель для Чики, своего килограммового чихуа-хуа.

Линда задумалась, куда ей отправиться дальше, где найти место более теплое и менее изнуряющее. Как и многие ее товарищи, она собиралась осесть на территории вокруг Кварцсайта. В эту местность, землю обетованную для путешественников по пустыне Соноран, зимой стекались сотни тысяч странников. Здесь же проводилось множество сезонных мероприятий – от вездесущих блошинных рынков до шоу коллекционеров горных пород и энтузиастов-автофургонщиков – и еще сотни фестивалей более расплывчатой тематики. Линда не могла дождаться одного из них, «Рандеву туристов на резине», который проходил в январе. Когда она упомянула об этом

Джен и Эш, которые слышали о фестивале, но еще не знали, куда поедут после Amazon, то они решили присоединиться. «Я была уверена, что поеду на РТР, но, когда Линда рассказала, что собирается туда, я подумала: “Окей, мы должны это сделать”», – вспоминает Джен. Сильвиана тоже намеревалась туда отправиться.

Но зима не отпускала их так просто. Нужно было обязательно отработать сверхурочные пятидесятичасовые недели. Перед Рождеством все ячейки на стеллажах были забиты товарами. Кошмар для разгрузчиков. «Последние полтора месяца мы были загружены на сто двадцать процентов, и, если ты пытался отсканировать ячейку, чтобы что-то туда убрать, устройство начинало противно верещать, и приходилось ждать, пока оно перезагрузится, чтобы отсканировать следующую ячейку, – вспоминает Эш. – Люди вокруг носились как сумасшедшие. Невозможно ничего куда положить, остается только головой о стену биться». Разгрузчикам приходилось в отчаянии бродить между стеллажами, пока они не натыкались на редкие ячейки, где еще было место. А руководители требовали ускориться, чтобы были «показатели». Позже Amazon признала, что тогда был самый загруженный праздничный сезон за всё время работы компании. Только 2 декабря (или киберпонедельник, первый понедельник после Дня благодарения) покупатели заказали около 36,8 миллиона товаров – примерно 426 в секунду, – и в результате в 2013 году доходы Amazon возросли до рекордной цифры 74,45 миллиарда долларов^[126].

Во всей этой кутерьме у Линды начались проблемы со здоровьем. Она держалась хорошо, хотя нагружала правое запястье сканером. Но 15 декабря, за две недели до окончания срока работ на складе, у нее начались головокружения. Она не знала, в чем причина. Другие рабочие тоже чувствовали дурноту; некоторые считали, что всему виной спертый воздух. Линда продержалась еще час, но попытки дышать глубоко ни к чему не привели, и коллега отвела ее в медпункт. Там ей измерили давление: шестьдесят на сорок восемь. Достаточно низкое, чтобы вызвать скорую.

В больнице в Рино, до которой полчаса ехать по шоссе на запад, Линде сделали компьютерную томографию и рентген, но никакого конкретного диагноза не поставили. «Медсестра сказала мне, что я могла как-то зажать черепной нерв, – вспоминает Линда. – От этого иногда теряют сознание. Такое случается при сильном

перенапряжении». Она говорила это скептически, поскольку не считала, что слишком уж перенапрягалась. Однако ей посоветовали проконсультироваться со своим терапевтом. «Я бы сделала это, если бы он у меня был», – со смехом говорит Линда. Как и у большинства трудопутников, которых я встречала до того, как вступил в силу Закон о доступном медицинском обслуживании, у Линды не было страховки. Поскольку обратно на парковку ее никто везти не собирался, ей пришлось потратить 172 доллара на такси. Следующие несколько дней она чувствовала слабость и взяла неоплачиваемые выходные.

CamperForce затухала. Многие уезжали прямо перед Рождеством, чтобы успеть отпраздновать его вместе со своей семьей. Линда решила остаться до 30 декабря. Она хотела заработать как можно больше. К тому же настроения праздновать у нее не было. За четыре месяца ночных работ она впала в сильнейшую апатию, нарушаемую только острыми болями в правом запястье. Работа была монотонная и бездумная: разложить товар по полкам, направлять сканер на штрихкод за штрихкодом, нажимать на рычажок, ждать, когда раздастся писк, оповещающий, что красный сканер опознал свою цель, и двигаться дальше. Что это давало ей, кроме зарплаты? Каждый сканируемый товар был пикселем в картинке, общий вид которой огорчал Линду. Некоторые работники CamperForce называли себя эльфами Санты. Так они могли гордиться своей работой: это значило, что они рассылают подарки и дарят людям радость. Но Линду не прельщал сладкий рождественский пирожок: она чувствовала себя не эльфом, а шестеренкой в огромном мировом торговом автомате, и от этого внутренне цепенела. «Я хотела отрешиться от Рождества после того, как насмотрелась на весь этот шлак», – говорит она. Линда только разослала подарки внукам, в остальном же проигнорировала праздник. Когда на Рождество склад закрылся, она поступила так же: весь день провела в одиночестве в своей машине.

Но под покровом усталости в ней всё-таки медленно расцветала гордость. Линда достигла своей цели, проработав первые полгода в качестве трудопутника на двух сезонных должностях – смотрительницей лагеря и по программе CamperForce, – привыкая к скромной кочевой жизни в своем фургончике. Она чувствовала себя самодостаточной и свободной. Но это было только начало. Дальше предстояло найти племя – общину, которая для многих кочевников

стала второй семьей. Лучшей площадкой для этого оказался зимний фестиваль РТР, который должен был вскоре начаться в Кварцсайте.

«Дайте мне только выбраться отсюда! – думала она. – Надо ковать железо, пока горячо. В путь!» В предвкушении короткого отпуска и теплой погоды она отправилась в Аризону.

Когда оставшиеся участники CamperForce покинули Фернли и уехали навстречу Новому году, один работник еще оставался в городке. Это был Дон Уилер, бывший инспектор программного обеспечения, некогда живший на широкую ногу, который написал хвалебную оду трудопутникам и в этой книге фигурирует под псевдонимом. Дон оказался первым участником CamperForce, с которым я познакомилась: остроумный и интересный рассказчик, потчевавший меня байками о жизни в дороге. Изначально он должен был отработать свою последнюю смену в CamperForce 21 декабря. Его планы на следующий период включали поездку в Кварцсайт – он называл его «Burning Man для старичков» – и к друзьям в Скалистых горах Колорадо. Но случилось нечто из ряда вон выходящее. Просматривая отчеты о работниках CamperForce за трехлетний период, я не встречала подобного: Amazon предложила Дону стабильную работу с полной занятостью. «Эй, мне семьдесят, кто еще меня наймет?» – шутил он в письме. Выражаясь языком компании, Дон должен был стать «младшим помощником». В пределах склада он будет тем, кого участники CamperForce и другие временные работники называют – не без зависти и насмешки – синими значками, по цвету пропусков, которые выдают постоянным работникам.

В другом письме он попросил меня не указывать его настоящее имя. Вот как он это объяснил.

Как младшие сотрудники, мы не должны общаться с прессой под страхом смерти, расчленения или чего похуже. Поэтому сейчас я беспокоюсь. Раньше было иначе: как трудопутник, я мог позволить себе беспечно, нахально отзываться о масштабных махинациях деловой Америки, а теперь я сам в этом котле. Мне нужна эта работа...

Я не могу допустить, чтобы мое имя стало известно. Если я даже мелькну в национальных СМИ, отдел кадров быстро меня дисквалифицирует. Когда я приду на склад, мой пропуск будет

недействителен. Это называется ДПА (демонстративное пренебрежение Amazon), и мне не к кому будет обратиться за помощью, потому что я добровольно пошел на эту должность.

Мне жаль, если кажется, что я параноик, но мы с отделом кадров НЕ друзья, что бы они там ни говорили. Они показывают свое истинное лицо, когда избавляются от «гнилых плодов» и нарушителей спокойствия. Я не такой храбрый, как Надежда Толоконникова (и не такой красивый)[\[127\]](#).

В течение следующих нескольких месяцев Дон расплатился с долгами, посетил стоматолога, визит к которому давно откладывал, купил новые очки, открыл личный пенсионный счет и стал копить на мотоцикл Harley.

Глава 6. Место встречи

Тот лагерь был замечательным местом – Эдемский сад на колесах, который сам определял свое географическое положение и весь год перемещался вслед за хорошей погодой; убежище, где каждый мог сосредоточиться на своей жизни в минимальном пространстве; чудо внутренней самоорганизации вкупе с мобильностью^[128].

Элвин Уайт

Если ехать на запад по автостраде 10 навстречу январскому закату, в пустыне можно увидеть странное явление. Тысячи золотых искр блестят у подножия гор, точно их окружает огромное гладкое озеро. Если подъехать ближе, эти точки превращаются в сотни автофургонов, в чьих лобовых стеклах отражаются последние лучи дневного света. Перед вами городок Кварцсайт. Большую часть года это дремлющий одинокий форпост между Лос-Анджелесом и Финиксом, с двумя большими парковками и такой жаркой, что у вас могут начаться галлюцинации. Во время адского летнего пекла здесь живет менее четырех тысяч человек. Перекати-поле здесь больше, чем приезжих. Но каждую зиму, когда дни становятся мягкими и ласковыми, сотни тысяч кочевников стекаются со всей страны и Канады, мгновенно превращая городок в мегаполис «Место встречи»^[129]. Некоторые из приезжих – активные «перелетные пташки»: те, у кого достойная пенсия или те, кто удачно ушел с работы и чьи накопления не пострадали во время кризиса 2008-го; а другие – беженцы, живущие на краю правил общества. Их благосостояние отражается в широком спектре фургонов, торжественной колонной движущихся по Мейн-стрит.

Машины и грузовички тащат за собой всевозможные жилища, от сверкающих алюминием автобусов до кузовов, оснащенных дверьми и окнами, и каплевидных трейлеров размером с походную палатку^[130]. Здесь можно увидеть крошечный домик с фронтальным слуховым окном и дешевыми украшениями, поставленный на опору из двух осей, или грузовик, тянущий за собой обитаемую лодку, которая станет здесь импровизированным жилищем. Здесь десятки списанных школьных автобусов. Одни еще желтые, как лепестки подсолнуха, на других нарисованы дикие пейзажи или психоделические абстракции. Некоторые превратились в изящные домики с диванами и печками-буржуйками. Какие-то стали торговыми точками на колесах, как, например, автобус с надписью «Мороженое и кофе» – выкрашенный в цвета радуги реликт прошлого, который мог бы принадлежать современному Кену Кизи, любителю эспрессо, – или кузнечная мастерская с логотипом в виде наковальни и слоганом: «Перерабатываем общественный мусор молотом и руками». Здесь можно увидеть дряхлые пикапы с домиками, встроенными в кузов, миленькие пятиколесные трейлеры со спутниковыми тарелками и колымаги, настолько перегруженные скарбом, что их брюхо царапает асфальт. Некоторые машины безупречны и блестят на солнце хромовой отделкой. Другие изрыты ржавчиной – скрипящие изношенные останки. На одном микроавтобусе с пустой канистрой на крыше написано: «ПОМОГИТЕ НАШЕЙ СЕМЬЕ НАЧАТЬ СВОЙ БИЗНЕС» – и ссылка на сайт, где можно пожертвовать деньги. На кузове старого кемпера красивыми печатными буквами выведено «УБЕЖИЩЕ БЕЗДОМНОГО» и «БЛАГОСЛОВИ БОГ». Ниже – пожелания: «НУЖНЫ: БЕНЗИН, НАЛИЧКА, МАШИНА ПОБОЛЬШЕ».

Не всегда можно определить материальное положение человека только по состоянию его машины. Например, некоторые фургоны на парковках для трудопутников напоминают прогулочные средства передвижения, и можно подумать, что они принадлежат зажиточным отдыхающим. Когда я начала заезжать на парковки, где останавливались участники CamperForce, то думала: «Что здесь делают эти сверкающие яхты на колесах со спутниковыми антеннами?» И я кое-что узнала. Во-первых, некоторые парковки становились временным домом для тех, кто работал в нефтяной

отрасли; им платили хорошие деньги, они могли себе позволить роскошные игрушки. Во-вторых, далеко не у всех кочевников транспортные средства в их полном владении. Как и в случае с недвижимостью, здесь можно переплатить и попасть в долговую кабалу, каждый месяц наскребая нужную сумму. И, к сожалению, как и владельцы домов, жители фургонов могут тратить на кредитные выплаты куда больше, чем на себя.

Машины медленно ползут по дороге. Но никто не торопится. Рядом с домами на колесах здесь можно увидеть пыльные внедорожники, которые возвращаются из пустыни: на пассажирах шарфы и защитные очки, и выглядят они так, будто их посыпали сахарной пудрой. Грузовики с прицепами еле тащатся к своим местам на забитых стоянках, застревая на поворотах. На перекрестках пожилые люди в инвалидных колясках и бумеры с маленькими собачками на поводках ждут, когда освободится пешеходный переход. Подростки с дредами и молодые люди с потрепанными рюкзаками сидят на обочине. Их племя называет себя по-разному: «краст-панки», «грязные ребята», «путешественники», «радужники» (отсылка к «Семье радуги»^[131], чьи собрания многие из них посещают). Некоторые ребята ждут попутки в город – в Юму, Финикс, куда угодно. Другие держат картонные плакаты, прося денег. Только они не считают это попрошайничеством. Это называется «держат табличку», или «промысел», или «обмен резервами» – так все делают, когда кончаются деньги на бензин. Многие взрослые неприязненно на них поглядывают, но другие включаются в игру. Беловолосая кассирша в магазине пробивает две упаковки по шесть банок пива парню в коричневой кофте со светлыми дредами; она смеется, когда он в шутку протягивает ей в качестве оплаты горсть крашенных камешков. Жаркий спор разгорается в очереди на почте между перелетной пташкой и молодым бродягой с лихо закрученными усами. *«Люди, вы – духовные существа, которые побеждают планетарные законы? Или просто подонки, загрязняющие Землю?»* С наступлением вечера ребята уходят в лагерь в пустыне. У костра они передают по кругу бутылку виски, бренчат на гитарах, жарят хот-доги, сворачивают самокрутки, убивают время.

К ужину большинство ресторанов в городе забиты под завязку, народ начинает прибывать уже после полудня. В одной популярной пиццерии пожилые танцуют и слушают местную группу, в чьей

программе присутствует песня *Barenaked Ladies*, которая начинается со строки: «Если бы у меня был миллион долларов, я бы купил тебе дом». В другие дни они поют караоке. Пожилая женщина в красной соломенной шляпе выезжает на танцпол в своем инвалидном кресле и густым вибрато начинает петь *Lookin' out My Back Door* группы *Creedence Clearwater Revival*. Во время зажигательного гитарного соло она рисует креслом восьмерку посередине комнаты, и все ей аплодируют.

Кафе и прачечные переполнены клиентами, которые хотят поесть, постирать вещи и даже помыться. Душ стоит 7 долларов и идет в комплекте с многочисленными правилами на табличках: «Мыться не более двадцати минут», «Не курить», «Не красить волосы» и «Никакой обуви в кабинках». Копы насаждают на радужников, которые толкуются у задней двери. Посетитель прачечной вещает о комете, которая уничтожит Вселенную (и о том, что Обама ничего не предпринимает по этому поводу). Седой старик сидит на парковке, прислонившись спиной к сетчатому забору и бросая камень джек-рассел-терьеру, который каждый раз послушно приносит его хозяину. «Это пустынная поисковая собака!» – хохочет старик, поймав мой взгляд (охота за полудрагоценными камнями в пустыне – излюбленное местное хобби).

Владельцы ресторанов здесь не единственные, кто борется за свой кусок хлеба. Торговцы каждый год стекаются в Кварцсайт, где ставят палатки или открывают лавки, закрытые не в сезон, и развешивают рекламу по всему городку. «У мистера Моторхоума ЧИСТЕЙШЕЕ масло в КВАРЦСАЙТЕ!» – заверяет один деятель, чьи фото с неестественно белозубой улыбкой красуются на нескольких плакатах. «Это не мираж, цены реальны», – кричат рекламы конкурента. «БЕСПЛАТНЫЕ БЛИНЫ НА ЗАВТРАК», – растяжка напротив *La Mesa RV*. По утрам шесть раз в неделю пенсионеры выстраиваются в очередь за горячим завтраком в зале, оборудованном рекламными экранами. На них демонстрируются дома на колесах, которые большинство не смогут себе позволить. (К рекламе посетители относятся как к местным проповедям: фоновый шум, который нельзя заглушить, но на который не стоит обращать внимания.) Появляются десятки точек для снабжения и обслуживания автофургонов, начиная с площадок для мусора и заканчивая киосками с солнечными панелями и передвижными ремонтными мастерскими лобовых стекол.

Некоторые, чтобы выделиться, используют смешные названия: «Добавь-ка бензина», «Крошка-грузовик», «Фургонный проктолог». Другие взывают к высокому. На палатке Schartel Pinstriping Services висит огромный крест и растяжка «Надежда для Америки. Америка для Иисуса».

Все хотят заработать как можно быстрее и обещают самые низкие цены. «Мы трудимся усердно, продаем доступно», – обещает один плакат. «Всё должно работать!» – заявляет другой. На рынках со списанными продуктами покупатели могут найти еду по очень низким ценам: с истекшим сроком годности, в мятых коробках и битых консервных банках. За ярко-розовым фасадом магазина Addicted to Deals можно купить DVD – три штуки за 10 долларов – и витамины с истекшим сроком годности. «Это чудовищное место, – пишет один покупатель. – Это плод запретной любви университетского общежития и супермаркета, покрашенный в кислотно-розовый и со слоганом вместо имени»^[132].

Кварцсайт не может похвастаться обилием «культурных мест», но почти все ходят в книжный Reader's Oasis на восточном углу Мейн-стрит^[133]. Владелец его – нудист преклонного возраста Пол Вайнер, мужчина с глянцево-кожей. По магазину он ходит не иначе как в вязаной набедренной повязке. Если холодно, он надевает свитер. Пол может позволить себе держать магазин, поскольку формально это не здание и налоги на него невысоки. У магазина нет настоящих стен – только крыша над бетонной плитой. Разделителями служат брезентовые перекрытия. Пристройками – грузовые контейнеры и трейлер. Журнал Trailer Life назвал это сооружение высшим достижением архитектуры Кварцсайта. На заре своей карьеры Пол разъезжал по стране под псевдонимом Sweet Pie в качестве буги-вуги-пианиста-нудиста, известного песней F*ck 'Em If They Can't Take a Joke. Он до сих пор иногда играет на своем кабинетном рояле у входа в магазин, рядом с благоразумно прикрытым отделом книг для взрослых. В магазине есть и секция с христианскими книгами, но в задней части, и Полу часто приходится показывать ее посетителям. «Моя голая задница ведет их к Библии», – говорит он.

Приверженцы более традиционной религии идут на другой конец Мейн-стрит, к западу от Reader's Oasis, где фиолетово-белая крыша венчает палатку миссии последнего шанса. В 7 вечера проходят

собрания, на которых странствующий пастырь бренчит на электрогитаре, ниспосылая прихожанам свет Иисуса. «Этот свет будет виден по всему миру! – восклицает он. – Он не только в этой палатке. Он не только в Кварцсайте. Он не только в Аризоне. Он повсю-ю-юду! Всё дальше и лучше!»^[134] После каждой службы прихожане подходят к пастырю, чтобы их помазали елеем. Он несет всякую чушь и хватает верующих за плечи, чтобы потом с силой толкнуть – даже если перед ним женщина на костылях – в объятия приближенных.

Десятки тысяч кочевников каждой зимой участвуют в этом карнавале Кварцсайта. В городке только три маленьких мотеля, но более семидесяти парковок для автофургонов с названиями, обещающими спокойный отдых: «Солнце Аризоны», «Оазис в пустыне», «Праздничные пальмы», «Ля Мираж», «Рай», «Зимняя гавань», «Живописная дорога» (у последней есть девиз – «Наслаждайся жизнью на медленном ходу», – который подытоживает стандартные маркетинговые ходы). В среднем они берут по 30 долларов за место для ночлега на асфальте или гравии, с водоснабжением, электричеством и санузлом, доступом к душевым и прачечной, иногда Wi-Fi и кабельным телевидением. Многие парковки не принимают тех, кто младше определенного возраста – родился после «правления Эйзенхауэра», – и вывешивают таблички со знаком «55+». Когда репортер газеты Scotsman писал о них, то назвал их парковками юрского периода.

Но многие из тех, кто останавливается в Кварцсайте, не заезжают на парковки. Они собираются в местном дешевом квартале – на пустоши за городом, – как золотоискатели, оккупировавшие месторождение во времена золотой лихорадки («немолодой лихорадки», измывается всё тот же корреспондент). Здесь они разбивают лагерь на твердом грунте из пыли и гравия, который называют пустынным бетоном. Вместо того чтобы платить за удобство, они добывают электричество с помощью солнечных панелей и генераторов, работающих на бензине, и приносят воду в своих канистрах и бутылках. Те земные блага, которыми они жертвует, дарит им природа. Они паркуются под гигантскими раскидистыми кактусами, чей толстый ствол может достигать высоты телеграфного столба; издали растения кажутся огромными стоянками для домов на колесах. Они толпятся по краям пустыни, отыскивая редкие участки, где есть тень от каучуковых деревьев,

мескитовых деревьев, железного дерева и пустынных акаций. По соседству с ними живут кенгуровые крысы, хохлатые перепелки, ящерицы, скорпионы и кочуют стаи койотов, чьи ночные крики порой заглушают гул генераторов. (Здесь водятся и гремучие змеи, но большинство из них в спячке до весны, когда волны жара накроют пустыню и очистят ее от представителей человечества.) Когда путешественники находят себе место, они вытаскивают коврики, наборы для барбекю и шезлонги, разворачивают брезент, искусственные лужайки и непромокаемые пенки, вешают разноцветные флаги и устраивают собачьи бега. Всё это напоминает огромный пикник – зрелище, которое National Geographic когда-то назвал «самой большой в Америке парковкой». У него есть и другие имена, например «Весенние каникулы для пенсионеров»^[135] или «Палм-Спрингс для бедных»^[136].

Эта пустыня – государственная территория. Она в ведении Bureau of Land Management и включает бесплатные зоны для кемпинга, где кочевники могут останавливаться на две недели. Потом им необходимо переехать на другой участок государственной части пустыни, находящийся не менее чем в сорока километрах от предыдущего, или на территорию La Posa Long Term Visitor Area, которая находится к югу от Кварцсайта и занимает более 4450 гектаров. Чтобы жить там, нужно заплатить 40 долларов за две недели или 180 долларов за срок до семи месяцев^[137]. Пропуском на территорию служит яркая наклейка с рисунком кукушки-подорожника и снежинкой. Если их наклеят на лобовое стекло, они остаются там надолго и служат опознавательным знаком для разъехавшихся по всей стране гостей Кварцсайта, как значки тайного общества.

Считается, что с декабря по февраль в пустыне рядом с Кварцсайтом живет около сорока тысяч кочевников. Билл Александр словно целую вечность наблюдал за тем, как они приезжают и уезжают. Будучи главным смотрителем территории от Bureau of Land Management's Yuma Field Office, он семнадцать лет проработал в этом регионе. И он утверждает, что даже после стольких лет дружелюбие гостей его поражает. «Парень, который приезжает на велосипеде с собакой на поводке, может раскинуть палатку рядом с парнем на эксклюзивном кемпере за 500 000 долларов, и они прекрасно ладят, – говорил мне Билл. – И эта способность к сосуществованию проистекает из

обычного желания хорошо жить на общей земле, которая одинаково принадлежит как парню на велосипеде, так и парню на кемпере».

Его наблюдение согласуется с мнением Айрис Голденберг, работницы Amazon CamperForce, которую я встретила в Фернли. Шестидесятидвухлетняя Айрис жила в спортивном трехметровом трейлере, который она делила со своим ши-тцу Мэдисоном, Панчо – попугайчиком-неразлучником и Каспаром – болтливым жако, которого назвала в честь одного теолога XVI века. Мы все набились в трейлер и болтали, когда она вспомнила о Кварцсайте. Раньше я никогда о нем не слышала. Как и Билла, ее завораживало смешение разных социальных классов.

Это немаловажно для современной Америки, где все соседи ранжируются по уровню зарплаты, а богатые отгораживаются и отделяются от бедных. В Кварцсайте всё иначе. «Там привечают всех, – говорила Айрис. – Что бы ты ни имел, тебе рады».

Когда Айрис впервые рассказывала мне о Кварцсайте, то расписывала, как замечательно себя чувствует в сухом климате и как хорошо ей там живется. Помимо дешевого кемпинга, там легко найти работу ненадолго – в конце концов, временным городам нужны временные работники – в то время года, когда по стране практически нет вакансий для трудопутников. Так, например, она мыла посуду за 8 долларов в час в одном ресторане (с девизом «Отличная еда, разумные цены»), куда ранние пташки каждую пятницу заходили на ужин с 16:00, чтобы поесть жареной рыбы, а в кухне стопки грязных тарелок доходили до потолка. Айрис также трудилась в передвижном ресторанчике с китайской едой; когда я пришла туда навестить ее, она выбежала ко мне с горстью печенья с предсказаниями.

Хотя в пустыне социальные границы стираются, люди остаются людьми: они разбиваются на племена. Рисовать камешками свои границы уже стало всеобщей традицией. Также камнями выкладывают разные фигуры и инициалы. Это своеобразные татуировки на местности. Появляются микрорайоны с названиями вроде «Место койотов» или «Полуакровый вольный лагерь бездомного Роджера» и самодельные указатели – от аккуратных деревянных плашек, которые выглядят так, будто их сделали в школе на уроке труда, до одноразовых тарелок, на которых наспех что-то написали и приоттали скотчем к деревянным шестам^[138].

Наряду с племенами появляются десятки пустынных «ралли»: собрания клубов кочевников, у которых есть общие черты. Некоторые формируются по возрастному признаку. В один из них, «Бумеры», принимают представителей послевоенного поколения, хотя в числе кочевников этих людей столько, что даже странно образовывать клуб. Другие нацелены на представителей более молодого поколения: их обычно отличает нестандартное написание и печатные буквы, приметы эпохи интернета. Также есть кружки рыбаков, волонтеров, которые помогают людям в случаях стихийных бедствий, и лиц нетрадиционной ориентации («Радуга на колесах», они не имеют отношения к путешественникам из «радужных»). Есть клубы одиночек: «Сеть странствующих одиночек», «СОЛО» и «Одиночки на колесах». В последнем правила особенно строгие. «Мы вышвыриваем всех, кто пытается завести шашни с кем-нибудь», – сообщил один из членов клуба тexasской газете. Правила предписывают вести себя как «общительные одиночки» и утверждают, что «члены клуба разного пола, не состоящие в кровном родстве, не должны занимать один участок»^[139]. Есть даже клуб убежденных нудистов. На юге территории для приезжих имеется зона в тридцать гектаров, которая называется «Волшебный круг» и огорожена плакатами с надписями: «ВНИМАНИЕ: ЗА ЭТОЙ ГРАНИЦЕЙ ВЫ МОЖЕТЕ ВСТРЕТИТЬ ЗАГОРАЮЩИХ НУДИСТОВ». (Жители Кварцсайта в Сети в шутку называют ее «Морщинистый город» и «Город обвисший и болтающийся»^[140].)

Другие лагеря формируются вокруг общей работы. Такая группа – всё равно что обычный пригород, с типичными соседскими отношениями, в дикой глуши.

Лондонская Financial Times назвала Кварцсайт «одним из самых странных мест в Америке, посещение которого опасно для рассудка»^[141]. Но это не национальное отклонение. Когда понимаешь, что этот городок совершенно американский, даже слишком, до такой степени, что может показаться карикатурой, то можно испытать тяжелый шок. Коренных жителей здесь почти не осталось, на месте их жилищ простодушным приезжим продают сувенирные ловцы снов

из Пакистана и вышитые бисером мокасины из Китая. Зимы не существует. Предсказатели, духовные искатели и любители скидок собрались здесь, ведомые общим убеждением, что лучший способ сбежать от проблем – залить полный бак и выехать на дорогу. Кварцсайт всегда был убежищем для путешественников, аутсайдеров, людей, которые ищут новый путь в жизни. И он довел до совершенства искусство цикла подъемов и спадов.

История городка начинается в 1856 году, когда поселенцы сами основали форт Тайсон, чтобы отбивать нападения индейцев мохаве. Позже форт стал станцией для дилижансов, Тайсон-Уэллс, его руины теперь находятся на территории крошечного музея неподалеку от пиццерии (в городе есть еще два музея: один располагает коллекцией жевательной резинки со всего мира, а другой – военными реликвиями; но они не так популярны). В 1875 году писательница-мемуаристка Марта Саммерхейс провела ночь в Тайсон-Уэллс и написала, что это место «очень печальное и негостеприимное. От него разит нездоровьем, моральным и физическим». Когда дилижансы перестали ходить, бывший форт стал городом-призраком. В 1897 году, когда горнодобывающая промышленность начала активно развиваться, он снова ожил, почта открылась, а поселение получило новое имя: Кварцсайт. (Изначально городок должен был называться Кварцит, по названию минерала. Но кто-то когда-то допустил ошибку в написании – и это название прижилось.)

Самой знаменитой исторической фигурой Кварцсайта был погонщик верблюдов сирийского происхождения по имени Хаджи Али^[142]. Похороненный на городском кладбище в 1902 году мужчина известен под прозвищем Хай Джолли: так американцы переделали его настоящее имя^[143]. В 1856 году Али поступил в Американский верблюжий корпус во время короткого эксперимента, когда на этих сварливых животных перевозили груз на юго-запад. (Одно время верблюды даже доставляли почту из Тусона в Лос-Анджелес. Программу свернули в 1861 году, когда началась Гражданская война^[144].) Могилу Хаджи Али венчает пирамида из кварца и окаменелого дерева со стальным верблюдом наверху, около трех метров высотой. На табличке спереди написано: «ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ ХАЙ ДЖОЛЛИ, РОДИВШЕГОСЯ ГДЕ-ТО В СИРИИ ОКОЛО 1928» и «БОЛЕЕ ТРИДЦАТИ ЛЕТ ВЕРНОЙ СЛУЖБЫ

ПРАВИТЕЛЬСТВУ США». По слухам, прах Топси, одного из верблюдов Али, похоронен вместе с ним.

Хаджи Али – самый известный гражданин Кварцсайта, за исключением, может быть, продавца книг в неглиже. В черте города его верблюд стал неофициальным символом. На въезде в городок стоят высокие приветственные стелы с металлическими верблюдами – такими же, как на могиле Али. Одна из местных парковок называется «Фаршированный верблюд». На восточном углу Мейн-стрит стоит памятник верблюду, собранный из колесных дисков и другого металлолома. И каждый год в Кварцсайте проходит парад «Хай Джолли»; в лучшие годы это был полноценный фестиваль со скачками или верблюжьими бегами. В яхт-клубе Кварцсайта – баре-ресторане с тотализатором и девизом «Что ни день, то без моря» – сын владельца имел обыкновение одеваться в ростовой костюм верблюда и отрывался на танцполе, пока группа играла Hi Jolly, фолк-композицию New Christy Minstrels, лирический герой которой – погонщик верблюда – выступает одновременно неутомимым тружеником и беспечным дамским угодником.

Неординарная история не спасла город от забвения. К середине 1950-х его население сократилось до одиннадцати семей^[145]. А затем его воскресили груды мусора и живописные скалы. В 1960-х здесь раскинулись обширные блошинные рынки после того, как на трассе сломался автомобиль. Водитель – мать, ехавшая на запад с четырьмя дочерьми, – не могла оплатить ремонт и продавала детские игрушки. Другие последовали ее примеру, распродавая всё, что залежалось в багажнике. В итоге на этом месте разросся целый базар^[146]. В 1967 году группа энтузиастов устроила выставку-продажу камней и минералов, чтобы привлечь новых покупателей. Она стала такой популярной, что, по общему мнению, спасла Кварцсайт от вымирания. Со временем к ней присоединились несколько блошинных рынков и барахолки. Зимой целые толпы собираются на территории заасфальтированной и голой пустыни, которая в остальное время года пустует. Одновременно открывается множество базаров. Это рай для барахольщиков: на прилавках можно найти коровьи черепа, чугунную посуду и дамские сумочки для оружия.

В одной такой торговой зоне на Мейн-стрит я познакомилась с Шэрон Петерсон семидесяти лет. Все называют ее Шерри. Вместо

столов она использовала старые деревянные двери и раскладывала на них всё, что приносила на продажу, в том числе катану, олени рога, гавайские рубашки и домашнюю утварь, которая ей больше нужна, поскольку живет она в автофургоне марки Ford. Вперемешку с товарами лежат кусочки бумаги, на которых она написала разные житейские мудрости в стиле наклеек на бамперы: «В связи с растущими ценами на боеприпасы не ждите предупредительного выстрела» или «Мы не перелетные пташки, мы снежинки». Покупатели подходили, смотрели, шли дальше. Один взял четыре рубашки за 17 долларов. «Мир станет лучше, если все будут носить гавайские рубашки!» – радуется Шерри. Другой заплатил 25 долларов за коричнево-бирюзовый сервиз, который сама Шерри купила в Санта-Барбаре на пять долларов дешевле. «Это единственное хобби, на котором можно отбить деньги!» – говорит она о барахолках.

На Шерри была кепка, утыканная золотистыми и серебристыми значками в виде морских коньков и других обитателей глубин, из-под которой торчали заплетенные в косички волосы. Вокруг глаз у нее морщинки, а кожа всегда загорелая. Возможно, это наследие солнечных дней, когда в 1960-х она занималась серфингом на пляже Манхэттена к югу от Лос-Анджелеса (у нее до сих пор хранятся фотографии, где она с модной стрижкой и в купальнике стоит на желтом лонгборде). Она вспоминает, что в те времена жить было легче. Тогда у нее было «правило двадцати пяти»: «Гамбургеры, сигареты и бензин стоили двадцать пять центов за галлон, пачку и фунт».

Шерри обитает в машине с тех пор, как ей пришлось продать дом в Миннесоте. Она купила его в 1989-м и жила там двадцать три года, сдавая лишние комнаты, чтобы покрыть расходы. Затем ее уличили в том, что у нее нет на это разрешения. Больше она не могла сдавать комнаты, а это означало потерю дома. «Бюрократы совсем с ума сходят», – жалуется она. Сначала она планировала жить на то, что получит с продажи дома. Но если в 2002 году его цена выросла до 300 000 долларов, то после финансового кризиса она сразу же упала до 140 000. После уплаты посредникам и по кредиту денег осталось мало, но Шерри использовала их с максимальной пользой. Изначально в ее фургоне было пятнадцать мест. Она сказала мне, что живет в нем будто в передвижном особняке с окнами вместо картин, только пейзаж

снаружи меняется. Ее пенсия составляла 600 долларов в месяц – 500 после уплаты медицинской страховки. «На бензин мне как будто хватает, – говорит она со смехом. – Если не смогу себе его позволить, то просто останусь на одном месте». Всю свою одежду она хранит в трех больших пластиковых корзинах, вдобавок платит 600 долларов в год за аренду ячейки в камере хранения. По ее словам, место на барахолке обходится ей в 300 долларов в месяц плюс 50 долларов за разрешение торговать в черте города. Когда она не на барахолке в Кварцсайте, то продает украшения на пляже в Санта-Барбаре, где пропуск на весь сезон стоит всего 100 долларов, но не дает разрешения находиться на территории с 2 ночи до 6 утра, когда пляжи закрыты. Что она делает в это время? «Я прячусь», – спокойно отвечает она и объясняет, что там много мест, где можно неприметно припарковаться. В отличие от ее прежнего хиппи-фургона, сплошь в наклейках, нынешний нейтрально-белый и внимания не привлекает.

Через несколько дней после нашего знакомства мы с Шерри выбрались на ужин в яхт-клуб Кварцсайта. Шерри заказала двойной гамбургер и съела только одну котлету. Вторую аккуратно упаковала в салфетку, чтобы отдать ее собаке, за которой присматривала, пока ее хозяин, тоже промышляющий торговлей, ненадолго уехал в Финикс. Из гарнира к бургеру – салата-латука, помидоров и лука – она соорудила салатик, полив его кетчупом с майонезом, которые вместе стали похожи на соус «Тысяча островов». Она выпила две кружки безалкогольного пива и стакан воды со льдом и лимоном. Когда мы собрались уходить, она наотрез отказалась, чтобы я заплатила за нас обеих, и аккуратно перелила недопитую воду в свою многоразовую кружку. Вода была холодной и освежающей, а лед – небольшой роскошью, потому что в фургоне Шерри не могла его сделать.

Мы пошли пешком к барахолке «Хай Али». Я спросила у Шерри, где она ночует, и та ответила, что в своей машине, которая припаркована прямо напротив ее «стола». Там никто ей не мешал. Она сказала мне, что я отчаянная, раз живу в Нью-Йорке, а сама она очень рада, что не застряла где-нибудь в «бетонных джунглях».

«Если птицы могут жить и в парке, и в городе, почему мне нельзя? – говорила она. – Я не обязана жить в местах, предназначенных для людей. Вот и всё!»

Как и многие другие городки Америки, Кварцсайт переживает тяжелые времена. На Мейн-стрит кипит торговля, но можно заметить, что бизнес не справляется. Ресторан заколочен. На одной заправке краска выцвела и отслаивается, насосами как будто много лет никто не пользовался.

По словам старожилов, раньше в Кварцсайт стекалось столько кочевников, что можно было пересечь пустыню, ступая по крышам машин. Но за последние годы количество приезжих резко упало. Причину никто не знает, но у всех есть любимая теория – от местной политики до резкого повышения налогов на собственность и торговую деятельность, от изменений курсов валют США и Канады до плавающих цен на бензин. Некоторые считают, что сотни искателей, которые приезжали в Кварцсайт за камнями и минералами, теперь навещают в Тусон. Другие полагают, что это симптом более серьезной экономической болезни и всё меньше людей могут позволить себе долгие переезды в питающихся бензином домах, не говоря уже о такой роскоши, как свободное время.

«Я уроженец Кварцсайта и помню начало 1980-х, когда в разгар сезона к нам приезжало более миллиона человек. Сейчас туристов около трехсот тысяч», – написал мне по электронной почте Филип Кашмен, президент местной торговой палаты.

«Забавно, что до изобретения кондиционеров люди по шесть месяцев спокойно жили в лагере в пустыне. Теперь, как только температура начинает приближаться к сорока, все стараются как можно быстрее уехать, – сообщает он и добавляет: – Меняется демографический состав групп зимних гостей. Поколению Второй мировой нравилось играть в лото, ходить на танцы, искать камни и минералы и работать волонтерами в наших организациях по поддержке сообщества. Постепенно их заменяют бумеры, и мы видим, что они хотят другого и им скучно». Ему не хочется верить, что лучшие дни Кварцсайта позади. Недавно сообщество решило провести эксперимент и организовало новые мероприятия – например, «Большую встречу», четырехдневный праздник в честь бабушек и дедушек, где гости в количестве 631 человека встали (или сели) так,

чтобы образовать самую большую в истории букву Q из людей и попасть в Книгу рекордов Гиннеса^[147].

Но многие из тех, кто приезжает в Кварцсайт, пытаются выжить. Это не те туристы, которые будут сорить деньгами и вдохнут жизнь в городскую экономику. В церкви Исаяи на авеню Саут-Мун-Маунтен вставший на путь пастыря байкер Майк Хобби и его жена Линда открыли сезонную столовую, чтобы помочь нуждающимся. После того как они сами познали все прелести бездомной жизни – во время кризиса медицины, когда у обоих не было страховки и пришлось влезть в огромные долги, – в 2003 году пара основала церковь, чтобы помочь обездоленным. Идея имела успех, и сейчас каждый год с ноября по март в столовой готовятся тысячи порций для пожилых и бездомных. Во многих церковных миссиях гостей не обслуживают, если они не отсидят службу – «по ушам ездят», по отзывам знатоков, – а здесь такого условия нет.

Майк сказал мне, что безработные старики стекаются в Кварцсайт, потому что это «город с низкой экономикой» и «дешевое прибежище». «Прибежище от чего?» – спросила я. От стыда, бедности, холода. В пустыне, по словам Майка, «они не боятся замерзнуть. Они говорят своим детям, что у них всё хорошо».

Когда я приехала туда однажды вечером, посетители уже выстроились в очередь с пластиковыми подносами, чтобы получить спагетти с цыпленком по-охотничьи, салат, чесночный хлеб и яблочные чипсы. Они рассаживались за длинными столами в складском помещении за церковью с видом на парковку. Атмосфера царилла оживленная. Пенсионеры обменивались байками о «зайцах» в товарных поездах и бродягах на велосипедах. Наверху висел нарисованный от руки плакат: схематичный человек подходит к охваченной красным пламенем двери слева и золотистому облачку справа. «Время пришло! – вещал плакат. – Что ты выберешь? Если не Иисуса, то ты выбираешь ад».

За ужином я познакомилась с Леонардо Скоттом, бывшим владельцем заправки, которого все звали Скотти и который собирал свои густые седые волосы в хвост и носил бейсболку с надписью Jesus Is Lord. Ему было шестьдесят три, он жил в автофургоне 1995 года выпуска: «Я лишился своей империи, когда экономика рухнула» («империя» – два дома и двухуровневая квартира, которые он приобрел

в качестве инвестиций). Скотти работал на минеральных источниках в Тонопе, получал пенсию в 590 долларов и планировал поехать к друзьям на тихоокеанское побережье, где, по слухам, можно собирать съедобные сморчки, за 30 граммов которых дают 10 долларов. Он надеялся когда-нибудь переехать на пляж на Кауаи и питаться там фруктами с деревьев^[148].

Церковь, по сути, бесплатная городская столовая. Я провела там много времени с Кэрол Келли, восьмидесятилетней вдовой, которая неустанно работает за заваленным бумагами столом на фоне стены, заклеенной рекламками здорового питания. «Я умру на этом стуле», – шутит она. Внезапные пополнения явились благодаря перевернувшемуся прицепу, в котором были ящики со стручковым горохом, огурцами, зеленой фасолью и манго. Кэрол раздавала трофеи с энтузиазмом фермера, продающего урожай в разгар сезона. Мимо проходила пара из Орегона. Они жили на улице рядом с машиной. Женщина рассказала мне, что ее кофейня разорилась и теперь приходится начинать с нуля. Она хорошо рисует собак, и они направлялись на ближайший рынок в надежде продать что-нибудь из ее работ.

Кэрол отдала им коробку овощей. После их ухода у нее был подавленный вид. Непросто удовлетворять нужды постоянных жителей Кварцсайта, что уж говорить о приезжих. «Наш маленький город должен кормить людей, которые приезжают зимой, – сказала она. – Это несправедливо». Один из постоянных волонтеров вмешался в разговор, видимо, чтобы поддержать ее. «Мы всех кормим, – тихо сказал он. – Мы ко всем одинаково относимся».

Три зимы подряд я провела в пустыне рядом с Кварцсайтом – сначала в палатке, потом в фургоне, – чтобы понять, как кочевники живут месяцами. Некоторых людей я встречала во всех трех поездках. В их числе были Барб и Чак Стаут – учительница музыки и бывший вице-президент McDonald's, у которого я раньше брала интервью в Неваде.

Когда Барб и Чак впервые приехали в Кварцсайт, они еще приходили в себя после трехмесячного заключения в стенах CamperForce. Как и

их коллеги, там они встретились с тремя испытаниями. Первое – физическое переутомление («Мышцы, о существовании которых я не подозревала, выли от боли после того, как я по десять часов подряд поднимала коробки, поворачивалась, приседала и расставляла товары», – вспоминает Барб). Второе – безумие в стиле Кафки (после сорока пяти минут лихорадочного поиска свободной ячейки Барб приходилось повторять себе «дыши, дыши», чтобы не сойти с ума на складе, который она называла «Амазона»). И третье – выживание в экстремальных условиях, при минусовых температурах в автофургоне, рассчитанном на теплый климат. (Сначала они остались без воды, потому что фильтр замерз и взорвался. Потом сломался насос. Чак не пошел на дневную смену, чтобы устранить поломку.)

После всего этого они были рады оказаться под солнцем Аризоны. Однако, прибыв в Кварцсайт в первый раз, они не знали, как выживать в пустынной глуши. Другая пара пригласила их на ежегодное ралли. Они решили ради интереса прийти и посмотреть. Вот что они увидели: в зоне, которую организаторы называли «гнездо», более восьмидесяти пяти элитных автобусов стояли боком друг к другу, образовав круг, как лучи солнышка на детском рисунке. Их передние бамперы смотрели внутрь круга, находясь над знаками «X», начерченными на земле и равноудаленными друг от друга на восемь метров. С началом мероприятия на доске объявлений обновляли расписание событий на день – от «Выхода леди» до «Променада мужчин-техников» и шоу с огнестрельным оружием под названиями «Тактическая стрельба» и «Говяжий стейк Рэя». (Ироничная приписка уведомляла гостей: если они забудут заплатить за стейки, то по прибытии на ужин узнают: «Рэй отдал бездомным ваше место в раю!»)^[149]

Стауты быстро поняли, что их фургон National Seabreeze 1996 года выпуска относился к категории «ХЛюП» – «хреновое любительское производство». Такие машины в круг не пускали. Им пришлось припарковаться в сторонке. Иногда по ночам они разжигали свой костер.

Хотя на ралли Стауты чувствовали себя не в своей тарелке, они вскоре познакомились с более гостеприимным племенем, узлы которого были выкованы тяжелым трудом. Неофициальное объединение CamperForce раскинулось на уединенном участке пустыни. Девять бывших амазонцев и один полицейский в отставке, который ради

интереса присоединился к ним, сидели на шезлонгах и вспоминали, как им работалось на складе, поедая шкварки, кукурузные чипсы, морковку и домашние сэндвичи «Барб» с салатом и веганским заменителем яиц. Они пели The Twelve Days of Amazon – пародию на популярную курортную песенку, заменяя исходный текст реалиями, без которых нельзя представить себе работу на складе. Также они проводили мини-лотереи: вытягивали из шляпы бумажки, на которых были указаны призы – всякие безделушки с логотипом Amazon, в том числе брелоки, открывашки, ремни и флешки (я вежливо отказалась, когда мне попытались подарить канцелярский нож, объяснив это тем, что домой лечу на самолете). Кто-то бросал летающую тарелку, а Сидней, пес Стаутов (помесь австралийской овчарки и гончей), бросался за ней. Все отмечали, что в Amazon они считали дни до окончания работ, а здесь, на окраине Кварцсайта, легко потерять счет времени.

Кварцсайт пришелся по душе Барб и Чаку, и для них эта поездка стала ежегодной традицией. Как и Айрис, они нашли здесь временную работу, в том числе на автомобильных шоу: убирали мусор, встречали гостей на входе и стояли за прилавком в киоске, продавая рыболовные снасти, бутылки для воды и прочие штучки. Барб больше всего понравилось работать в киоске: нечто среднее между аниматором на фестивале и хозяйкой собственного производства. Она раздавала дегустационные порции «Кровавой Мэри» и ловко показывала, как работает прибор, завязывающий узлы на рыболовной леске. Ее руководитель поощрял умение «торговать лицом». Однажды, когда пожилая женщина в инвалидном кресле подъехала просто посмотреть на витрину, он схватил туристическую кружку фирмы Liquid Caddy и прицепил ее к искусственной ноге дамы. «Она пригодится везде, в любое время и в любом месте! – тут же затараторила Барб. – Он говорит правду! Он не прикалывается!»

Когда я в последний раз видела Стаутов в Кварцсайте, это была их третья зимовка в пустыне. Теперь они уже стали кочевниками-ветеранами. Сидя у костра, они провели ритуал очищения, доставивший им большую радость: сожгли свои старые документы о банкротстве.

Глава 7. «Рандеву туристов на резине»

Город Нидлз^[150] был назван в честь нескольких острых гранитных пиков, вздымающихся вверх, как клыки. Когда Джон Стейнбек писал о нем в «Гроздьях гнева», то показал это место враждебным, под стать окружающему пейзажу. Семья Джоудов останавливается в палаточном лагере на реке Колорадо около Нидлз – и их оттуда гонит помощник шерифа. Называя их «оки», он рычит: «Мы таким не позволяем здесь задерживаться»^[151]. Ма Джоуд грозит ему чугунной сковородой. «Мистер, у вас форменная фуражка и револьвер, – дерзко отвечает она. – Такие в наших местах кричать не смеют»^[152].

Линда остановилась в Нидлз по дороге на РТР. Она приехала туда прямо со склада Amazon в Фернли, проведя восемь часов в дороге. Как и Джоуды, она была измотана и надеялась здесь поспать. Но в отличие от Джоудов, она стремилась не попасться полицейским. А значит, нужно было найти, где на ночь бесплатно припарковать восьмиметровый автомобиль, не привлекая к себе внимания. В Нидлз не было супермаркетов Walmart. Так что лучший вариант – найти какое-нибудь ночное заведение с парковкой. Свернув с легендарной «Исторической автомагистрали 66»^[153] на другую улицу, Линда изучила часы работы местного торгового центра. Он закрывался рано, но примерно в сотне метров от него был круглосуточный спортзал. Выглядел он не слишком оживленным, но пришлось рискнуть. Линда припарковалась напротив входа и забралась в постель.

Линда проспала всю ночь. Наутро она проснулась с намерением сразу же выполнить одну важную задачу. Пока она работала в Amazon, истек срок регистрации ее автомобиля («Вот я дура!»). Прежде чем ехать дальше, Линде нужно было продлить ее. Она нашла адрес местного управления автомобильным транспортом. Навигатор подсказал ей ехать по дороге прямо, потом уйти на поворот в виде буквы U и проехать еще немного. Когда маршрут закончился, Линда очутилась там же, откуда выехала. Она попробовала еще раз, с тем же результатом, и решила уточнить на заправке. Служащий указал ей на офис на углу торгового центра. «Я всю ночь стояла напротив него, – со смехом вспоминает Линда. – Я его просто не заметила». Вскоре ее дом

на колесах обрел регистрацию и покатыл на юг. До Кварцсайта оставалось меньше двух часов ходу.

«Приезжайте на “Рандеву туристов на резине”, вы сможете посетить мастер-классы, многому научиться и даже завести хороших друзей, – так было написано в приглашении на сайте Боба Уэллса. – Мы, современные обитатели машин, во многом похожи на горцев прошлого: мы хотим быть одни и постоянно в движении, но нам порой нужно собираться вместе и общаться с единомышленниками, которые нас понимают»^[154].

Линде, которой не хватало компании, всё это очень понравилось. Когда семь месяцев назад она пустилась в путь, заработок был не единственной ее целью. Она мечтала присоединиться к большому сообществу людей, которые готовы радикально поменять свою жизнь в стремлении отыскать счастье и свободу. На выходных в Amazon ей необходимо было восстановить силы, а такой отдых не способствовал активному общению с другими кочевниками. Как только в Неваде грянули зимние морозы и температура упала до минус двадцати, ее соседи предпочли укрыться в своих убежищах, а не слоняться по парковке. Но с CamperForce было покончено. Линда морально готовилась к теплему климату Кварцсайта, где днем температура доходит до плюс двадцати.

Конечно, это еще не гарантировало беззаботного времяпрепровождения. Линда никогда прежде не была на таких мероприятиях. Она не знала, как ориентироваться в раскинувшейся за городом пустыне. Она даже не представляла себе, как искать лагерь. В отличие от многих новичков, которые знакомились с ветеранами РТР в интернете на сайте Боба, Линда не принимала участия в беседах на форуме. Единственным знакомым ей человеком на РТР была Сильвиана (Джен и Эш отправились по другому маршруту и планировали прибыть только ко второй половине фестиваля). Поэтому Линда чувствовала себя девочкой, которая первый раз идет в новую школу. Она хотела познакомиться с новыми людьми, научиться новому. Но что если она не впишется в общую атмосферу? В конце концов, большинство участников – кочевники-минималисты. Как они посмотрят на ее громоздкий прожорливый грузовик?

Но Линда не стала тратить долгие часы на тревожные мысли. Она отправилась в интернет за инструкциями. «Привет, я в первый раз еду

на РТР. Есть ли карта лагеря и календарь мероприятий? Буду рада любой помощи», – написала она в Facebook в группе фестиваля. Кто-то скинул расписание. Сванки Вилс добавила нечто, напоминавшее красочную карту сокровищ, на которой путь к РТР был обозначен желтым. В конце желтой линии красовались красный крестик и надпись «Мы здесь».

Так Линда отправилась на поиски тех, с кем надеялась стать единым племенем. Чем дальше она уезжала от города, тем сильнее машину трясло на асфальте, испещренном рытвинами и трещинами в лучших традициях постапокалиптического ландшафта. Кое-где дорога оказывалась настолько изрытой, что водители сдавались и толкали машины вручную. Справа тянулся Скаддан-Уош – открытый участок, где две-три недели можно жить бесплатно. По краю в ряд стояли гигантские автофургоны, и создавалось впечатление, что это не дикая пустыня, а место, где регулярно проводятся автошоу. Остатки асфальта заканчивались перед заграждением в оранжево-белую полосу. Там Линда повернула направо, на ухабистый гравийный тракт, и поехала на юг, мимо колючего кустарника, мимо толп приезжих. Спустя километр она увидела желтый знак.

На нем значилось «Рандеву туристов на резине», стрелочка указывала вправо. При дневном свете найти лагерь по этой подсказке было нетрудно. Но в темноте новичкам от него мало пользы. В мою первую зиму в Кварцсайте я попыталась как-то вечером туда приехать и быстро потерялась. Увидев вдалеке костер, я направилась туда, ожидая встретить кого-нибудь с РТР, но это оказалась тусовка «радужных» и краст-панков. Я сидела и слушала, как гитарист орал залихватскую песню Кимьи Доусон: «Хлебнула утром пива от “Бешеного пса” – и вдруг почти ослепла. Ну, хоть не до конца».

Линда медленно подъехала к лагерю. В пустыне маячило около полусотни транспортных средств – точно крошечные домики, выходящие на общий задний двор. Здесь были самые разные автофургоны: минивэны, грузопассажирские машины, микроавтобусы, фургоны с лифтом для инвалидных колясок, кузова-фургоны. Один был прокатный, с логотипами компании по бокам. (Это, как Линда узнала позже, был временный дом начинающего кочевника, который прилетел из Чикаго в Финикс, а там снял машину на время фестиваля.) Рядом с фургонами стояли жилые прицепы и кемперы, а также

несколько внедорожников и седанов, подготовленных к долгому проживанию. Один бродяга на мотоцикле обходился даже меньшим: двумя колесами и палаткой. В числе прочих наблюдались несколько экзотических транспортных средств, в том числе самодельная деревянная цыганская повозка вардо, выкрашенная в темно-бирюзовый цвет. Этот дом на колесах, выстроенный по всем канонам XIX века, когда повозки тянули лошади, катил вслед за пикапом и был приютом шестидесятипятилетнего кораблестроителя из Орегона, который победил рак почки и теперь существовал на ежемесячную пенсию в размере 471 доллара.

В центре вольного поселения находилось большое кострище, у которого собиралось все племя. Неподалеку росло несколько чахлах деревьев, рядом с которыми Линде удалось припарковать свой фургон. Она стала осваиваться в лагере.

Скопище мобильных домов – захватывающее зрелище, и Боб впоследствии выкладывал их фотографии на своем сайте.

Один из посетителей восхищался: «Если бы я не увидел комментарии к вашим фотографиям... я бы подумал, что это отчет из будущего фрилансеров... постэкономический кризис, когда все вынуждены жить в машинах»^[155].

То был четвертый раз, когда Боб проводил фестиваль РТР. Быть гуру непросто. Много месяцев он занимался планированием и рассылкой информации. С началом фестиваля его работа стала более «материальной». Вдоль дороги он расставлял тяжелые шесты с указателями, которые он кувалдой вбивал в землю, чтобы их не опрокинули пустынные ветры. Он ксерокопировал календарь общественных мероприятий и расписание семинаров, которые планировал вести. Он поставил палатку-типи с двадцатилитровым ведром, мусорными баками, влажными салфетками и туалетной бумагой: в помощь новичкам. Он складывал дрова рядом с кострищем и расстилал на земле неподалеку синий брезент, прижимая края камнями. Это была зона фримаркета. Кочевники всегда избавлялись от скарба, чтобы в небольшом кузове оставалось больше пространства. Каждый день на брезенте появлялось что-то новое: одеяла, книги, большое соломенное сомбреро, автомобильные запчасти, шлепанцы, цифровая камера, колышки для палатки, пластиковые чашки, рекламная брошюрка из Йосемити, футболки, штаны и большой

терракотовый цветочный горшок, в который новый владелец насыпал щепки, накрывал их решеткой и разогревал на нем суп. Линда часто искала там книги и забирала всё, что притягивало ее взгляд. Как-то она показала мне новую находку: книжку в тонкой обложке с названием «Тайные символы на долларовой банкноте: детальный разбор скрытой магии и значений денег, которыми вы пользуетесь каждый день»^[156].

Боб не получал денег с РТР. Его великодушное гостеприимство притягивало людей, которые точно так же хотели поделиться своими навыками, ресурсами и опытом. Дипломированный косметолог стригла людей за добровольный взнос рядом со своим фургоном Chevrolet Astro, где она жила с мужем и двумя собаками. Другой кочевник открыл гавайский бар с неоновой вывеской, картонными фламинго и подсвечивающейся пальмой и устраивал там вечеринки. Сванки демонстрировала возможности своей солнечной печи – по сути, это коробка, где еда нагревается за счет отраженного от зеркал солнечного света, – когда пекла на всех брауни, банановый хлеб с орехами и черничные кексы. Механики обучали всех желающих основам ремонта автомобилей.

Плотники сколачивали каркасы кроватей и шкафы для недавно опустошенных фургонов. Люди с большими солнечными батареями делились электричеством, выводя удлинители наружу, чтобы любой мог зарядить свои гаджеты. Глухонемая женщина вела импровизированный мастер-класс по американскому языку жестов. Один парень показывал, как чинить шины. Он принес старую радиальную шину со стальным кордом, на которой участники могли попрактиковаться, снова и снова показывая, как обнаружить и заделать прокол, а также давал советы по поводу портативных воздушных компрессоров на 12 вольт. Эти навыки Линда особенно оценила и в свой следующий сезон работы смотрительницей применила их, чтобы помочь лесникам, у которых спустились колеса на пожарной машине.

Каждое утро на рассвете одна из кочевников, Лиза Несмит, поднималась, чтобы разжечь первый костер и приготовить черный кофе для каждого, кто проходил мимо с кружкой. Для Лизы это уже добрая традиция. Раньше, живя в Ричмонде, она просыпалась с утра в воскресенье, готовила кофе в кофеварке и открывала двери квартиры, чтобы соседи знали, что можно зайти и угоститься.

Иногда случались совместные обеды и ужины, когда все едят печеную картошку со своими добавками или готовят суп в огромном котле, куда каждый кидает свой ингредиент: напоминает похлебки хобо из времен Великой депрессии. Каждый вечер после заката кто-то разжигал большой костер, хотя зачастую все уже расходились в 9–10 часов, когда от сонливости начинали слипаться глаза, а пустыню окутывала ночная прохлада.

Коллективная гордость тоже была отличительной чертой этого племени. Почти все, кого я встречала, разделяли подход Ала Кристенсена, бывшего арт-директора рекламной компании, который предпочитал называть себя человеком без недвижимости, а не бездомным^[157]. Ал тонко чувствует слова – профессиональная деформация. Он описывал, как на его глазах в течение нескольких лет вакансии в рекламной сфере резко сократились, а оставшиеся должности уходили к более молодым креативщикам. По его словам, раньше он работал в «виртуальном агентстве», а теперь стал «виртуальным безработным». Алу непросто было находиться среди такой толпы. Ему пришлось покинуть РТР на середине семинара по бюджетированию, чтобы в одиночестве восстановить душевное равновесие. Но через несколько дней он вернулся. Ему нравились люди, которые приезжали на фестиваль, и он чувствовал, что тот очень облагораживает кочевников, «представляет их в хорошем свете, как достойных уважения людей – а не просто скопище неприкаянных бродяг».

Линда была счастлива оказаться в такой компании. Она хотела узнать как можно больше и ходила на семинары, которые, как правило, начинались в десять утра. Большинство ветеранов РТР уже были знакомы с тем, чему учил здесь Боб: они либо дошли до этого сами, либо ходили на похожие семинары в прошлые годы, либо читали его книгу «Как жить в машине, автофургоне или грузовике... а также вылезти из долгов, путешествовать и обрести истинную свободу»^[158]. Хотя книга Боба была посвящена материям вполне практическим, в ней также описывались некоторые упражнения для поднятия духа, граничившие с перформансом. «Практикуйтесь в своей квартире. Для начала переместитесь в спальню и перестаньте пользоваться другими комнатами». На следующем шаге предписывалось определить внутренние размеры будущего дома на колесах. Если вам достаточно,

например, шести квадратных метров, то вы можете построить рабочую модель по этим параметрам. «Возьмите какие-нибудь большие картонные коробки и отгородите ими пространство два на три метра в углу спальни, – предлагается в книге. – И переезжайте в свой картонный “фургон”. Вместо спальни вы теперь будете жить в маленьком картонном грузовичке». (Тем, кого перспектива перебраться в автомобиль приводит в ужас, трудно представить, как тренировочное проживание в коробке из-под холодильника может на что-то вдохновить.)

Однако почти все, включая ветеранов, приходили на мастер-классы со своими стульями и внимательно слушали. Некоторые записывали. Другие ежились от холодного утреннего воздуха и грели руки в глубоких карманах кофт или потягивали горячий кофе из кружек. Кто-то пытался навести порядок в бродячей орде кочевничьих собак. Породы были самые разные – от чихуа-хуа до енотовой гончей и кроткого полувола, – и во время семинаров все они слонялись поблизости, приветствовали друг друга, выпрашивали угощение, нюхали пепел в кострище, метили креозотовые кусты (и один раз мой диктофон) и порой затевали драки.

На одном из самых оживленных семинаров обучали искусству неприметной парковки. Занятия были ориентированы на городских жителей, которым приходится обходить законы. Им рассказывали о том, как слиться с местностью, чтобы в один прекрасный день не услышать зловещий «стук»: полицейской дубинки в дверь кузова, кулаков какого-нибудь забулдыги, молотящего по стенам, или ноготков любопытного прохожего, который, щурясь, заглядывает в окна с вопросом: «А тут живет кто-то?» Все знают, что такое «стук». Это общий враг^[159]. Сванки он даже мерещился в кошмарах. «Иногда мне снится странный сюрреалистичный сон о том, как кто-то стучится ко мне, – писала она. – Обычно это происходит, когда мне не очень нравится место, где я припарковалась. Это просто вымораживает. Снаружи никогда никого нет. Ну, иногда кто-то есть, но если это полицейские или охранники, то они обычно РАЗГОВАРИВАЮТ».

Первый совет Боба – найти безопасную зону. Как человек, долгое время работавший в супермаркете и живший на парковке, он с большой теплотой относится к круглосуточным магазинам. Также он говорил, что в некоторых городах, где круглосуточные парковки

у Walmart запрещены, кочевники могут найти приют у других крупных сетей, в том числе Kmart, Sam's Club, Costco, Home Depot и Lowe's. Обычно не отказывают в помощи организации, где можно поработать за бартер. Сеть ресторанов Cracker Barrel дружелюбно относится к кочевникам. Небольшие торговые центры или круглосуточные кафе – тоже вариант. Иногда лучше всего поставить своего железного коня между двумя организациями: в каждой будут думать, что вы приехали к соседу. Где бы вы ни парковались, разумнее всего вставать задом – тогда нос машины смотрит на дорогу и в случае неприятностей можно быстро уехать. А если вы какое-то время останавливаетесь на одном месте – особенно вблизи жилых кварталов, – то лучше иметь дневное и ночное пристанище. Днем стоит выбрать место, где можно заниматься своими обычными делами и подготовиться к вечеру. В ночное место вы едете только после наступления темноты и только затем, чтобы там поспать, а на следующее утро сразу же уезжаете. Если в ночном месте вам нужно освещение, то используйте красные лампы: они не такие яркие.

Боб также подчеркивал, что всегда нужно иметь наготове правдоподобное объяснение, почему вы здесь. Если припарковались рядом с больницей, то вы навещаете пациента. Если у автомастерской – ремонтируете двигатель. Но он советовал слушателям знать меру в создании алиби и не увлекаться художественным вымыслом. «Если рассказчик вы так себе, то не пытайтесь сочинять истории», – говорил он.

Еще один пункт – маскировка. Машина должна быть чистой, никакого грязного белья и хлама на пассажирском сиденье, стоит избегать украшений, которые могут привлечь внимание, вроде брелоков на антеннах и наклеек на стеклах и бамперах. (Последний пункт вызвал ироничные шуточки. «А как же наклейка “Спроси меня про Иисуса”? Разве она не отпугнет людей?») Один нерелигиозный кочевник прилепил такую наклейку на свой кемпер, чтобы пошутить и заодно провести эксперимент.) Боб советовал жителям грузовиков маскироваться под рабочих: оставлять на виду защитный жилет, крепить на крышу зубчатые рейки. Те, кто обитает в белых фургонах, могут сойти за местный сервис – сантехника или кейтеринг, – среди машин которых легко затеряться. Также не стоит задраивать все люки: при виде машины с плотно зашторенными окнами люди могут

задуматься о том, что там происходит. И нужно оставаться незаметным, когда идешь мыться в общественных местах, например надевать охотничью или походную жилетку со множеством маленьких кармашков, в которых можно пронести предметы гигиены.

Боб подчеркивал: полиция не всегда враг. Некоторые кочевники вспоминали, как слышали «стук» местных офицеров, которые просто хотели узнать, всё ли у них в порядке. Одна кочевница из Огайо рассказывала о добром копе, который иногда угощал ее кофе. Заранее «прощупав почву» в городе и пообщавшись с местными, можно узнать, какая там обстановка. В спокойных местах лучше всего сразу же прийти в полицейский участок, рассказать свою печальную историю и спросить, где в городе можно спокойно припарковаться на ночь. И помните: какими бы изворотливыми вы ни были, скорее всего, местная полиция знает, что вы здесь. «Копы не дураки. Они поймут, что здесь что-то нечисто, если вы в течение последних шести месяцев “просто проезжали мимо”».

Но все признавали, что лучше вовсе избегать встреч с полицией. Некоторые делают это очень оригинальным способом. Один кочевник в Сети рассказал, что загрузил на смартфон приложение с настройкой на частоту полиции. Слушая, что передают по местным каналам, он мог узнать, донес ли кто-нибудь о его нелегальном проживании, и смыться до того, как приедут копы. У этого способа был еще один плюс. Если на горизонте показывались хулиганы, их можно было отпугнуть, включив полицейское радио погромче, со всеми тресками и помехами, чтобы все подумали, что эта машина – средство передвижения правоохранительных органов под прикрытием.

На другом популярном семинаре Боб рассказывал о бюджете. Большая роль отводилась оде минимализму и выпадам против культуры потребления. Боб говорил людям, что, будучи рабами рыночной экономики, они могут стать свободнее, урезав расходы и тратя меньше. «По общественным стандартам я нищий, но по стандартам кочевников я живу очень неплохо», – объяснял он. Боб советовал экономить бензин, по возможности подвозя друг друга до городов, избегая ненужных поездок и сверяясь с мобильными приложениями, с помощью которых можно найти дешевые заправки. Он настоятельно советовал откладывать определенную сумму на крайний случай – около 2000 долларов, – даже если копить ее придется

постепенно: можно завести конверт и каждый день класть туда по 3 доллара. Боб сказал, что знаком с некоторыми людьми, которые живут на 250 долларов в месяц. «Кто из присутствующих живет в месяц на 500 долларов или меньше?» – спросил он. Несколько человек подняли руки. «А у кого нет долгов?» Несколько рук превратились в лес, послышались смешки и аплодисменты. Один человек встал, чтобы сделать фото. «Такого вы нигде в Америке не увидите!» – восхищался он.

Когда кто-то поднял вопрос о заработке в дороге, один путешественник рассказал, что работает крупье в казино за покерным столом. По всей стране казино нанимают временных сотрудников, там легко получать 30 долларов в час и кормят бесплатно. На своей первой работе в Лас-Вегасе он получил 11 000 долларов за семь недель. Наниматели не обращают внимания на возраст; устроиться могут в том числе и те, кому семьдесят-восемьдесят лет. Из минусов он назвал только два. Во-первых, начинающим нужно проходить обучение. В каких-то казино оно бесплатное, но в других может обойтись в несколько сотен долларов. Во-вторых, приходится мыться каждый день.

Линда рассказала мне, что после этой лекции вакансия крупье показалась ей великолепным вариантом: пока она не была уверена, что вернется обратно в Amazon. Она сразу же вспомнила те дни, когда работала продавщицей сигарет и официанткой в казино Riverside. «Я бы сразу туда пошла! – говорила она. – Я хочу работать крупье».

На других семинарах рассказывали об установке солнечных панелей, временных работах, готовке на маленьких кухнях и выживании на природе. Во время анонимной сессии вопросов и ответов участники писали на клочках бумаги мучившие их вопросы и бросали в жестяную банку. Ведущий вынимал их и зачитывал. «*Что мне делать, если семья не примет мой образ жизни?*», «*Как найти партнера?*» Не обошлось и без местной шутки: «*Как заниматься сексом в фургоне?*»

Боб также рассказывал, как дешево вылечить зубы в небольшом мексиканском городе Лос-Альгодонес, который в шутку называют «Молярный город», потому что около 350 практикантов ютятся там в одном районе. Линда собиралась как-нибудь туда съездить, чтобы починить протез верхней челюсти. Он выпал у нее из кармана

рубашки, когда она наклонилась погладить Коко, и Линда случайно наступила на него. Боб впервые поехал в Лос-Альгодонес, когда увидел расценки на 2500 долларов у стоматолога в Неваде. Он не мог позволить себе такого. В итоге за те же услуги он заплатил 600 долларов. Разница не всегда такая впечатляющая, но в Лос-Альгодонесе цены на стоматологические услуги обычно вдвое ниже американских.

Боб стал каждый год ездить в Лос-Альгодонес на чистку за 25 долларов. Поскольку в городе также полным-полно дешевых аптек и оптик, Боб затарился безрецептурными препаратами на случай повышения давления, а также заплатил около 100 долларов за проверку зрения и новые очки. В одной такой ежегодной поездке я присоединилась к нему. Мы проехали 130 километров от Кварцсайта до Юмы (кто-то из нас всегда тащил на буксире машину второго ради экономии бензина), а затем чуть на запад, к небольшому приграничному поселению Андраде. Мы припарковались у казино, принадлежавшего местному племени квечан, и пересекли границу, проехав мимо таблички, на которой крупными буквами было написано «BIENVENIDOS»^[160], а мелким шрифтом пониже – предупреждение для американцев: «В Мексике запрещено носить огнестрельное оружие».

Боб повел нас к новому на вид зданию со стеклянно-мраморным фасадом. Справа висела растяжка с фотографиями улыбающихся пациентов – по большей части белых – поверх картинку зубного импланта. Мы вошли в зеркальные двери. Персонал носил чистые серо-синие халаты. Нас попросили присесть в зале ожидания, где по стенам висели дипломы. Боб позволил мне пройти с ним в стерильно чистый кабинет, где на монитор вывели его предыдущие рентгеновские снимки. Когда я ушла осматривать город, он сидел в кресле пациента под ярким светом с открытым ртом, а стоматолог заглядывал внутрь.

Выйдя на улицу, я прошла мимо сувенирных и алкогольных магазинов, рекламных стендов со скидками на слуховые аппараты и аптекой, маркерная доска перед которой оповещала о скидках на виагру и таблетки для похудения. У окна на скамейке сидели два зубных техника; один был в маске и вырезал гипсовый слепок небольшой ножовкой. Седоголовые туристы сидели на верандах, ели

так с креветками, потягивали «Маргариту», некоторые танцевали под живую музыку. Гитарист наигрывал Desperado. За углом из бара доносились отзвуки Hotel California. Позже я прочла пост одного кочевника, который приехал в Лос-Альгодонес после РТР и которому чистили и делали снимки зубов под Take It to the Limit и Lyin' Eyes. Кажется, здесь нет ни одного дома, где не играли бы песни Eagles^[161].

Мы подождали, пока пройдет час пик (до трех дня), во время которого можно больше часа простоять в очереди на пропускном пункте через границу, а затем вернулись обратно в Аризону.

Линда наслаждалась своим первым РТР, когда мы с ней познакомились. Это произошло после семинара по бюджетированию. Я спросила, нравится ли ей фестиваль. «О! – сказала она. – Недавно, впервые за долгие годы, я ощутила счастье! Счастье! Это намного лучше, чем просто радоваться». В уголках ее глаз собрались улыбчивые морщинки, когда она рассказывала мне о поездке в город с Сильвианой. «Мы просто едем по городу в ее маленьком автобусе, ищем, где можно выкинуть мусор, я говорю: «Вот так мы живем. Это так замечательно – жить».

Спустя несколько дней Линда по-прежнему оставалась на волне светлых чувств. Она рассказала мне, как пыталась выжить, когда наткнулась на сайт Боба. «Теперь я не выживаю, я цвету! – восторгалась она. – А в этом, знаете ли, и весь смысл – в старости хочется цвести, а не мыкаться».

После месяцев беготни по складу она наконец-то смогла немного расслабиться. То, что раньше раздражало, теперь воспринималось со смехом, как, например, один коллектор, названивавший ей и искавший другую женщину, у которой раньше был нынешний номер Линды. Поначалу Линда обреченно объясняла ему, что произошла ошибка. Теперь она говорила: «Подождите, я позову ее!» – и переводила телефон в режим ожидания минут на двадцать. И хохотала до упаду.

Джен и Эш присоединились к Линде на РТР в середине января. Закончив работу на Amazon, они съездили к родне в Колорадо, прошли по южному краю Большого каньона и посмотрели на экодому в Нью-Мексико. Отыскав Линду, они припарковали свою машину сразу за ее

фургоном. Они вовсе не удивились тому, что за это время она обзавелась компанией новых друзей.

Одной из них была Лоис Миддлтон шестидесяти одного года, припарковавшая поблизости свой трехметровый трейлер Aloha 1995 года выпуска, который она называла «Дом, милый дом» или просто «Милый дом». Как и Линда, Лоис когда-то была строительным инспектором. Более двух десятков лет отработав на этой должности в Ванкувере, в 2010-м она попала под волну сокращений. Ее жизнь пошла под откос. Умер отец. Машину отняли за неуплату. То же случилось с домом. Лоис объявила себя банкротом. Поначалу она еще надеялась переехать к сыну, но у него тоже отобрали жилье. Когда Лоис села в «Милый дом», она не знала, что будет дальше. Или, по ее словам: «План был в том, что плана не было».

Линда еще этого не знала, но она уже встретила женщину, которая станет ее лучшей подругой: Лавонн Элис, шестидесятисемилетнюю писательницу, которая с октября жила в дороге. Долгое время проработав в новостной журналистике, в том числе в качестве корреспондента ABC, в итоге она осела в Миннеаполисе. Новый руководитель распустил новостной отдел. Лавонн перевели в менеджеры, но эта должность была не по ней. Ее уволили. Лавонн думала, что быстро найдет новую работу, но в свои пятьдесят вдруг поняла, насколько жесток рынок. «Я была уже вроде как не в том возрасте», – вспоминает она. После переезда к сестре и долгой погони за работой ей наконец предложили место: читать тридцатисекундные транспортные отчеты за 10 долларов в час. Она согласилась, первое время работала в Лос-Анджелесе, потом в Сан-Диего. Жить приходилось скромно – особенно учитывая, что Лавонн была матерью-одиночкой и младший сын еще жил с ней, – но она справлялась до тех пор, пока не начались мигрени. Со временем она обнаружила, что очень чувствительна к ароматизаторам и химикатам. В доме она оставила только чистящие средства без отдушек, но из офиса уходила с пульсирующей болью в голове. Наконец она уволилась и стала жить на пособие по инвалидности. Иногда ей удавалось найти заказы в интернете, но дохода они приносили немного. В итоге она стала спать на кушетке в гостиной в квартире с одной спальней, в которой жили также ее сын и его жена. Ей была отвратительна мысль о том, что она их стесняет, но она не знала, куда пойти. Однако и жить так она тоже

не могла. Потом она прочла книгу о жизни в автофургоне. И у нее появилась идея.

Летом 2013 года Лавонн арендовала машину и взяла напрокат палатку, чтобы съездить на мини-версию РТР под Флагстаффом. В своем блоге The Complete Flake она описала этот трансформационный опыт.

Я нашла своих людей: разношерстную компанию маргиналов, которые окружили меня любовью и принятием. Говоря «маргиналы», я не имею в виду «неудачники» или «отщепенцы». Это умные сострадательные трудолюбивые американцы, у которых с глаз спала пелена. После долгих лет погони за мечтой они поняли, что всё это обман^[162].

Лавонн так всё это понравилось, что она купила фургон, коричневый GMC Safari 2003 года с 200 тысячами километров пробега. Она приобрела его за 4995 долларов на рынке подержанных машин в Эль-Кахоне и назвала «Лавэнн»^[163]. Задние сиденья стали ее диваном и постелью. В задней части она устроила небольшую кухню. Лавонн собиралась раздать долги, выплатить всю сумму за машину, отложить на «подушку безопасности», живя на государственное пособие, и попытаться написать мемуары. За два месяца до встречи с Линдой она перебралась в Лавэнн и поехала повидаться с Бобом. Поначалу было сложно, особенно холодными ночами. Боб одолжил ей теплый спальный мешок и настоял, чтобы она оставила его у себя, сказав: «Мне он не нравится». Теперь Лавонн праздновала свой первый РТР в полностью укомплектованном фургоне. Два новых друга помогли ей установить солнечную панель на крышу. Она сама вызвалась вести общие утренние прогулки, которые начинались каждый день в 8:30 у общего костра. Однажды она пригласила всех желающих на завтрак с яичницей и картофелем. Я пришла с апельсиновым соком и яйцами. Лавонн смерила меня скептическим взглядом. Она сказала, что люди могут почувствовать себя некомфортно в присутствии журналиста. Они боялись, что я выставлю их «бандой бездомных бродяг». Я ответила ей, что у меня нет таких мыслей, и отошла поговорить с другими гостями.

Вскоре в лагере все только и говорили, что о мероприятии, которое пересекалось с РТР и на которое каждый год собирались тысячи кочевников: «Кварцсайт – спорт, отдых и автошоу». Название слишком длинное, поэтому все называли его «Большая палатка». Свои товары демонстрировали более двухсот участников – поэтому мероприятие напоминало огромный рекламный ролик. Зазывали в наушниках рекламировали блендеры и резиновые щетки. В киосках выставляли весь спектр лекарств от всяческих болезней: от тревожности до артрита, болей в спине и шишек на пальцах, от подагры и пяточных шпор до боли в мышцах и ишиаса. Один сервис обещал помочь владельцам перевернувшихся домов на колесах, плакаты оповещали: «Мы решим ваши проблемы с выплатами за фургон». Здесь были стойки Американской ассоциации отдыха нудистов, автострахователя Twin Peaks и America's Mailbox – сервиса, который обещал «доставку почты и услуги по прописке» временным работникам, которым срочно нужен был адрес в Южной Дакоте. На других стендах продавали ролики для чистки одежды, суперклея, ошейники для домашних животных, огнетушители и ортопедические подушки.

Здесь же располагались стенды компаний, нанимавших временных работников. Amazon отправила своих представителей, которые записывали желающих и раздавали сувенирные стикеры с улыбающейся эмблемой CamperForce. Не обошлось и без рекрутеров Лесной службы США, которые зазывали на вакансию смотрителя лагеря. Некоторые опрашивали кандидатов и утверждали их, не сходя с места. У одного представителя были с собой формы, которые он выдавал завербованным. Агентство по найму временных сотрудников под названием Express Employment Professionals искало сотрудников на ежегодный сбор сахарной свеклы. «Если вы готовы оставить заявку, то, считайте, вы уже наняты на грядущий сезон, – сообщил мне представитель. – Мы примем вас прямо сегодня».

Больше всего внимания привлекал к себе стол с подсвеченной вывеской Adventureland^[164]. На трехэкранном дисплее всплывали фотографии седовласых работников парка развлечений в синих рубашках-поло с пластиковыми бейджами. Улыбающиеся люди сидели в первом вагоне на американских горках, катались на антикварном локомотиве, ели на фудкорте и держали в руках огромные плюшевые призовые игрушки. Помимо фотографий, здесь были рисунки –

желтые смайлики и фигурки собак с высунутым языком, – а также слоганы:

Вновь почувствуйте себя ребенком!
Эй, трудопутник, время веселиться!
Кемпинг + работа + улыбки = веселье!

Парк Adventureland располагается в Алтуне. Его представителям было поручено набрать около трех сотен работников, которые бы развлекали посетителей за оклад 7,25–7,5 доллара в час. У парка есть собственная парковочная зона, где сотрудникам предлагают остановиться – за деньги. С июня по сентябрь стоимость парковки составляет 160 долларов в месяц; те, кто остается до конца сезона, могут не платить в августе и сентябре.

Менеджеры Adventureland уже двадцать лет нанимают возрастных временных работников и ценят их оптимистичный настрой. «Мне кажется, некоторые трудопутники могли бы разговорить столб линии электропередачи, у них есть дар убеждения, – распинался директор по кадрам Гэри Пардекупер во время видеоподкаста для Workamper News в 2012 году. – Нам это нравится, и нашим гостям тоже».

Я общалась только с одной бывшей работницей Adventureland. Мы познакомились, когда она трудилась на Amazon в Фернли. Ей там не понравилось. «Начальство было ужасное, публика отвратительная, погода мерзкая, и это в Айове, где очень жарко, – выпалила шестидесятидвухлетняя женщина, добавив, что многие ее коллеги ушли, потому что с ними плохо обращались. – Один мужик так разозлился, что прыгнул в свой фургон. Навес у него был раскрыт и прибит колышками, но он взял и уехал», – добавила она и со смехом рассказала, как тент хлопал на ветру.

Тогда я не знала, что на следующий год мне выпадет шанс в середине июля остановиться в Adventureland во время путешествия по стране. День был влажный, столбик термометра поднялся градусов до тридцати, воздух рябил от жара. Тематический парк казался красочным миражом посреди кукурузных полей и «Луговых прерий» (так назывался соседний ипподром, где можно делать ставки). Кемпинг для служащих был засажен ясенями. На многих фургонах красовались американские флаги, а номера были со всех центральных штатов:

Айовы, Небраски, Миннесоты и Южной Дакоты. На заднем плане виднелась пара палаток. Среди кочевников были несколько постоянных жителей – их статус можно было определить по сорнякам, проросшим сквозь шины, и рослым кустам томатов, зеленеющих в двадцатилитровых ведрах.

Создавалось ощущение, что персонал парка поделен на две равночисленные группы: старшеклассники и пенсионеры. Кое-где попадались сувенирные лавки. В одной продавали футболки с надписями «Хочешь поговорить об Иисусе? Молись» или «Бог более велик, чем любой провальный план, долг, болезнь, армия или гора на твоём пути». В другом киоске продавщица лет шестидесяти восторженно рассказывала о недавнем повышении зарплаты, чем всех приводила в удивление. Теперь они получают 8,5 доллара в час. Она и ее коллеги говорили, что это произошло якобы из-за общественного давления: Walmart начала платить своим сотрудникам по 9 долларов. Она добавляла, что, хотя и приехала сюда поработать на неполную ставку, ее наняли на целый день из-за недобора сотрудников. Это объясняло, почему даже в разгар сезона по всему парку висели объявления: «Нанимаем сотрудников! Веселая летняя работа. Трудитесь вместе со всеми своими друзьями!» Я сменила тему и спросила, какой у нее любимый аттракцион. «Мой любимый аттракцион – когда кто-нибудь отвезет меня домой на гольфкаре», – отшутилась она.

Другая служащая семидесяти семи лет рассказала, что раньше она набирала сотрудников в Adventureland. Она гордилась тем, что почтенный возраст и сопутствующие болезни не стали камнем преткновения для ее коллег, и добавила, что сейчас она дружит с коллегой, которому восемьдесят. «Ко мне и восьмидесятишестилетние приходили, – говорила она. – У нас был инвалид-колясочник, который мог работать с пультом, и мы определили его в бассейн. Был однорукий мужчина, который присматривал за аттракционами». Работник на американских горках носил бифокальные очки в тонкой оправе и соломенную шляпу с широкими полями. Он сказал мне, что ему восемьдесят один.

Но даже самый оптимистичный настрой не мог предотвратить все беды. Менее чем через год после моего визита в Adventureland один трудоутопутник погиб в результате несчастного случая. Стив Бухер

шестидесяти восьми лет, бывший почтальон и пастор, помогал пассажирам на водном аттракционе, когда транспортная лента с лодками запустилась раньше времени. Стоя одной ногой на лодке, которая поехала вперед, он упал с бетонной платформы на ленту и проломил себе череп^[165].

Adventureland на следующий день вновь открыли аттракцион. Проведя расследование, государственные службы спустя два месяца выслали им уведомление о нарушении. Они потребовали усилить меры безопасности и назначили штраф в 4500 долларов.

После открытия «Большой палатки» атмосфера на РТР поменялась. До этого дни лениво текли. Теперь время понеслось вскачь. Многие стали уезжать в город на весь день. Когда они были в лагере, в воздухе витали вопросы вроде «Куда ты поедешь дальше? Когда я снова тебя увижу? Ты нашел работу?». Четырнадцатидневный срок бесплатной парковки подходил к концу, и в этот год нельзя было обойти запрет. В первый день фестиваля приехал сотрудник дорожной службы, выдал всем разрешения и записал все номера. Через некоторое время всем придется уехать минимум на сорок километров.

Скоро все разъедутся. Кто-то будет жить сам по себе. Другие объединялись в маленькие путешествующие группы. Через несколько лет наибольшей популярностью среди счастливых с паспортом и деньгами на бензин будут пользоваться пляжи Баха в Калифорнии. Иногда группы кочевников заезжают в Slab City – лагерь бродяг, непризнанных художников и перелетных пташек на месте бывшей военной базы у Солтон-Си, самопровозглашенный «Последний оплот свободы» (филиал участников РТР там носит название «Друзья Боба»). Другие поедут в окрестности Юмы. Один из популярных лагерей там носит название Fortuna Pond («Пруд Фортуны»). Днем там всё безмятежно, а ночью кажется, будто попал в мир «Сумеречной зоны»: поля отбрасывают зловещий зеленый свет под фонарями самолетов-опылителей, звучно гудящих в ночи.

По окончании РТР Боб снял знак при въезде. Сильвиана собрала то, что осталось на месте фримаркета – в том числе большое соломенное сомбреро, которое никто не взял, – чтобы сдать в местный

комиссионный магазин. Линда сварила кофе, и я выпила с ней чашечку. Она показала свою новую электромагнитную катушку, которую друг помог ей установить. С ней она сможет заряжать аккумуляторы в машине прямо во время поездки, не перегружая счетчики. Скоро пришла весточка, что Боб уехал на новую стоянку в Эренберге. Всех желающих он звал за собой. Линда поспешила покинуть лагерь. Она обняла на прощание Джен и Эш. Девочки собирались отправиться на юго-запад, а затем вновь устроиться на временную работу на ранчо в долине Салинас или, выражаясь словами Эш, в «Страну Стейнбека». Ранчо участвовало в международной программе WWOOF («Всемирные возможности на органических фермах», ВВОФ) и предоставляло еду, жилье и стажировку в обмен на труд волонтеров, которые называют себя ВВОФерами. После этого они собирались двинуться дальше вглубь континента на оплачиваемую работу в качестве смотрителей лагеря в Национальном парке Секвойя.

Линда поехала на запад по шоссе к реке Колорадо, свернув с дороги прямо у калифорнийской границы. Далее она двигалась параллельно автостраде, мимо знака «Тупик». Пейзаж здесь был пустынный и глухой. Земля засыпана гравием. Растительности практически не наблюдалось; по сравнению с этим местом пустыня вокруг Кварцсайта выглядела Эдемским садом. В стороне от незаасфальтированной дороги притулились дряхлые потрепанные автофургоны. Глядя на спущенные шины и общее плачевное состояние железа, можно было сказать, что они прибыли сюда давным-давно и с тех пор не выезжали, их владельцы осели здесь надолго. Де-юре Bureau of Land Management ограничивало проживание здесь двумя неделями. Но это правило – как и вся территория – не привлекало внимания ни полиции, ни визитеров, возможно, из-за унылой местной атмосферы. Немногие кочевники захотели бы остаться здесь жить, а тем, кто искал уединения, это было только на руку. Сколько бы раз я сюда ни навещалась, я ни разу не видела смотрителей и не слышала, чтобы кого-то попросили уехать.

Фургоны здесь парковали дальше друг от друга, чем на РТР. Интроверты восстанавливались после двух недель в обществе. Некоторые всё еще собирались по утрам попить кофе. После одной из таких посиделок я встретила Сильвиану, которая расположилась в своем фургоне вместе с кошкой Лейлой и читала книгу под названием

«Мельница Гамлета: эссе, исследующее истоки человеческого знания и его передачу через миф»^[166].

– Как по-вашему, сколько здесь людей? – спросила я.

– Никто не знает! – весело ответила она. – В этом всё и дело. Здесь тeneвая Америка.

Хотя кочевники рассеялись по пустоши и постоянно переходили с места на место, мне показалось, что их было около пятнадцати. Я также наткнулась на Лавонн. Здесь она вела себя дружелюбнее, чем на РТР, была не так напряжена. Она рассмеялась и пожала плечами, когда я ей напомнила об опасениях, что чужой человек может назвать ее друзей бандой бездомных бродяг.

«А почему идея бездомности вызывает такой эмоциональный отклик? – размышляла она. – Некоторые сочли бы меня бездомной. Но я так не считаю. У меня есть убежище».

В то же время, по ее словам, ей было стыдно, что она относит себя в другую категорию и тем самым, может быть, растрavляет общественную язву.

К тому времени Линда и Лавонн сдружились настолько, что решили попробовать трудиться вместе. На следующую работу в качестве смотрительницы лагеря Sherwin Creek в Маммот-Лейкс Линда заступала весной. «Большая палатка» еще не закончилась, и там была стойка рекрутеров из California Land Management. По совету Линды Лавонн и еще одна кочевница – Триш Хэй пятидесяти девяти лет, жившая в Nissan Sentra, – собирались поискать через них работу.

В тот день я сидела рядом с Линдой, которая в чайнике грела воду для мытья посуды. Она объяснила, что вообще-то горячая вода у нее должна была быть и так, но кто-то в Неваде продал ей не тот аккумулятор – работающий от двигателя, а не от глубокого заряда, – чтобы производить электричество в фургоне, и заряда не хватало, чтобы качать воду в накопитель у раковины. Она с радостью поехала в Эренберг, но не хотела задерживаться там так же долго, как Лавонн, которая собиралась следовать за Бобом с небольшой командой, оставшейся после РТР. Тем временем Боб следовал своему обычному плану: оставаться в Эренберге, пока не наступит жара и гремучие змеи не выползут, а затем поехать в горы, в Коттонвуд и Флагстафф. Прежде чем заступить на новую работу, Линде нужно было еще решить несколько задач, в том числе поискать участок земли и опустошить

старую ячейку в камере хранения. Поэтому она без долгих разговоров попрощалась.

После ее отъезда Лавонн выложила в своем блоге фотографию Линды и написала:

Еще один новый друг уехал, и мне опять грустно. Один за другим они отправляются в новые места. Я уверена, что с некоторыми из них еще увижусь, но эта грусть – неизбежная составляющая кочевой жизни. Люди приходят в твою жизнь и уходят. Не нужно цепляться за них.

На этой фотографии – Линда Мэй, вторая мать для всех, кто ее знает, которая кормила нас гренками и смешила. Среди нас не было никого, кто бы не любил Линду. Она уехала искать участок, где начнет строить самодостаточный экодом. Я пообещала помочь ей (насыпать землю в шины), так что у меня будет повод снова увидеться с ней^[167].

Оставив друзей позади, Линда проехала 612 километров на юго-восток в пустыню в округе Кочис, где не было драконовских строительных норм, а земля стоила дешево. Она надеялась подыскать несколько гектаров для своего экодому, но после нескольких часов изучения местности осталась ни с чем. Место было слишком уединенное. После шумного РТР – с его теплой атмосферой общины и единства – жизнь отшельницы ее не привлекала. «Сюда никто не приедет меня навестить, – подумала она. – Я лучше найду участок там, куда семья сможет ко мне приехать, ведь в этом весь смысл: чтобы до дома можно было добраться и я могла приглашать гостей». Одну ночь она провела на парковке рядом с мексиканской границей. Потом снова вернулась на дорогу.

Линда отправилась в путь, чтобы освободить ячейку в камере хранения в пригороде Финикса, которую она арендовала четыре года. («Думаю, мне просто хотелось забросить всё это куда-нибудь», – вспоминала она.) Загрузив всё в свой фургон, Линда поехала к другу в Нью-Ривер. Она оставила памятные вещи: акварельный рисунок существа, отдаленно напоминающего кота, который ее внук Джулиан нарисовал в детском садике, и поздравительную открытку от младшей дочери Валери с девушкой в стиле пин-ап в купальнике с кактусами.

«Ты всё такая же милая колбочка!» – значилось на ней. Но от всего остального: старого патефона, набора стеклянных ламп с пушистыми колпаками, груды посуды – Линда собиралась избавиться. Она стала устраивать домашние распродажи. За вычетом перевозки хлама в Нью-Ривер в первую неделю она заработала 99,75 доллара. «Я больше никогда не буду арендовать ячейку», – клялась Линда. Вскоре она написала мне, поделившись цитатой, которую нашла в Сети и сочла поэтичной: «Столкновение с препятствиями неизбежно приводит к разочарованию, когда ты ломаешь оковы, мешающие выйти на свободу».

Тем временем племя РТР перекочевало из Эренберга, где жара становилась невыносимой, в Национальный лес Прескотт неподалеку от Коттонвуда, который располагался на девятьсот метров выше и где было градусов на десять прохладнее. Там кочевники разбрелись по местности. Кто-то остановился на открытом месте, чтобы любоваться видом плоских холмов, залитых солнечным светом. Другие устроились пониже, под сенью леса, где не дул ветер. Боб, Лавонн и Сильвиана тоже были там, вместе с другими новыми друзьями Линды. Среди них оказались Атли Поммер тридцати четырех лет, бывший водитель междугородного автобуса – он ездил на Chevrolet Astro, получившем прозвище в честь популярного певца 1960-х Донована, – и Самир Али шестидесяти пяти лет, лишившийся своей халяль-фермы на фоне резкого роста цен на сено из-за засухи на западе и теперь живший в фургоне вместе со своим чихуа-хуа, мистером Пико. (Правоверный мусульманин Самир служил своей вере с помощью приложения на телефоне, которое пять раз в день напоминало про молитву. В приложении также был компас, указывающий на Мекку, и Самир пользовался им во время парковки, чтобы фургон всегда стоял в нужном направлении. «Это универсальное приложение», – восхищался он.)

Когда домашние распродажи подошли к концу, завершился и март. Линда отправилась в Коттонвуд и приехала как раз к вечеринке с пиццей. Боб ухитрился накормить одиннадцать человек пирогами на общую сумму 28 долларов. Затем они сожгли калории во время прогулки под закатно-лиловыми небесами. В группе в основном были женщины – семь женщин, трое мужчин и один мальчик-подросток, – и

позже Боб отмечал, что это хорошая тенденция для культуры, которая долгое время насмеялась над независимыми женщинами.

На следующий день в лагерь забрел лесничий. Он изумленно поинтересовался, состоят ли они в клубе («Думаю, да!» – ответил ему Самир), и спросил, давно ли они здесь. Боб невинно соврал, что они приехали четыре дня назад (на самом деле прошло больше двух недель). Лесничий записал их номера и ушел. Это значило, что пошел отсчет их сроку и нужно решать, куда отправляться дальше. Все сошлись на Национальном лесу Кайбаб рядом с Флагстаффом. На высоте 2100 метров намного прохладнее. А автофургон Линды был в плачевном состоянии. Она хотела подлатать его в тепле, потому что жидкий каучук лучше схватывается при высоких температурах. Еще один член племени РТР, профессиональный художник Уэйн, залез на крышу и длинной шваброй нанес герметик на швы. Они успели как раз вовремя.

Во Флагстаффе они встали в лесу среди высоких сосен. Линда выложила фотографии в Facebook, чтобы друзья и семья их увидели. «Мне и собакам здесь нравится, – написала она. – Сколько бы вы заплатили за такой дворик? А тут всё бесплатно». Линда отблагодарила Уэйна домашним ужином: стейк из фарша, пюре и соус, поданные на фарфоровых тарелках 1930-х с логотипом Канзасской железной дороги, которые Линда урвала на распродаже. Поскольку тарелки прожили три четверти века и не потрескались, Линда решила, что они достаточно прочные, чтобы поселиться в ее автофургоне. Она также подружилась с Лори Хикс, матерью-одиночкой с большим сердцем, которая жила со своим тринадцатилетним сыном Расселом и собакой Кайли в синем фургоне 1995 года выпуска, названном «Бейб» в честь быка Поля Баньяна. Вместе они исследовали новое место. Придя в гости к Линде, Рассел и Кайли нашли огромный лосиный череп. А Линда подарила Лори экземпляр книги «Путешествия Чарли в поисках Америки», которую Лори буквально проглотила. Очерк Джона Стейнбека о путешествии в кемпере по американским дорогам в компании французского пуделя пользовался популярностью среди кочевников, потрепанные книжки передавались из рук в руки^[168].

Через несколько дней Линде нужно было трогаться с места. Скоро ей предстояло заступить на работу в качестве смотрительницы лагеря в Маммот-Лейкс в Восточной Сьерре. В первый день она проехала

десять часов и остановилась на ночь в Тонопе. Линда вывела собак на прогулку. Уже в машине с Коко внезапно случился припадок. Собака вся сжалась и заскулила, а потом обмякла и перестала дышать. В панике Линда прижалась ртом к ее челюстям и вдохнула в нее воздух. Скоро Коко открыла глаза. Она не шевелилась, но дышала. Линда приложила к ее спине упаковку замороженных овощей – она слышала, что так можно смягчить собачьи судороги, – и позвонила дочери. Одра изучала эфирные масла и посоветовала ладан. Линда нанесла немного состава Коко на лапы. Мышцы расслабились. Вскоре она засопела. Линда еще долго сидела с ней, глядя, как тихо поднимается и опускается грудная клетка. На следующее утро Коко вела себя как ни в чем не бывало. Еще дрожа от волнения, Линда проехала последние 240 километров, отделявшие ее от Маммот-Лейкс.

В лагере Sherwin Creek было тихо, когда Линда приехала туда в середине апреля. Единственными гостями оказались олени и грузовик с ездовыми собаками, которых везли на съемки фильма. Через неделю грянули зимние холода. Сосульки длиной сантиметров тридцать повисли на ее кабине, а на крыше фургона вырос тяжелый сугроб – с такими ранее ее машинке сталкиваться не приходилось. Но внутри было тепло и сухо: недавно залатанная крыша не текла. Коко выглядела здоровой. Линда подумала, что жизнь в принципе хороша. Она отметила свой день трезвости 28 апреля – двадцать четыре года в ясном уме и трезвой памяти. «На глаза наворачиваются слезы благодарности, когда я пишу это, – заявила она в Facebook. – Моему старшему внуку двадцать один, и всю свою жизнь он видел трезвую любящую бабушку. Разве это не чудо? Молитвы были услышаны... Я счастлива, довольна и свободна».

Линда как-то пошутила, что поздравлять алкоголика с завязкой – всё равно что поздравлять страдающего геморроем ковбоя с тем, что он не ездит на лошади. Но на ее страницу посыпались радостные комментарии от семьи и друзей, отмечавших новую веху. «Спасибо, что поборола зависимость и светом и осознанностью изгнала болезнь, которая много поколений терзала нашу семью, – написала Одра. – Я очень тебя люблю».

Денег уже было в обрез, но ничто не могло испортить настроение Линды. Она растягивала скудные припасы, готовила чилакилес из зачерствевшей тортильи и французскую запеканку из старого хлеба.

Непортящиеся продукты почти кончились. В холодильнике оставалось четыре яйца, два литра молока и заправки (кетчуп, майонез, горчица и джем). Линда шутила, что это «еда, которую кладут на еду». Затем ей пришла пенсия, и она заново наполнила холодильник.

В конце мая мы с Линдой общались по телефону. «Такой чудесный день! В лагере полно народу», – радостно сообщила она. Я спросила, как дела с поисками участка. Линда ответила, что последняя разведка не удалась. Теперь она изучала территорию вокруг Джулиана, в часе езды на восток от Сан-Диего. «Это в горах, старый городок, где раньше добывали золото, и там очень красиво, – рассказала она мне. – А на крайний случай, про который всегда думают выживальщики, рядом есть водоем. Если начнется страшная засуха, можно будет принести воды. С погодой никогда не угадаешь». Линда также надеялась, что скоро у нее будет больше денег на свой проект: она собиралась работать смотрительницей лагеря до ранней осени, а потом снова присоединиться к CamperForce. Травмированное в прошлый раз запястье не зажило, но, поскольку до нового сезона оставалось еще несколько месяцев, Линда была настроена оптимистично. Несколькими неделями ранее она ободряла подругу, которая тоже хотела присоединиться к CamperForce, но боялась, что не выдержит изнурительного графика. «Не бойся, – ответила Линда. – Мы будем помогать друг другу».

А мне Линда сказала, что всё замечательно. «Вся моя жизнь состояла из взлетов и падений, – говорила она. – И лучше всего она стала, когда у меня осталось совсем мало вещей». Мы поговорили о ее собаках, о том, как она надеется обновить свою машину. Но вскоре ей пришлось извиниться («Кажется, ко мне идет кто-то из лагеря!») и вернуться к работе.

Глава 8. «Хален»

К тому времени, когда Линда начала работать в Sherwin Creek, я уже полгода опрашивала трудопутников. Параллельно я шерстила СМИ – в Сети, печатные и радио – на предмет любой информации об этой субкультуре. По некоторым источникам создавалось впечатление, что кочевой образ жизни светел и приятен и даже может сойти за эксцентричное хобби, что это вовсе не стратегия выживания в эпоху, когда непомерные цены выжили американцев из обычных домов и они вынуждены искать способы существовать на гроши.

Один выпуск популярной новостной радиопрограммы начинался со следующих слов корреспондента: «Конечно, Санте нужны эльфы, чтобы доставлять подарки вовремя. Amazon.com необходимы работники!» Репортер представлял одного из участников CamperForce, жившего на парковке в Коффивилле. Почти все три минуты выпуска они обсуждали, как весело путешествовать по стране и заводить новых друзей. Четыре раза диалог прерывался взрывами смеха^[169].

Другие истории были менее восторженными, но в них всё равно подчеркивались радостное ощущение от дороги и товарищеские отношения внутри субкультуры, а трудности, которые многих заставили переосмыслить свою жизнь, оставались за кадром. С одной стороны, уж не мне судить репортеров за те же впечатления, что сложились и у меня во время первых бесед. Журналист, который забегает на вечер, чтобы взять короткое интервью, редко так сближается с респондентами, чтобы услышать правду. Когда я впервые заговорила с трудопутниками, на меня обрушили поток банальных оптимистичных фраз. Были и предупреждения. Один участник CamperForce согласился со мной побеседовать, но попросил, чтобы я не изображала его и его товарищей людьми в состоянии тяжелого кризиса. «Есть много ленивых нытиков, дармоедов и бездельников, которые готовы жаловаться на что угодно, и их найти нетрудно, – с гордостью писал он. – Я не из их числа».

Подобное настроение «нет нытью» я видела и в Workamper News – журнале для кочевников^[170]. «Вам нужно сменить отношение?» – спрашивал один заголовок. В статье грустным работникам с

проблемами советовали искать решение во внутреннем мире. «Подумайте, можете ли вы поменять свое отношение к этому и не позволять мрачным мыслям расстраивать вас, успокаивая себя следующими утверждениями, – писал автор. – Мы не будем здесь вечно. Этот путь конечен. Мы пускаемся в путешествие, проводим время в исследованиях (или с семьей) и живем жизнью мечты».

Эта пламенная речь далека от реальности, но удивляться ей не стоит. В конце концов, позитивное мышление – национальный американский защитный механизм, практически народная забава. Писатель Джеймс Рорти отметил это во времена Великой депрессии, когда путешествовал по стране и опрашивал людей, вынужденных искать работу в дороге. В своей книге 1936 года он растерянно описывал, что многие из его респондентов оказались непоколебимо жизнерадостными. «За 15 тысяч миль я не встретил ничего более отвратительного и отталкивающего, чем американское пристрастие к выдумке», – писал он^[171].

Я не настолько цинична. Это вполне в духе человеческой природы – в беспокойные времена надевать радостную маску и демонстрировать ее чужакам, но среди кочевников происходило кое-что еще. Думаю, истина в том, что люди могут одновременно бороться за жизнь и оставаться оптимистами, даже в самых тягостных испытаниях. Это не значит, что они закрывают глаза на реальность. Скорее, это подтверждает удивительную человеческую способность адаптироваться к любым условиям и в несчастье искать смысл и собратьев. Как отмечает Ребекка Сольнит в своей книге «Рай, построенный в аду: необычные сообщества, возникающие в результате бедствий»^[172], люди во время кризиса не только приободряются, но и живут с «ошеломляющей, яркой радостью». Можно переносить трудности, которые испытывают нас на прочность, и радоваться, когда вы все вместе сидите у общего костра с такими же трудопутниками под бескрайним звездным небом.

Иными словами, кочевники, которых я опрашивала в течение нескольких месяцев, не были ни беспомощными жертвами, ни беспечными искателями приключений. Истина оказалась куда тоньше, но как мне было ее поймать? К тому моменту я уже не брала короткие интервью. Я много недель провела рядом с кочевниками, записывая их истории в пяти разных штатах, а потом жила в палатке в Кварцсайте,

когда ночные температуры стремились к нулю во время зимних посиделок. Но я всё еще не видела ситуацию настолько глубоко, насколько мне бы хотелось: я не подобралась достаточно близко, чтобы ухватить суть их жизни. Для этого требовалось полное погружение: проводить с ними целые месяцы, день за днем, стать завсегдаем в каком-нибудь из их лагерей.

В своей палатке я могла быть дикарем в пустыне, но на окраинах штатов, где большинство тех, о ком я пишу, живут в машинах. Жить в палатках разрешено только в определенных зонах. Поэтому я спала в шести с половиной километрах от места проведения РТР и каждый раз ездила туда. Чтобы присоединиться к кочевникам, мне требовался продуманный мобильный дом – где я могла бы писать, готовить, спать и где было бы хоть какое-то подобие туалета. Выражаясь языком кочевников, моя машина должна была быть «самодостаточной».

Несколько месяцев я искала объявления о продаже подержанных автофургонов. Многие поначалу выглядели привлекательными, но на проверку оказывались ржавыми и разваливающимися, в том числе один древний RoadTrek, хозяин которого сказал мне, что провел в нем много веселых лет. Наконец подвернулось кое-что подходящее: белый GMC Vandura 1995 года выпуска со стильной сине-зеленой полоской. (Позже друг заметил, что похожий автомобиль был у мистера Ти из сериала «Команда “А”», так что, возможно, ностальгия сыграла свою роль.) Для фургона, тарахтевшего несколько десятилетий, он был в отличном состоянии и всего с сотней тысяч километров пробега. Большую часть жизни он стоял «на якоре» у побережья Калифорнии, не видел суровых зим, а внутри всё было устроено для отдыха на природе.

Когда я впервые зашла в фургон, он показался мне больше, чем снаружи, словно он как-то нарушал законы физики, как TARDIS^[173] из «Доктора Кто». Стены были обиты бледно-голубым бархатом. В задней части небольшой обеденный столик складывался в кровать. Здесь также имелся мини-холодильник на 12 вольт, маленькая плитка на пропане и переносной биотуалет: нужные удобства для жизни в глуши. На крыше был люк. Когда я открыла защелки и подняла крышку, то смогла выпрямиться, но с этого ракурса все мои представления о незаметности испарились: снаружи казалось, будто брезентовую палатку поставили на машину.

Фургону нужно было имя. Пообщавшись с кочевниками, я уже знала, как они любят всякие каламбуры в названиях. Мне уже встречались Vansion, Van Go, DonoVan, Vantucket и Vanna White. Друг предложил назвать мой фургон «Бетховен», в честь калифорнийской группы Camper Van Beethoven. Но мне вспоминалась песня Чака Берри «Посторонись, Бетховен» – не лучший настрой для водителя. И я назвала машину «Хален»^[174]. Я родилась в конце 1970-х, когда рок был на пике популярности, и постаралась украсить фургон соответственно: портрет Эрнеста Хемингуэя на черном бархате, который я нашла на фримаркете в Кварцсайте, и череп белки, который Линда обнаружила в одном из лагерей, где работала. Нитка с синими стеклянными бусинами «от сглаза», которую я получила в подарок, болталась на зеркале заднего вида как единственное подобие сигнализации у меня в машине.

«Халена» мне продал житель Калифорнии. Мой лучший друг, журналист Дейл Махаридж, вместе со мной приехал его забрать. Вместе мы отправились на ферму его дяди в каньонах на севере округа Сан-Диего. Я сидела за рулем «Халена», пытаюсь привыкнуть к этому шестиметровому двухтонному бегемоту. Это всё равно что управлять лодкой: фургон постоянно заносило в разные стороны, его приходилось выравнивать. (После такого вождения у меня первое время по несколько часов ныли плечи.)

Когда мы приехали, то припарковали «Халена» во фруктовом саду и принялись за работу. Проще всего было его отмыть: отскрести застывший кленовый сироп, пролившийся на мебель, и убрать ржавчину, проступившую на спицевом колесе.

Труднее всего было установить солнечную панель на 100 ватт. Многие кочевники устанавливают солнечные панели с помощью грузовых решеток с боковыми креплениями. С люком «Халена» так не выйдет, поэтому пришлось сделать то, от чего мне стало не по себе: просверлить две дырки в задней части крыши. Они были нужны, чтобы установить металлический каркас, на который крепится солнечная панель и который можно будет приподнять под углом, чтобы ловить больше солнечных лучей, когда фургон будет стоять на парковке. Закрепив болты, я тщательно промазала дырки водоотталкивающим герметиком, молясь, чтобы крыша не протекла. Затем мы с Дейлом установили внутри контроллер заряда. Мы провели

провод от солнечной панели через него к двум шестивольтовым батареям, которые установили под обеденным столом. Теперь у меня всегда будет электричество. Последним мы установили инвертор, тоже под столом, чтобы от тока в 110 вольт я могла заряжать ноутбук и камеру.

Поначалу я боялась, что все эти приготовления излишни, но на протяжении двух последующих лет упорной работы мне не раз пришлось жить в «Халене» и быть в дороге по два месяца подряд, и я поняла, что зря беспокоилась. Во время своих путешествий я проезжала более 24 тысяч километров, от границы до границы («Хален» повидал и Мексику, и Канаду) и от побережья до побережья.

Оказавшись в дороге, я сразу поняла, что, хотя я уже опросила десятки кочевников, я вообще ничего не знаю о жизни в машине. Учебный путь был тернист, и ровных участков не попадалось, поскольку обстоятельства постоянно менялись. Во время поездок по пустыне «Хален» два раза застревал, колеса прокручивались в сыпучей почве, пока добрый самаритянин, проезжавший мимо на джипе, не вытащил нас. Высоко в горах я попала в метель, туалет и насосы для воды замерзли. Поздно ночью на пустынной дороге в Техасе перегрелся генератор. Приборная панель потускнела, и «Хален» лишился электричества, остановившись прямо перед тем участком, где я собиралась расположиться на ночь.

Как-то раз вблизи Форт-Уэрта я припарковалась, чтобы купить кофе, и вдруг небо позеленело и взвыли сигнализации, предупреждавшие о торнадо. Бариста посоветовал: «Если видишь торнадо, прячься в подвале». Я указала на окно «Халена» – в фургоне, разумеется, подвала не было, – и мы рассмеялись. В тот день я укрылась в «Халене» во время ливня и с ужасом смотрела, как вода просачивается в щель у задней двери и течет внутрь, превращая в болото мои кровать и кухню. В другой раз, уже на пути домой, я вернулась на парковку и увидела, что фургон ограбили. Кто-то запустил в боковое стекло камнем размером с большую картофелину, вся cabina была в осколках. К счастью, красть было нечего, кроме портрета Эрнеста Хемингуэя и бутылки качественного острого соуса. Ничего не пропало.

«Халену» со мной пришлось нелегко: я наезжала на булыжники, уезжала со стоянки с поднятым люком и колесила по улице, не

подозревая, что в ходовой части застрял и теперь волочится по земле большой дорожный конус. Однажды, припарковавшись у Starbucks в погоне за Wi-Fi, я попыталась установить сигнализацию сразу на случай пожара и утечки газа. (Правило кочевой безопасности 101: в любом обитаемом транспортном средстве должны быть огнетушитель и сигнализация на случай утечки газа.) Но каждый раз, когда я пыталась установить ее на стену, механический женский голос громогласно оповещал: «ПОЖАР! ПОЖАР! НА ВЫХОД! НА ВЫХОД!» Мой секретный план провалился; прохожие останавливались и глазели на меня, потягивая латте.

Во время одной долгой поездки мне понадобилось купить рецептурное лекарство. Мой врач позвонил в аптеку. Позже он сказал мне, что, когда фармацевт попросил назвать мой домашний адрес, он растерялся и выпалил: «Она живет в машине!» Фармацевт деликатно не стал развивать тему, но этот эпизод заставил меня задуматься. *В Америке ты никто, если у тебя нет домашнего адреса.*

Когда я жила в «Халене», мой адрес был повсюду. Я спала на грузовых стоянках, на парковках Walmart и казино, на покинутой заправке, в безжизненной пустыне, в горной глуши и на пригородных улицах. Хуже всего были жилые кварталы, потому что любопытные соседи могут доставить неприятности. Однажды ночью я втихаря устроилась на ночь в Мишен-Вьехо и утром проснулась от жужжания газонокосилки. Садовник работал в нескольких метрах от меня. Я лежала в спальном мешке, неподвижно и почти не дыша, пока он не ушел. Позже в тот же день Линда и Лавонн посмеивались над моей паранойей.

Подобные случаи – фоновая музыка для моего журналистского исследования. Думаю, что, не живи я в «Халене», я бы никогда не смогла прочувствовать истории этих людей. Но справедливости ради отмечу, что поначалу я не возлагала больших надежд на этот эксперимент. Я понятия не имела, во что ввязываюсь, хотя мне хватало здравого смысла, чтобы слегка опасаться этой затеи.

Несколько дней мы с Дейлом промучились с солнечной панелью, прежде чем она заработала. Когда фургон был полностью оснащен, оставалось только пуститься в путь. Было уже темно, когда Дейл обнял меня на прощание. Я села на водительское сиденье «Халена» и потихоньку стала выезжать с фермы, мимо тусклых силуэтов

фруктовых деревьев. Дорога резко пошла под уклон. Двухтонный фургон вдруг стал невероятно тяжелым. Я вцепилась в руль и жала на тормоз до самого конца склона. Внизу глаза мне внезапно застлали слезы, и я вытерла их рукавом, размышляя, удастся ли мне когда-нибудь приноровиться к езде на «Халене», не говоря уже о жизни в нем.

«Сейчас тебе необходимо сосредоточиться на дороге, – сказала я себе. – У тебя полная чашка кофе, навигатор в смартфоне и готовый маршрут, по которому ты уже давно мечтала проехать». Так мой фургон медленно покатыл по каньонам навстречу Линде.

Как раз перед Рождеством 2014 года Линда жила в маленькой квартирке, которую ее дочь и зять вместе с детьми арендовали в Сан-Клементе. Заднее окно выходило на базу морской пехоты «Кемп-Пендлтон». На закате слышны серии выстрелов, а иногда и в ночи доносится треск артиллерии. (Родня Линды еще не переехала в следующий свой дом в Мишен-Вьехо, где Линда жила на момент покупки гостиницы «В тесноте» и переезда в нее.)

Фургон Линды был припаркован на улице и обрастал штрафными бумажками. Еноты прогрызли дыру в шланге для бензина. Линда поняла это, когда попыталась заправиться: она удивленно посмотрела вниз и увидела, как у ее ног расползается лужа. Она надеялась в этом сезоне вновь вернуться в Фернли на склад Amazon, но запястье по-прежнему было в плачевном состоянии, и ей пришлось отказаться от своих планов. Деньги вновь подходили к концу.

В тот вечер, когда я приехала, Линда, несмотря на мои протесты, уговорила меня поужинать в мексиканском ресторане вместе с ее семьей. Когда мы уходили оттуда, уличная музыкантша играла популярный в то время хит Lorde – Royals. Ее футляр лежал открытый на тротуаре, и Линда дала своим внучкам по доллару, чтобы те положили их туда. В квартире мне сказали, что я могу переночевать у них. Но диванчик уже был занят Линдой. Одна из ее внучек разместилась в гардеробной. С таким видом, будто уже тысячу раз так делала, я сказала, что буду спать в машине, которую припарковала неподалеку от их дома. Линда повела на вечернюю прогулку своих

собак и Гизмо, чихуа-хуа ее дочери. Вместе мы прошли по парковке. Когда мы подошли к «Халену», я занервничала. На тот момент я всего один раз ночевала в машине – на ферме в Сан-Диего, – и там не было ни прохожих, ни проезжающих машин. В ту ночь я впервые припарковалась на открытом месте. *«Что, если соседи вызовут полицию? Что, если ночью кто-то попытается вломиться внутрь?»*

Жгучая боль отвлекла меня от тревожных мыслей. Гизмо вцепился зубами в мою правую икру. Я попыталась по-доброму от него отвязаться. Одра раньше говорила, что он «любитель икр», но я подумала, что это ласковое прозвище, а не предостережение. Рана сильно болела. Я старалась не накручивать себя, но паника всё равно охватывала меня. *«А что, если собака не привита?»* Я не хотела никого оскорбить таким вопросом.

Я попрощалась, скользнула в фургон и опустила занавески, прежде чем распотрошить аптечку, которую дал мне друг из Лос-Анджелеса. Между маленьким американским флагом и куском мыла торчали бинт и тюбик неоспорина. Я сняла джинсы, ожидая увидеть кровотокающие точки на коже. Но ранок не было – только болючий синяк. Это должно было бы меня успокоить, но не успокоило. Я почистила зубы и забралась в спальный мешок, думая о строчках из книги Боба Уэллса. *«Для большинства людей ночевка в машине – радикальный выход из зоны комфорта, и вам может быть очень тяжело, – писал он. – Ваш страх усилит каждый звук (а их будет очень много), и вам вряд ли удастся выспаться. Когда наутро вы проснетесь, то растеряетесь и не сразу поймете, где вы»*^[175].

Я думала, что эти слова относятся и ко мне. В конце концов, я просто писатель с цифровой камерой, диктофоном и блокнотом и не собираюсь капитально менять свою жизнь. Я планировала прожить в машине несколько месяцев, а не лет.

Автомобили проносились мимо парковки, пронзая Халена огнями фар. При их приближении по стенам плясали ярко-белые блики, окрашивавшиеся в красный, когда они проезжали дальше. По фургону кружили тени. *«Тот водитель остановился? А он припарковался не слишком близко? Они знают, что я здесь?»* Я закрыла глаза и попыталась расслабиться, но сон пришел только спустя несколько часов.

Я резко проснулась от стука в окно. Было утро. Знакомый голос позвал: «Приве-е-ет!» Линда снова выгуливала собак. Дома у нее был готов горячий кофе. Я кое-как оделась и пошла вслед за ней в квартиру. Указав на душевую, Линда протянула мне полотенце с розовым узором. «Вот, только что с сушилки, – сказала она. – В горошек, потому что ты любишь горошек».

Мы выехали на прогулку в «Халене». Линда позволила угостить ее буррито в ее любимом уличном кафе. Мы пошли на пляж, где ели и болтали, глядя на прыгающих по волнам серферов. Уже в машине она преподала мне короткий урок по парковке. Линда, которая легко управляла шестиметровым грузовиком благодаря своему опыту дальнобойщика, сразу увидела, что я еще некомфортно чувствую себя за рулем. Потом она повела меня в секонд-хенд, чтобы помочь оборудовать кухню. Пока я рылась в контейнере с посудой из разных наборов, Линда раздобыла мне жаровню и кофейник со скидкой. Вечером того же дня мы попрощались.

Следующей моей остановкой был Кварцсайт. Я планировала жить в пустыне несколько месяцев, в том числе во время РТР. Но до фестиваля оставалось еще несколько недель. Я понятия не имела, где припарковаться на это время.

В Facebook мне пришло приглашение на ужин в складчину. Его прислала Шарлин Сванки, семидесятилетняя гуру кочевников, более известная в узких кругах как Сванки Вилс. В прошлом году мы успели познакомиться, я читала о ее приключениях на сайте Боба. Я очень обрадовалась. Лагерь Сванки – отличный вариант для остановки. К тому же она эксперт в области выживания, у нее многому можно научиться.

«Хватай Линду и привози ее с собой», – шутила Сванки. Я объяснила, что это невозможно: Линда на мели, без собственного транспорта, и она вежливо отклонила мое приглашение отвезти ее. Тогда Сванки попросила меня вместо нее привезти хот-догов.

Прибыв в лагерь, я увидела, что Сванки не впервой обучать новичков. На текущий сезон она уже нашла себе протее, двадцатисемилетнего Винсента Мосманна. Его не нужно было долго упрашивать рассказать свою историю.

Еще два месяца назад Винсент жил со своей мамой в Биллингсе. Хотя он очень хотел жить отдельно, снимать квартиру было не по карману. На нем висело 25 000 долларов невыплаченного кредита на неоконченное образование, хотя во время учебы он работал – лаборантом и бариста, – чтобы были наличные, а большой сэндвич из Subway растягивал на два дня, когда приходилось совсем туго. За время его трехлетнего обучения родители развелись. Когда Винсенту потребовалось переоформить документы на пособие, понадобилась подпись отца, которого нигде не могли найти. И Винсенту пришлось уйти из колледжа. Вернувшись домой, он устроился работать в пансионат для страдающих аутизмом взрослых, но там платили мало. Винсент решил, что у него осталась только одна возможность жить самостоятельно. Он купил мамин автофургон, Plymouth Grand Voyager LE 1995 года выпуска. Прибрался в нем, поклеил линолеум, повесил полки, занавески и поставил кровать. Он назвал его Тилли, в честь персонажа мультфильма «Паровозик, который смог», говорившего: «Я думаю, что я смогу. Я думаю, что я смогу». И Винсент отправился в путь.

«Я вышел на дорогу, чтобы узнать, как мне самому встать на ноги», – объяснил он.

Винсент должен был поехать в Кварцсайт. Там он собирался встретиться со Сванки, с которой подружился в группе кочевников в Facebook. Она пригласила его остановиться *рядом* с ней – не *вместе* с ней – в пустыне вокруг Кварцсайта, где позже я присоединилась к ним.

Сванки после своего великодушного предложения впала в грусть и меланхолию. Она так ценила свое уединение, что даже купила флаг с черепом и скрещенными костями, чтобы вывешивать его, когда не хотела никого видеть. Винсент же был суперэкстравертом. Сам он говорил, что у него СПЩ – синдром потерянного щенка.

Винсент прибыл за день до Хеллоуина и припарковался у высохшего русла реки, прямо напротив стоянки Сванки, которая была похожа на гостиную посреди пустоши: резиновый коврик, стулья, трейлер и навес от солнца. Рядом стоял ее фургон, оборудованный кроватью, компьютерным столом, холодильником и микроволновкой, которая работала от инвертора, подключенного к двигателю автомобиля. На крыше были закреплены лодка и солнечная панель. На

задней двери красовалась наклейка «Планеты Фитнес» – сети клубов, куда Сванки ходила, чтобы принимать душ.

Сванки одолжила Винсенту лишнюю палатку, чтобы хранить там еду и вещи. Он помог ей установить в трейлер шкаф, который должен был выполнять функцию буфета. Она проинструктировала его, как устанавливать солнечную панель. Когда Винсент прикручивал ее на крышу, то пользовался просверленными монетками вместо шайб – так дешевле. Сванки также позволила Винсенту воспользоваться ее арендованным почтовым ящиком. Это был широкий жест. Она сказала, что ее семья больше не получит ее почту. Для Винсента, мужчины-транссексуала, крайне важно было иметь свой почтовый адрес. Он должен был каждые две недели колоть себе тестостерон в бедро. Ампулы приходили по почте. Как и другие нужные вещи, например рождественский подарок от матери: коробка домашнего печенья и крохотная модель кирпичного камина, вырезанная из упаковки от крекеров, с малюсенькой елкой на полке.

Сванки и Винсент были колоритной парочкой. Яркая седовласая кочевница была почти на голову выше своего бородатого ученика, у которого на запястье вытатуирована молекула тестостерона и который улыбался озорной улыбкой, так что была видна дырка между зубами справа. Винсент сказал мне, что удалить зуб стоило 250 долларов, а коронка бы обошлась в тысячу. Для многих моих знакомых кочевников потеря зуба была клеймом бедности, которой они очень стыдились. Некоторые не улыбались, когда я вытаскивала камеру, или просили меня не выкладывать фотографию, где видны дырки. (Грустно – хотя и не удивительно, – что зубы стали символом статуса в стране, где у одного-двух человек из трех нет стоматологической страховки, потому что стандартная страховка ее не включает^[176].)

Но Винсент называл свою дырку «отверстие для соломинки». Он гордо демонстрировал ее. «Если кому-то это не нравится, то с таким человеком я всё равно дружить не захочу», – объяснил он.

У Винсента и Сванки была одна общая черта: они не выносили снобов. Сванки вспоминала один вечер в пустыне, когда она мило общалась с людьми, жившими в элитных домах на колесах. Они спросили у нее, на чем она ездит. Она ответила, что в автофургоне. Всю приветливость как ветром сдуло. «Они встали и ушли от собственного костра», – рассказывала она, качая головой. В другой раз

Сванки вступила в одно интернет-сообщество, где отказались разместить ее блог в списке участников группы. Причина? В ее блоге была подробная инструкция о том, как пользоваться ведром в качестве туалета. И она ушла^[177].

Как и Винсенту, Сванки были не нужны такие друзья. Ее лагерь разрастался. В свою первую ночь после ужина я отправилась спать в свой фургон. Так же поступили Кэт и Майк Валентино (обоим было по сорок семь лет), жившие в синем Ford 1991 года выпуска по имени «Катвэнду» со своим девятилетним сыном Алексом и ручным хорьком Ронни. Несколько месяцев назад они жили в Вашингтоне, но Кэт, ветеран армии, лишилась работы в качестве представителя компании Albertson в больнице после того, как ей поставили диагноз «рассеянный склероз». Она еще пыталась бороться с болезнью, которая развивалась в течение трех лет. Майк работал за 9,4 доллара в час на фабрике, производившей замороженные овощи, но его контракт подходил к концу. Оба со страхом думали о будущем.

Кэт долгое время шерстила сайты, посвященные жизни на колесах. Она написала в Facebook: «Я даже не знаю, радоваться или грустить из-за того, что СТОЛЬКО людей, с которыми я общалась в группах, работают полный день из-за финансовых трудностей. И смешно, и грустно. Новая свобода... возможность жить и перестраивать себя. Какое счастье, что есть такие разные и интересные племена, которые всегда готовы поделиться знаниями, советом, вещами или просто выслушать. А что, если это эволюция бывшего среднего класса? Может, мы свидетели появления нового класса охотников-собирателей?»

Семья Валентино какое-то время жила в грязных мотелях. Кое-кто из соседей торговал наркотиками и собой. Детям там было не место. В итоге они купили машину и выехали на дорогу за пару недель до того, как началась одиссея Винсента. Пока всё шло неплохо. Кэт рассказала, что Алекса учат «в дороге» – аналог привычного домашнего обучения. Это был замечательный любознательный ребенок, с утонченным для его возраста чувством юмора, но из-за синдрома Аспергера ему было непросто освоиться в обществе, в школе его постоянно травили. Теперь он говорил всем, что хочет основать собственное демократическое государство. Столицей будет «Город кочевников».

Тяжелые времена наступили, когда ночные температуры в Кварцсайте опустились до минус семи. У Кэт и Майка кончился бензин, который уходил на обогрев машины; датчик расхода топлива сломался, так что они не видели, как быстро пустеет бак. В это время они припарковались рядом со Сванки и Винсентом, которые испытывали те же трудности. Я следовала их примеру, отключая двигатель «Халена» в пользу отопления и забираясь в спальный мешок. Я просыпалась через несколько часов, замерзшая, и повторяла процедуру. В ночи я слышала переключку машин, которые ненадолго оживали и затем вновь затихали.

В итоге я купила пропановый обогреватель, но по ночам от него было мало толку – небезопасно оставлять такой агрегат без присмотра. В маленьких жилищах неполное сгорание газа во время отопления или готовки – вкупе со слабой вентиляцией – может привести к смертельной концентрации угарного газа, который не имеет запаха. В машине такое может случиться незаметно. Один раз, когда я только включила обогреватель и задремала, в ночи раздался пронзительный писк. Сработала сигнализация. Я плохо проветрила обогреватель. Я распахнула двери и окна и вышла в пустыню, дрожа в своей пижаме, пока не решила, что достаточно всё проветрила и могу возвращаться.

Утром, когда у Валентино отопление «съело» весь бензин, Винсент отвез их в город, где они набрали канистру топлива. Вернулись они даже с большим уловом, чем планировали: с трофеями от банка еды в Кварцсайте, в том числе яблоками, сосисками и пакетом салата размером с подушку.

Через два дня после Рождества был десятый день рождения Алекса. Сванки организовала ему вечеринку с мороженым. Примерно в то же время Винсент устроился на временную работу за 9 долларов в час. Также он продавал фартуки и экосумки, которые шил на своей машинке: она у него работала от педальки, а не на электричестве. Один фартук он подарил Алексу вместе с экземпляром «Властелина колец». Алекс был в восторге. А Винсент вдруг показался нам таким взрослым.

Позже Кэт письменно поблагодарила нас всех за «продуманные подарки и море смеха»: «И ведь мы с вами познакомились каких-то два месяца назад. Я растрогана, смущена и поражена. Как будто мы одна семья...»

Эти строчки перекликаются со словами Сванки. «Если ты остался в лагере Сванки больше чем на двенадцать часов, – сказала она мне, – то ты уже член семьи». Она всегда знала, как ввести новичка в свой круг. Однажды она повезла нас всех смотреть петроглифы, вырезанные на скале неподалеку. В той поездке было что-то замечательно веселое, когда наш караван вился вслед за ней. Сидя за рулем «Халена» и глядя, как пыль поднимается из-под колес впереди, я чувствовала себя частью отряда, пустившегося покорять пустыню на лошадях. В тот же день, когда кто-то из нас застрял в канаве, Сванки вытащила его при помощи собственной машины и куска нейлоновой тесьмы.

Близился РТР, и мы переехали на территорию фестиваля. Во второй раз я оказалась здесь. Я стала подмечать детали, которые в прошлом году мне не бросились в глаза, – особенно то, что кочевники называют невыносимой белоснежностью фургономей.

Сванки и раньше шутила, что РТР – «собрание белых фургонов». В принципе, так оно и было. Большинство машин были покрашены в белый и блестели под ярким пустынным солнцем. Поскольку коммерческие организации часто используют белые машины, подобный транспорт можно встретить где угодно. Их легко купить с рук и затеряться в любом районе, поэтому они и пользовались такой популярностью у кочевников. Но жизнь в белом фургоне имеет свои трудности: один парень с РТР назвал их «фактор страха» – местные суеверия связывают их с детскими маньяками и всякими жуткими хищниками. Пятидесятитрехлетний подрядчик из Салема рассказал мне, что после того, как его бизнес рухнул, он перебрался в белый Ford E150, и друзья стали дразнить его «маньяком» и выпрашивать конфетку. Они не хотели его обидеть, но шутки были неприятными.

Кочевники – независимо от цвета машины – также нередко сталкиваются с оскорблениями или нападками прохожих. Те уверены: от бродяг хорошего не жди. Буквально сейчас, когда я пишу эти строки, один человек на форуме рассказал, как ночью проснулся из-за того, что на его машину напали, хотя он не сделал этим людям ничего плохого. Они раскачивали автофургон и орали: «Выходи, мерзкий извращенец! Мы вытрясем из тебя всё дерьмо!»

Но я обращала внимание не только на белые машины. Я отметила кое-что еще, о чем думала еще долго по окончании РТР. Это всплывет и позже, когда я покажу снимки другу, фотографу-афроамериканцу,

чьи работы связаны с расовой дискриминацией и колониализмом. Он сказал: «Почти все люди на фото – белые». Ему было интересно, почему.

Я тоже обратила на это внимание. К тому времени я проехала от побережья до побережья и познакомилась с сотнями кочевников: трудопутниками, бродягами и обитателями фургонов. И хотя среди них были и «цветные», они явно составляли меньшинство в этой субкультуре.

Так почему почти все кочевники – белые? Они и сами задавались этим вопросом. На официальной страничке CamperForce в Facebook на фотографиях в основном запечатлены белые работники, что дало повод одному чернокожему кочевнику написать комментарий: «Я уверен, что афроамериканцы тоже подавали заявки на эту работу. Я не вижу их на фото»^[178].

Я задумалась, связана ли эта «одноцветность» с тем, что выезды на природу по большей части интересны белым. Эта тенденция подтверждена исследованиями Лесной службы США. Возможно, это особый вид привилегии – рассматривать жизнь «дикарем» как отдых. Один сатирический сайт (Stuff White People Like) рассказывает об этом так^[179].

Если вы вдруг окажетесь в чаще леса без электричества, водопровода и машины, то, скорее всего, скажете, что попали в «кошмар» или в «худший жизненный сценарий, за исключением крушения самолета и чего-то вроде этого». Белые люди называют это отдыхом на природе.

Или, может, проблема в расизме? Я спрашивала у своих знакомых, сталкивались ли они с дискриминацией в общине. Большинство ответили, что ничего такого не замечали. Но одна кочевница вспомнила, как завсегда РТР оскорбил ее темнокожую подругу. Другие осадил хама, но девушка уже обиделась и покинула фестиваль. Остался неприятный осадок, и семена тревоги выросли. Главное правило на форуме Боба Уэллса гласило: «Никогда никого не критикуйте, не унижайте и не обижайте». Что, если кочевники не способны соблюсти это правило во временной общине, которую они создали в реальном мире?

Эш, подруга Линды по Amazon, писала в Facebook: «Большинство из нас, кочевников, белые. Причины могут быть как очевидные, так и не очень, но есть еще вот это». Дальше идет ссылка на статью, в которой описывается опыт путешествий «если ты черный». Я тогда подумала: в Америке в принципе тяжело вести кочевой образ жизни, независимо от расы. Особенно непросто тем, кто тайно паркуется в жилых кварталах. Часто им приходится нарушать местные запреты на ночевку в машинах. Избегать неприятностей – стычек с копами и подозрительными прохожими – в любом случае трудно, даже если у белых есть свои привилегии, которыми они могут воспользоваться, как карточкой в «Монополии». А в эпоху, когда полиция стреляет в безоружных афроамериканцев во время остановки движения, жизнь в машине может оказаться особенно опасной для любого, кто подвержен расовой дискриминации.

И я подумала обо всех случаях, когда могла бы попасть в беду и не попала. Один раз меня допрашивали ночью, когда я брала интервью в Северной Дакоте. Копы спросили, откуда я, порекомендовали некоторые местные достопримечательности и отпустили, ограничившись предупреждением. В принципе, на меня никто косо не смотрел, когда я ездила на «Халене». Хотела бы я списать это на хорошую карму или какое-нибудь космическое благословение, но факт остается фактом: я белая. Разумеется, это играет свою роль.

После РТР я последовала за племенем в Эренберг. Однажды вечером, когда мы ужинали в соседнем трейлере, я поняла, что поднос с едой стоит на туалетном ведре хозяйки – закрытом и запечатанном. Дома мне стало бы не по себе от такого импровизированного стола. Здесь это просто мелкая деталь интерьера. У нас было мало места, и мы использовали его как могли.

Через две недели, сделав всё необходимое, чтобы оставить «Халена» на долгой парковке, я вылетела домой, в Нью-Йорк. Было странно вернуться в мою квартиру в Бруклине. Когда живешь в маленьком кузове, клаустрофобия постепенно сходит на нет, на ее место приходит ощущение своей уютной норки. Стены близко, окна закрыты, до всего необходимого можно рукой дотянуться. Ты как будто в лоне матери. С утренним пробуждением приходит ощущение безопасности, даже если ты не сразу вспоминаешь, где вчера припарковался.

Из-за этого мое возвращение оказалось не таким гармоничным, как я предполагала. Несколько дней я просыпалась по утрам и не понимала, где я. Обычный матрас казался слишком широким. Стены были слишком далекими, потолок – слишком высоким. Из-за этого пустого пространства я чувствовала себя беззащитной и растерянной. Солнечный свет, струившийся в спальню, казался слишком ярким. Один раз, еще в полусне, я сначала приняла свое окно за заднее стекло фургона.

После первой недели дома смятение прошло. Но на его место пришло кое-что другое. Я скучала по «Халену» и кочевникам. Я хотела вернуться на дорогу.

Глава 9. Опыт просвекления

Кемпинг в глуши был только началом. Скоро мой фургон освоил новые территории. Во время моей последней поездки в пустыню я посетила «Большую палатку» – автомобильное шоу, где рекрутеры ищут желающих на сезонные работы по всей стране. Улыбающаяся женщина вручила мне листовку с надписью «Испытай вместе с нами опыт просвекления!».

Ежегодный сбор сахарной свеклы давно уже приводил меня в недоумение. Судя по описаниям, для пожилых людей это тяжелый труд, и реклама подобных вакансий на мероприятия, где собираются седовласые зрители, казалась неуместной. Я внимательно прочла листовку, где красовалась цитата неизвестного, который описывал свою работу как «немного изматывающую, но без перенапряжений». Мне это почти ни о чем не говорило. О сборе свеклы я знала в основном по отзывам людей, собравшихся в Кварцсайте.

«Было холодно. Шел снег. Было мокро», – говорила мне Гретхен Эрб, когда мы сидели в ее фургоне Fleetwood Bounder RV 1999 года. Во время ночной смены в Миннесоте она работала на улице при минусовой температуре, собирая документы у водителей грузовиков и «принимая образцы»: кладя в плотные мешки по четырнадцать килограммов свеклы и перетаскивая их на «станцию», откуда их забирали в лабораторию, где измеряли уровень сахара в клубнях.

Другой работник, шестидесятидвухлетний Брайан Гор, рассказал мне о сборе урожая в Монтане, где он водил грузовик с отломанной дверцей. Через отверстие его закидывали свеклой – некоторые клубни достигали размеров грейпфрута, – которая свалилась с неисправной транспортной ленты. «От этой свеклы у меня синяки были!» – возмущался он, добавляя, что это было похоже на обстрел из свекломета. Но, по его словам, он всё равно может туда вернуться, потому что нуждается в деньгах. «Работа недолгая, так что вытерпеть можно, – говорил он. – А вот если представить, что и в далеком будущем так же придется свеклой швыряться, то и с ума сойти можно».

И я записалась на сбор свеклы. «Почему бы нет?» – подумала я. Я столько часов расспрашивала кочевников о сезонных работах, но мой

личный опыт в этой области равнялся нулю. Я не строила иллюзий: поработав на плантации, я не превращусь в трудоустроенного, как по мановению волшебной палочки. Но, по крайней мере, такое погружение поможет мне лучше прочувствовать образ жизни, о котором я столько слышала.

Спустя несколько месяцев мое заявление приняли Express Employment Professionals – агентство по найму временных работников, сотрудничавшее с производителями сахара. И я углубилась в тему. США – один из крупнейших мировых производителей сахара, и сахарная свекла составляет 55 процентов сырья (оставшиеся 45 – сахарный тростник). Более половины плантаций сахарной свеклы – около 275 000 гектаров земли – находится в долине Ред-Ривер, расположенной между Миннесотой и Южной Дакотой. В этом регионе выросла компания American Crystal Sugar, самый крупный производитель сахара в стране. Этот регион – своего рода национальная аномалия, по официальным данным здесь нет безработицы, следовательно, свободных рабочих мест мало (конкуренция была еще сильнее во времена расцвета нефтяной формации Баккен). Поэтому American Crystal Sugar ищет временных рабочих, которые вместе со своими домами готовы приехать издалека на осенний сбор свеклы.

Вооружившись этой информацией и парой плотных рабочих перчаток, в конце сентября я приехала в Drayton Yard – огромный склад свеклы и зону подготовки продуктов в Северной Дакоте, рядом с канадской границей. Для производителей свеклы в долине Ред-Ривер первые две недели октября – гонки с природой. Они называли это мероприятие кампанией – как в армейском жаргоне. Битва начинается в полночь 1 октября. Фермеры лихорадочно выдергивают свеклу из земли, пока она не замерзла, надеясь, что температура не поднимется и урожай не начнет гнить. Двадцать четыре часа в день грузовики отвозят на склад по несколько тонн свеклы. Кузова набиты до отказа. На обочинах дорог валяются упавшие клубни. Измученные водители курят сигарету за сигаретой, чтобы не заснуть. На дороге возникают пробки. Происходят аварии^[180]. Некоторые местные жители винят в авариях государственное законодательство, которое разрешает неумелым фермерам водить перегруженные грузовики без соответствующей лицензии. В разгар сезона приемные склады

American Crystal Sugar (а их более тридцати) ежедневно принимают около пятидесяти тысяч поставок в день.

Меня поставили на двенадцатичасовую смену к «первому погрузчику». Наша станция была в «сараяе» – большом охлаждаемом помещении, которое походило на открытый ангар для самолета с бетонным полом. Груда свеклы уже доходила до потолка; по словам нашего куратора, весила она около двадцати тысяч тонн, причем это был «предварительный» урожай. Он добавил, что в этом году свекла уродилась лучше, чем в прошлом; кое-где попадались клубни размером с баскетбольный мяч.

Многие другие станции располагались под открытым небом. Нам сказали, что нам повезло, потому что у нас есть защита от дождя и снега. Но у нашей удачи была обратная сторона: шум и вонь. В «сараяе» приторный запах грязной свеклы смешивался с запахом пыли и бензина.

Когда грузовики прибывали на Drayton Yard, их взвешивали на специальной платформе, после чего они выстраивались у нашей станции. Мы махали водителям, чтобы те останавливались рядом с укладочным механизмом. Это огромное лязгающее приспособление, напоминающее маленький завод на гусеницах. Огромный кузов каждого грузовика откидывался, и оттуда выкатывались тонны свеклы. Клубни поступали на конвейерную ленту и в барабан, где сбивалась лишняя грязь, и падали вниз. Затем свекла ехала вверх по длинному желобу, напоминавшему стрелу подъемного крана, и падала на верх кучи размером с трехэтажный дом. В пик сезона эта куча станет еще больше. Чтобы ей было куда расти, погрузчик иногда отъезжал чуть назад. К концу сбора урожая свекольные груды в длину равны примерно двум Boeing 747, а в ширину – размаху их крыльев. Благодаря системе приточной вентиляции свекла будет в полумороженном состоянии, пока ее не отправят на завод.

Рабочий процесс был оглушительно громкий, суетливый и до дрожи беспорядочный. Мы были на подхвате: вилами и лопатами забрасывали рассыпавшуюся свеклу – а некоторые клубни были размером с индейку – обратно в барабан. (Если кто-то ненадолго останавливался отдохнуть, это активно осуждалось. «Раз можешь стоять, можешь и кидать!» – такова была любимая присказка одного менеджера.) Когда работать лопатой становилось уже совсем

невмоготу, мы отставляли инструмент в сторону и собирали маленькие клубни руками. Если мы действовали недостаточно быстро, наша надсмотрщица – она приходила на работу в боевом раскрасе и розовых сапогах на высоком каблуке, – стоявшая на приподнятой платформе, дула в трубу, звук которой напоминал военный сигнал подводных лодок времен Второй мировой, как будто объявляя торпедированную атаку, и, глядя на нас через окно, изображала, будто кидает что-то лопатой. Тем временем с конвейерных лент над нашими головами сыпались комья грязи, пачкавшие наши желтые жилеты и зеленые каски. Когда я махала коллеге, чтобы показать, что к нам подъезжает новый грузовик – за гулом двигателей кричать было практически бесполезно, – меня в руку больно ударила упавшая свекла размером с яблоко. Также в наши обязанности входило убирать с пола плотную склизкую грязь снеговыми лопатами, которые вечно застревали. Приходилось наваливаться на них всем телом, чтобы сдвинуть с места. И нам нужно было брать образцы – об этом рассказывала мне Гретхен. Она не упомянула, что придется держать мешки открытыми под «дулом» ближайшего погрузчика: клубни с большой силой летели прямо в него, и приходилось напрягать все мышцы, чтобы остаться на месте. Я как будто ловила мячи наволочкой.

Сложнее всего было чистить погрузчик. Наш начальник немного опускал огромную конструкцию, чтобы мы могли залезть внутрь и очистить от земли основной желоб. Грязь была такой плотной, что еле поддавалась и откалывалась кусками толщиной с покрышку. Надсмотрщик орал, чтобы мы «напряглись», и говорил, что у нас на всё про всё пятнадцать минут. Простой стоил дорого.

После двух дней стажировки наступила двенадцатичасовая смена. Когда она закончилась, я в темноте поехала обратно на свою стоянку, мимо знака «ОПЫТ ПРОСВЕКЛЕНИЯ», зазывавшего новых сотрудников. У меня болело всё тело, особенно спина; у старых травм и растяжений, о которых я давно забыла, открылось второе дыхание. Меня это удивило: мне было тридцать семь, и я не жаловалась на свою физическую форму, а на некоторых станциях работали люди, уже вышедшие на пенсию. Я надеялась на горячий душ – нам обещали, что будет доступ к водопроводной воде, – но эта часть лагеря только строилась. Я приготовила ужин и легла спать с раскалывающейся от боли головой. На следующий день я проснулась, чтобы заступить на

еще более насыщенную смену. Вместе с собранной свеклой к нам приехал двухметровый металлический шест, отломавшийся от комбайна. Его засосало в погрузчик. К тому времени, когда начальник экстренно остановил работу, шест проехал половину первого конвейера и приближался к барабану, который сбивает землю со свеклы. Если бы он туда попал, то мог бы серьезно повредить механизм – и, возможно, тех из нас, кто стоял поблизости. В тот же день мой коллега поскользнулся на полу, и ему пришлось заполнять отчет о происшествии, потому что у него распухло колено.

В числе моих соседей на стоянке был Дэн шестидесяти девяти лет, который в 2006 году по медицинским показаниям ушел со своей работы водителя фуры Walmart. Дэн рассказал мне, что ему пришлось умолять своего начальника не ставить его в ночную смену, потому что он был слеп на правый глаз и мог работать только при дневном освещении. Его жена, Элис, тоже жила с ним в фургоне, но в январе ей диагностировали боковой амиотрофический склероз, и она не могла работать. На стоянке жили люди старшего возраста, но были и пятидесятилетние, и мои ровесники, и люди помладше. Справа от меня в матово-черном легковом грузовике с номерами из Нью-Джерси жила парочка краст-панков двадцати с небольшим. Питались они лапшой и спали в водительской кабине. Также я познакомилась с одним работником с козлиной бородкой, который гонял по стоянке на своем мотоцикле и называл себя Форсаж. Он немного рассказал мне о своей философии. «Когда с утра идет дождь, можно проснуться и сказать: “Фиговый день”, а можно сказать: “Отличный день”, – вещал он. – Я предпочитаю второе».

Больная, измученная и грязная, я тем не менее чувствовала себя обязанной людям, с которыми познакомилась, и хотела стойко продержаться до конца «кампании». Но сколько бы времени я ни провела на сборе свеклы, этот опыт всё равно не стал бы для меня посвящением в трудопутники – в итоге я вернусь домой и сяду писать книгу. Однако теперь я увидела – и прочувствовала – достаточно, чтобы заключить: мои знакомые не преувеличивали, когда рассказывали о своей работе. Однажды вечером я сказала своей начальнице, что больше не приду. Она не выказала удивления; к текучке здесь привыкли. Спустя несколько дней я узнала, что большинство моих товарищей по работе тоже ушли. А на соседней

станции женщина сломала запястье. Ощувив легкий укол совести, я порадовалась, что это была не я.

Я уехала из Drayton Yard после наступления темноты, мимо меня в противоположном направлении тянулась колонна рабочей техники. В зеркале заднего вида, в дыму, поднимавшемся вокруг завода, неоновым светом сияла вывеска фабрики: American Crystal Sugar. В ту ночь я заселилась в гостиницу в Гранд-Форкс. Там я насладилась горячим душем, выкурила сигарету с травкой и уснула перед включенным телевизором. Как оказалось, в тот вечер я совершила большую ошибку.

Я отправила заявку в CamperForce примерно в то же время, что и на сбор свеклы. Прежде чем получить работу у Amazon, нужно было сдать тест на наркотики. Это правило всегда казалось мне некорректным и унижительным. Не абсурд ли, когда по всей стране пожилые кочевники сдают всевозможные анализы, чтобы устроиться на опасную, низкооплачиваемую, временную работу?

Из интернета я уже немного знала о тестах, которые проводит Amazon: некоторые говорили о скрининге. Этот метод выявляет большинство наркотиков – включая легкие, – если их принимали в последние несколько дней. Я решила, что всё в порядке, поскольку сообщила Amazon, что смогу приступить к работе только в ноябре.

Вернувшись домой, я обнаружила у себя в почте письмо от CamperForce, где сообщалось, что я должна приступить к работе 4 ноября на складе Amazon в Хаслете, рядом с Форт-Уэртом. Еще через два дня, после того как меня проверили на наличие криминального прошлого, я получила следующее письмо: у меня семьдесят два часа на то, чтобы пройти тест на наркотики в лаборатории на Атлантик-авеню, рядом с моим домом. Легко, подумала я. Но в письме меня ждал неприятный сюрприз: надо сдать мочу.

Это означало, что результаты моей ошибки будут выявляться в анализе даже через месяц, поскольку продукты распада остаются в жировых тканях. Мой тест был назначен через полторы недели после того, как я покурила в Северной Дакоте. Для скрининга этого было бы

достаточно. В случае с мочой я могла так легко не отделаться. Я заказала на Amazon упаковку тестовых полосок и провела эксперимент. Полоска, показывающая отрицательный результат, появилась, но была удручающе бледной. В инструкции говорилось, что для успешного прохождения достаточно любой полоски, независимо от оттенка. Но моя была едва заметной. Я не хотела так рисковать.

Был один надежный способ сдать тест: подмешать чистую мочу. К счастью, у меня еще оставалось девять тестовых полосок. Я раздала их друзьям и близким. Вскоре нашла донора, который обеспечил меня чистым образцом. Я хранила его в маленькой бутылочке из-под шампуня. В день, когда нужно было сдавать тест, я спрятала бутылочку в белье и надела обтягивающие джинсы, чтобы она не выпала. Когда всё было сделано, лаборант сказал мне, что результаты будут через сорок восемь часов.

Из лаборатории мне так ничего и не пришло, но через несколько дней я получила еще одно письмо от CampetForce: я была чиста и могла приступать к работе. Вскоре я села в свой фургон и выехала в Хаслет.

Стажировка началась в среду утром, в комнате на складе Amazon собралась группа из тридцати одного человека. «Вас ждет напряженная физическая работа, – предупредил нас инструктор. – За день вам придется присесть по шестьдесят раз, я не преувеличиваю. Стальные ягодички, мы идем! Верно?»

Кто-то хихикнул. Мы сидели за длинными столами в алфавитном порядке, как школьники. Большинству работников было за шестьдесят. Я оказалась единственной моложе пятидесяти, одной из трех человек без седых волос. Нам сказали, что Хаслет запрашивал восемьсот работников, а заявлений было больше девятисот. Но на парковках поблизости не было места, чтобы вместить такую орду кочевников. Другой вариант – арендовать соседнее коровье пастбище – был попросту отклонен. (Можете представить себе поле, промерзшее во время одной из знаменитых техасских метелей, с сотнями пожилых работников без электричества, воды и канализации? Кошмар пиарщика!)

В итоге менеджеры наскребли несколько мест для фургонов на нескольких парковках в радиусе 65 километров. Они наняли 251 работника по программе CamperForce – столько, сколько могло там разместиться. Некоторые новички по полтора часа стояли в пробках по дороге с парковки на склад и обратно, и это при десятичасовых сменах. Одна женщина, жившая в белом Ford, рассказала мне, что собиралась два раза в неделю тайно парковаться на участке Amazon, чтобы экономить бензин и время.

Наш куратор – сама кочевница и ветеран CamperForce – попросила прощения за эти неудобства. Она сказала, что Amazon бесконечно рада нас приветствовать. «Трудопутников ценят за усердие, дисциплину и прилежание, – пояснила она. – Мы знаем, каково это – тяжело работать целый день. Именно на это Amazon возлагает надежды. Мы собрали эту опытную группу, чтобы вы пришли и взяли быка за рога!» Наша братия, добавила она, также известна по «эффекту CamperForce»: исполнительная, эйзенхауэровская рабочая этика передавалась более молодым и менее искушенным сотрудникам. Однако позже наша команда не оказала особого влияния на вечно недовольных сотрудников поколения Y. Как и двадцатилетние, мы в основном излучали флюиды усталости и скуки.

Однако мы привнесли богатый жизненный опыт. Кит, сидевший слева от меня, в свои шестьдесят был служителем церкви с десятью детьми (пятеро взрослые, остальные жили в его фургоне). Чарли семидесяти семи лет рассказал мне, что у него болели колени после долгих лет работы слесарем на месторождениях меди. Эд и Патриция, женатые более сорока лет, в конце 1990-х ушли со своих должностей мотополицейского и почтальона соответственно.

Вместе мы учились работать в отделе под названием «Складской учет качества товара». Задача казалась несложной: сканировать штрихкоды на упаковках, чтобы они соответствовали цифровым инвентарным записям. Но мы скоро узнали, что наш склад (по словам нашего куратора, самый большой в Amazon, площадь его сопоставима с размерами девятнадцати футбольных полей) – сущий лабиринт с ловушками. Тридцатипятикилометровые конвейерные ленты перевозили коробки с места на место. Шум был как от товарных поездов, а сломаться им ничего не стоило. Нас предупредили, чтобы мы забирали волосы и не повязывали кофты вокруг пояса – иначе они

могут попасть в ленту. А наши бейджи, болтавшиеся на шее, были на легко рвущихся шнурках, чтобы нас не задушило. Гул то и дело перекрывали гудки. Когда я спросила, что это значит, коллега ответила, что застрявшую ленту только что починили и она запустилась.

Барб и Чак Стаут, которых я последний раз видела в Кварцсайте, где они жгли свои документы о банкротстве, тоже работали в Хаслете. Чак стоял у ленты, когда одна из коробок слетела и сбила его с ног. Он ударился головой о бетонный пол. Скоро над ним склонились врачи из медпункта Amazon. Они сказали, что сотрясения нет, Чак может вернуться к своей работе на пункте приема и ходить по двадцать пять километров в день. Между сменами я, Чак и Барб часто сидели в местном спортбаре. Они сказали, что до того, как я приехала в Техас, представители профсоюза заняли парковку у склада. На протяжении двух недель менеджеры по два раза на дню убеждали рабочих держаться от них подальше и ни в коем случае ничего не подписывать. Информация о сотрудниках, которые общались с ними, будет внесена в базу, и их начнут «выслеживать».

Во время стажировки мы также узнали, что наш склад был одной из десяти баз Amazon, где использовались роботы Sherpa. Стокилограммовые оранжевые агрегаты напоминали огромные пылесосы. По документам это были «приводные блоки», но люди называли их «Кивы» – по имени изготовителя, написанному сбоку. Они катаются в неосвещенной клетке – роботы могут видеть и без света – по полу, который все называли «поле Кива». Их задача – перевозить по всему зданию стеллажи с товаром к станциям, где работали люди. Никто, кроме представителей подразделения «Амнистия», не имел права заходить на поле Кива, даже если коробки падали с полок. Обычным работникам можно было вытаскивать оттуда товар с помощью специального приспособления. (Как бы его ни называли, по сути это был валик на полуметровой палке. Такая штука имелась на каждой станции.) Когда я захотела им воспользоваться, мне сказали, что придется подождать: для такого ответственного занятия нужна особая подготовка.

Вокруг Кивов было много шума. Они представляли либо голубой мечтой специалиста по эффективности, инновационной технологией, призванной освободить человечество от бессмысленного труда, либо предвестниками безработной антиутопии, где ручной труд канул

в Лету, а разрыв между богатыми и бедными превратился в бескрайнюю пропасть.

Реальность оказалась менее спорной и более забавной, будто современная версия фильма Чарли Чаплина «Новые времена». Кураторы потчевали нас байками о непокорных роботах. Кивы сбегали на волю через дырку в заборе. Они пытались утащить стремянку со станции, когда работник еще стоял на ней. Изредка два Кива сталкивались – каждый со 165-килограммовым грузом, – как пьяные футбольные фанаты, бьющиеся грудью. Иногда Кивы роняли коробки. Или переезжали их. В апреле перцовый баллончик промышленного образца упал со стеллажа одного робота, а другой его раздавил. Со склада всех эвакуировали. Снаружи выяснилось, что семи работникам требуется медицинская помощь. Одного увезли в больницу.

Кроме буйных роботов, нам советовали избегать перенапряжения. «Готовьтесь к боли!» – предупреждал плакат на стене. Один из кураторов шутил, что день можно назвать удачным, если «ночью вы приняли только две таблетки обезболивающего». У стены стояли автоматы с самыми обычными бесплатными анальгетиками. Если хотелось чего-то брендового – или баночку энергетика, – их можно было купить в комнате отдыха.

Нам устроили экскурсию по зданию. На стенах висели плакаты с талисманом Amazon – бесформенным оранжевым мультяшным существом – и слоганами в духе Оруэлла: «Проблемы – это сокровища» и «Колебания – враг, такт – ключ». («Такт» – это местный сленг. Обозначает «желаемое время, за которое можно разгрузить одну единицу продукции». Тактами регулируется темп работ^[181].) Судя по большому календарю, в ноябре почти каждый день происходил «инцидент», связанный с безопасностью сотрудников. Наш гид указал на «стену позора», где висели анонимные досье опальных работников. Каждый был художественно оформлен: черный силуэт с красными печатными буквами поперек головы, складывавшимися в слова «АРЕСТОВАН» или «УВОЛЕН». Один крал айфоны, пряча их в подбитых металлом ботинках. Другого поймали за поеданием товара, который он должен был класть на полки (в досье было педантично упомянуто, что съел он на 17,46 доллара). Регламент здесь возведен в ранг закона. Мы должны были двигаться по проходам, отмеченным зеленой лентой; если кто-то срезал угол, его отчитывали. Когда я

отлучилась в туалет, то внутри кабинки обнаружила цветную диаграмму: цвет варьировал от бледно-желтого до жуткого красно-коричневого. Инструкция призывала меня найти оттенок своей мочи, и, судя по диаграмме, мне следовало пить больше воды.

Неделю я провела на складе в хроническом когнитивном диссонансе. В начале каждой смены менеджер лет двадцати со светлыми волосами, забранными в хвост, щебетала: «Здра-а-авствуйте, ребята!» – своему на 90 процентов пожилому отряду, а ее ассистент вел нас на участок. Потом я сканировала штрихкоды на чем только можно: от фаллоимитаторов (компании «Седьмое небо») до пистолетных кобур (с зернистой и прорезиненной текстурой) и подарочных карт за 25 долларов (их было сто сорок шесть, и каждую приходилось сканировать отдельно).

Однажды Кив тащил стеллаж к моей станции. В воздухе повеяло тошнотворным парфюмом, и чем ближе подъезжал робот, тем сильнее становился запах. Почему-то он напомнил мне о... колледже. Когда полки оказались передо мной, я обнаружила восемнадцать коробок с ароматпалочками с пачули, которые дожидались, когда их отсканируют. Мои руки пропитались этим запахом.

Меня стошнило; закончив работу, я нажала кнопку, чтобы робот уехал. Справа три других робота дожидались своей очереди, как терпеливые лабрадоры. Когда вонючий стеллаж отъехал, на его место приехал более освежающий. Но через пять минут вернулся пропахший пачули робот. Я снова всё отсканировала и быстро отослала его обратно. Еще через пять минут он опять вернулся. Я не могла понять: это доказательство того, что люди умнее роботов? Или робот, возвращавшийся ко мне снова и снова за бесконечным пересчетом товаров, засекает время? После того как я в третий раз отсканировала «ароматный» стеллаж, моя смена закончилась. На выходе я присоединилась к коллегам. Они сразу почувствовали запах. «Хоть сейчас на дискотеку!» – изрек Кит.

Следующая ночная смена должна была стать моей последней. Еще несколько часов я работала с Кивами. Я пыталась мысленно успокоить себя. Другая работница CamperForce, седовласая пожилая женщина, как-то сказала мне, что готова была уйти, поскольку роботы сводят ее с ума. Кивы постоянно привозили ей одну и ту же полку. Это напоминало мою проблему с пачули. После того как это случилось три

раза подряд, робот переключился на ее мужа, который работал в восьми метрах от нее. К нему он приезжал шесть раз. Она рассказала мне это, когда мы возвращались из комнаты отдыха и прошли мимо жизнерадостной на вид уборщицы, которая мыла туалеты. Замолчав, моя собеседница уставилась на женщину и спросила: «Как она получила эту работу? Я бы лучше этим занималась! Лучше бы я туалеты мыла!»

К концу той смены менеджер попросил меня отсканировать коробки в секции, куда отправлялись умирать все сломанные товары. Но надпись на моем сканере настаивала, что я должна запустить грузоподъемник (я понятия не имею, как это делать). Менеджер не знал, что предпринять. Мы продолжали перезагружать сканер. В конце концов я убедила его пойти в секцию со сломанными товарами. Спустя несколько часов учета побитых банок, раздавленных коробок и странного подарка с надписью «полотенце для задницы/лица» моя смена закончилась.

Я прошла мимо трех коллег, которые устали выполнять неадекватные команды сканера. Они сидели за стеллажами, обессиленно привалившись к стене. Пора было уходить, но я еще не решила, как это сделать. Во мне проснулся вредитель. Нам говорили, что есть один поступок, который приведет к немедленному увольнению. Что, если я беспечно, сломя голову выбегу на поле Кивов? Я уже думала об этом раньше. Каково это – броситься в неосвященные проходы, наталкиваясь на занятых своим делом Кивов, как сумасшедший паркурщик? Сколько времени «Амнистия» будет меня ловить? И что будет потом? (Бывали и более странные происшествия. Позже мне рассказали, что одну парочку влюбленных уволили после того, как они попытались устроить свидание в запретной зоне.)

Но я пришла сюда за материалом для исследования, а не для того, чтобы разыгрывать сцены из «Храброго сердца». И я не хотела лишиться своих записей. Все они были скрупулезно зафиксированы в блокноте, который лежал у меня в заднем кармане. Также я вполголоса надиктовывала наблюдения на свой диктофон, скрытый в ручке, и снимала короткие видео на камеру, которая была похожа на брелок. Оба устройства висели на моем шнурке с бейджем.

Я направилась к проходной на выходе. Положив шнурок – и всё, что на нем, – в специальную корзину для ключей и мелочи, я подтолкнула ее к охраннице, а сама прошла через рамку металлоискателя. Я нервно переводила взгляд с корзинки на охранницу, но она едва взглянула на мои вещи. Вместо этого она посмотрела на меня, вскинув брови, как будто говоря: «Чего вы ждете?» Я пожелала ей спокойной ночи и ушла.

Часть III

Глава 10. Слово на букву «Б»

Через несколько недель после того, как Линда переехала в гостиницу «В тесноте», Лавонн в одиночестве припарковалась в Сан-Диего. Она тайком жила здесь. После нескольких тяжелых месяцев она была в мрачном настроении. Ее прежний дом – коричневый GMC Safari 2003 года по имени «Лавэнн» – сломался после последнего РТР, и она осталась в Эренберге без денег на ремонт. К тому же она всё еще должна была выплатить несколько тысяч долларов за сломавшуюся машину, которая и раньше несколько раз глохла. Она решила остаться на месте и подождать, когда придет пенсия. Лори – женщина, которая жила с сыном в джипе, – ездила с ней по магазинам. Лавонн также нашла утешение в своем новом попутчике – невоспитанном щенке по имени Скаут, которого недавно родила собака Лори.

Лавонн прожила в сломанном фургоне полтора месяца, а температуры за окном повышались, и племя покидало Эренберг. Наконец она смогла заплатить за то, чтобы ее машину отвезли к мастерской, где починка двигателя стоила 3000 долларов. Лавонн такая сумма была не по карману. Выгуливая Скаута, она заметила неподалеку почти новый Chevrolet Express на двенадцать человек, выставленный на продажу. Из офиса вышел сотрудник. Он сказал, что может договориться о кредите, несмотря на плохую историю Лавонн. Тут нет ничего удивительного: в последнее время автокредиты стали обыденностью.

Лавонн не была уверена, что это выгодно, но что ей оставалось делать? «Если бы я не купила его, я осталась бы без дома», – позже вспоминала она. Она назвала автомобиль «Лавэнн Второй»^[182].

И тут всплыло неприятное слово на букву «Б»: *бездомный*. Большинство кочевников бежали от этого ярлыка как от огня. У них просто нет недвижимости. «Бездомные» – это другие, не они.

Но даже когда Лавонн сбежала из Эренберга и вернулась в Сан-Диего, назойливое слово продолжало ее преследовать. В своем блоге она писала:

– Если ты живешь в машине в черте города, люди считают тебя бездомным.

– Когда люди считают тебя бездомным, ты начинаешь чувствовать себя бездомным.

– И ты начинаешь прятаться ото всех... из кожи вон лезть, чтобы выглядеть «нормальным»...

– И когда явно бездомный человек, который на твоих глазах прятал свою сумку со всяким мусором в кустах рядом с твоей машиной, каждое утро улыбается тебе и здоровается, как старый знакомый, это как минимум выбивает из колеи.

– Ведь ты понимаешь, что присоединился к многочисленной армии тех, кто живет на улице, и на самом-то деле между вами двумя не так уж много разницы^[183].

Спустя несколько дней Лавонн выложила признание, пронизанное чувством вины. Она написала, что брала микрокредиты, чтобы доживать до конца месяца, каждый по 225 долларов, и за неделю к ним прибавлялись 45 долларов процентов. Ей было грустно и стыдно. Самир, ее друг по РТР, который путешествовал со своим чихуа-хуа мистером Пико, быстро откликнулся:

Мне очень жаль, сестра, что я сейчас не рядом с тобой и не могу тебя обнять. Я бы очень хотел, чтобы ты почувствовала, что не одинока. Я помню, как мы с мистером Пико сидели в лесу в Долорес, за восемь дней до выплат, и стрелка на приборной панели показывала, что бензобак почти пуст. Пять дней мы еще ели, еще два сидели на воде...

...Непросто принять бедность и тот факт, что тебя можно счесть обездоленным. Нам говорили, что эта жизнь волнующая и полна приключений; так и есть. Но правда в том, что большинство из нас встают на этот путь из-за проблем с деньгами... Вот совет от твоего брата Самира... Уезжай из Калифорнии, покинь улицы Сан-Диего, где тебя считают бездомной. Помнишь, как ты останавливалась в лесах и пустыне... Приезжай в лес или пустыню и живи с твоим народом, который тебя любит и позаботится о тебе.

Твой брат Самир

Самир и Лавонн не были наивны. Они знали, что в глазах закона они бездомные. Но кто смог бы жить под гнетом этого ярлыка? Слово «бездомный» разрослось за пределы буквального значения и стало страшной угрозой. Оно шепчет: *«Изгнанники. Падшие. Другие. Те, у кого ничего не осталось»*. «Неприкасаемые в нашем обществе», – написала Лавонн в своем блоге.

«Поначалу я боялся, как люди воспримут то, что я живу в машине, – сказал мне Самир во время интервью. – Я не хотел, чтобы меня называли бездомным». Это слово было ему неприятно. Однажды он поехал в своем фургоне к своей сестре на Рамадан. В итоге она выставила его, сочтя «бездомным бездельником», который подаст плохой пример ее детям. «Я считаю, что моя семья могла бы быть добрее». Он немного помолчал, потом продолжил: «То, как мы определяем себя, действительно важно: если ты едешь по дороге, называя себя бездомным или еще каким-нибудь негативным словом, то ты в беде. Пол Боулз писал об этом в книге “Под покровом небес”^[184]. Он говорил о разнице между туристом и путешественником».

Самир помолчал. «Я путешественник». В своей книге Боб Уэллс проводит четкую границу между обитателями машин и бездомными. Он считает, что кочевники – люди, сознательно вышедшие из прогнившей, нефункциональной системы общественного строя. Возможно, они и не выбирали такой образ жизни, но они его приняли. С бездомным всё иначе: «Он может жить в машине, но оказался там не потому, что ненавидит законы общества. Нет, у него только одна цель: вернуться под ярмо этих законов, где он чувствует себя комфортно и в безопасности»^[185].

Оказывается, идея выбора собственной судьбы здесь крайне важна. Я раз за разом это слышала: какими бы ничтожными ни были варианты, главное – сама возможность выбора. Ghost Dancer, который вел свою группу кочевников на Yahoo, так говорил мне во время интервью: «Экономическая ситуация не улучшается. У тебя есть выбор: быть свободным или бездомным».

Общественная язва – только часть проблемы. С теми, кто выбрал кочевой образ жизни, могут случиться неприятности – нечто похуже оскорблений. В последнее время Америка крайне недоброжелательно относится к тем, кто отказывается от традиционного жилья. В 2016 году в New York Times можно было прочесть следующее.

Пакет законов, криминализирующих отсутствие жилья, начинает активно действовать в стране, в том числе в таких местах, как Орландо, Санта-Крус и Манчестер. К концу 2014 года в более чем ста городах сидеть на тротуаре стало преступлением; это на 43 процента больше по сравнению с 2011-м, согласно исследованию 187 самых крупных городов Америки, проведенному Национальным правовым центром по бездомности и бедности. За тот же период число городов, запретивших ночевку в машинах, возросло с 37 до 81. Подобные меры внедряются вместе с программой реновации, которая проходит в таких городах, как Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Вашингтон и Гонолулу, способствуя увеличению цен на жилье и росту числа бездомных^[186].

Такие законы ставят собственность выше людей. Они говорят кочевникам: «Ваша машина может находиться здесь, а вы нет». По всей стране этот процесс, который сигнализирует о мрачном смещении общественных ценностей, обычно замалчивается.

И это происходит не только в городах. «Экономическое профилирование» ведется и за их пределами. В Национальном лесу Коконино в Калифорнии лесники требовали у приезжих в фургонах назвать свой домашний адрес. Любого, кто выдаст свою принадлежность к кочевникам – наклейка из поселения в Кварцсайте уже считается доказательством, – могут оштрафовать и выгнать за «постоянное проживание» в лесу^[187]. А в Statesman Journal недавно писали, что Лесная служба США разрабатывает приложение для смартфона, с помощью которого местные жители смогут доложить властям о предполагаемых длительных стоянках^[188].

К бродягам давно относятся с неприязнью. В 1930-х, когда начался бум на трейлеры, СМИ описывали их обитателей как растущую угрозу благосостоянию среднего класса. Это перемещающаяся опасность. Тунеядцы. Халявщики. Разносчики болезней. Безродные. Бродяги. Бездельники. Паразиты. Трутни.

«Цыгане на машинах платят за социальные услуги меньше, чем любой другой гражданин в современных одержимых налогами США», – сокрушалась редколлегия New York Times в 1937 году^[189].

«Кто должен нести ответственность за бродяжек, которые живут то там, то здесь, точно скваттеры, ни к чему не прикреплены, как перекасти-поле, не платят никаких налогов и творят новые трущобы на колесах?» – вопрошал в тот же год журнал Fortune^[190].

Одна компания, Caravan Trailer, высмеяла эти возмущения, дав негласное название своей бюджетной модели трейлера трех метров в длину и стоимостью 425 долларов: «Неплательщик»^[191].

Мода на трейлеры 1930-х прошла. Большинство ее последователей вернулись в лоно восстановленной экономики. Но многие из современных кочевников, с которыми я общалась, говорят, что никогда не вернуться. У них нет планов вновь замуровать себя в традиционных домах. А это значит, что многим придется жить скрытно, в бегах, до самой смерти.

Той весной, когда Лавонн скрывалась в Сан-Диего, она один раз услышала «стук». Всё могло закончиться гораздо хуже. Офицер Нуньес оказался дружелюбным. По его словам, он хотел убедиться, что она жива. Он должен был проверить, не варит ли она наркотики. Лавонн понимала, что ей повезло. Ее машина была новой и чистой. Собака – прелестной. Сама она – белая. Он не выписал ей штраф. Но офицер Нуньес записал ее имя, номера, марку и модель «Лавэнна Второго». А это значило, что ее засекли и скоро нужно будет уехать^[192].

Глава 11. Домой

Через две недели после того, как я покинула CamperForce в Техасе, наступил День благодарения. Я позвонила Линде, чтобы поздравить ее с праздником и узнать, как она.

Новости были неутешительные. Ее семью выселяли из арендованного дома в Мишен-Вьехо. Ее зять перестал получать временное пособие по инвалидности, которое ему назначили после того, как из-за головокружений и мигрени он был вынужден оставить работу в офисе. Они не могли больше оплачивать аренду, и Линда отдала им свой старый фургон, который отдыхал на стоянке (она едва не продала его летом, но сделка не состоялась). Линда была рада, что ее восьмиметровому El Dorado нашлось применение, но боялась, что в нем не хватит места двум взрослым, трем подросткам и четырем собакам. Предполагалось, что ее дочь Одра и зять Колин будут спать в спальне, внук Джулиан – в отсеке над кабиной водителя, внучки Габби и Джордан – на разложенном обеденном столе, а собаки – где найдут место.

Семья собиралась продавать всё свое имущество, освободив дом площадью 185 квадратных метров и гараж рядом с ним. «Они были похожи на барахольщиков, которых показывают по телевизору», – рассказала мне Линда. Всем детям Одра раздала по контейнеру. Всё, что они хотели забрать, должно было туда поместиться. Линда помогла организовать масштабную распродажу во дворе. Здесь были коробки с одеждой и книгами, скейтборды и каркасы кроватей. Платья аккуратно висели на заборе с краю лужайки. Джулиан, талантливый музыкант, расставался почти со всеми своими инструментами, в том числе с любимым аккордеоном. Джордан, подающая надежды визажистка, отдала большую часть своего обширного гардероба. («Она всё еще не может с этим смириться», – коротко сообщила Линда.) За две недели распродажи они выручили 1000 долларов. Несколько покупателей видели припаркованную рядом гостиницу «В тесноте» и спрашивали, сколько она стоит. Их интерес льстил Линде, но она сказала, что трейлер не продается.

Хотя внешне Линда не унывала, кризис подкосил ее. «Я ужасно утомилась, – говорила она мне. – Я по-прежнему помогаю им, но уже

не так активно». Однако традиционный ужин в День благодарения состоялся – в опустевшем доме. В ближайшем супермаркете закончились индейки, но они обошлись и ветчиной.

В конце декабря мы с Линдой снова созвонились. Она рассказала мне, что Лавонн приехала в Мишен-Вьехо и помогает ей устроить семью в фургоне. После этого Линда готова была вернуться на дорогу. Все расстроились, что она не останется на Рождество. Одра расплакалась.

Из Мишен-Вьехо Линда и Лавонн направились в Slab City – растущее поселение бродяг и кочевников у Солтон-Си. Они давно слышали об этом месте и хотели увидеть его своими глазами. Когда они приехали, было слишком темно, чтобы осматривать окрестности, и они легли спать. Наутро они увидели вокруг горы мусора. В машине Лавонн они поехали подыскивать участок получше. Одна знакомая Лавонн из Facebook жила в Slab City. Когда они встретились, та будничным тоном сообщила, что они ночевали там, «где тусуются нарики». У Линды душа ушла в пятки. Гостиница «В тесноте» и ее джип всё еще были там. Что, если кто-то вломился внутрь? Они бросились обратно. С домом Линды всё было в порядке, но тревога не прошла. Она и Лавонн сразу же уехали, чтобы присоединиться к племени РТР в Эренберге.

После стольких напряженных недель было особенно здорово встретиться с друзьями. Линда и Лавонн решили остановиться в городе на какое-то время и арендовали почтовый ящик. (Линда объяснила, что они поровну оплатили счет со своих кредиток, и сказала, что у Лавонн нельзя брать займы, поскольку она никогда не примет деньги обратно, хотя сама всегда рада поделиться: «Если кому-то нужны 50 долларов, а ей только что пришла пенсия, она обязательно одолжит их».) Излив друг другу душу по поводу несчастий бедной жизни, обе выложили в Facebook цитату из романа Курта Воннегута «Бойня номер пять».

Америка – богатейшая страна мира, но народ Америки по большей части беден, и бедных американцев учат ненавидеть себя за это. ...У всех других народов есть народные предания о людях очень бедных, но необычайно мудрых и благородных, а потому и больше заслуживающих уважения, чем власть имущие и

богачи. Никаких таких легенд нищие американцы не знают. Они издеваются над собой и превозносят тех, кто больше преуспел в жизни^[193].

Однажды вечером Лавонн не могла найти в фургоне свой кошелек. Удивительно, как легко теряются вещи в небольших помещениях (некоторые ее знакомые называли это явление «черная дыра фургонов»), так что Лавонн просто пожала плечами и пошла в гостиницу «В тесноте» поболтать с Линдой, которая угостила ее шоколадом. («Я люблю Линду. Она – друг, которого я всю жизнь мечтала найти: никаких осуждений и споров, только дружба, любовь и поддержка. К тому же она меня кормит», – писала позже Лавонн в своем блоге.) Внезапно забеспокоившись, Лавонн пошла к себе. Худшие опасения подтвердились: дверь захлопнулась, она осталась снаружи. Ключи были в зажигании, а ее пес Скаут сидел внутри. Лавонн и Линда попытались открыть дверь, но безуспешно. Они пошли к Бобу, но тот тоже не знал, как им помочь. Они позвонили в аварийную службу, но диспетчер отказалась посылать специалиста за город. Поскольку у Скаута были вода и еда, они решили подождать и решить проблему при свете дня. Лавонн уснула на крошечном матрасе гостиницы «В тесноте» рядом с Линдой, которая записала на диктофон ее храп. Наутро она включила запись Лавонн – «звучит как мяуканье!» – а вскоре пожарные освободили Скаута из заточения. Бедный пес везде нагадил, так что большую часть дня Лавонн провела в прачечной^[194].

Накануне Рождества на вечеринку в складчину пришло около двадцати человек. Линда познакомилась со Сванки Вилс. Киндал, которая стригла участников РТР, повеселила друзей забавной инсталляцией «Камневик» – горкой камней с носом-морковкой. Лавонн и еще несколько человек обсуждали возможную поездку в Лос-Альгодонес. (Линда тоже хотела к ним присоединиться, но для этого требовался паспорт, а чтобы его получить, нужно было продлить истекшую в июне водительскую лицензию по новому адресу в Эренберге.)

Рождественским утром Киндал и ее муж раздали подарки – упаковки влажных салфеток, украшенные праздничными рисунками, и

сладости, – а Линда приготовила для Лавонн особый завтрак: тыквенные блины с клюквенным соусом по рецепту Сванки.

Линда о многом мне рассказала в тот раз, когда мы созвонились в декабре. Она заплатила 30 долларов за индикатор оксида углерода, но уронила его в туалетное ведро. Она только что закончила читать мемуары певицы Синди Лопер.

А в Кварцсайте на долговременной стоянке один кочевник и две его кошки чудом выжили после пожара, случившегося из-за возгорания плитки. Машина и всё имущество сгорели.

Линда хотела узнать, приеду ли я на РТР в 2016-м. До него оставалось недели две. Она будет там, в первый раз после своего дебюта в 2014-м, когда мы познакомились. Я сказала ей, что не упущу такой шанс.

В темноте, окутывавшей гравийную дорогу, я заметила вдалеке мерцающие красные огни. Линда зажгла аварийные сигналы, чтобы смогла в ночи найти стоянку РТР. Было уже десять часов, когда я подъехала на «Халене», но она вышла на улицу, чтобы выключить огни и поздороваться. Мы пошли в гостиницу «В тесноте», и Линда налила мне воды. Один из ослепительно ярких фонарей не желал выключаться. «Положи его в холодильник!» – пошутила я. Линда так и сделала.

Я приехала в Кварцсайт в середине января. К тому моменту половина мероприятий РТР уже завершилась. Из-за дождей начался фестиваль вяло: по такой погоде общаться проблематично, кочевники чаще укрывались в машинах. Но затем погода улучшилась. Вскоре гостей прибыло в четыре раза больше, чем в 2014-м; позже Боб говорил, что в тот раз на фестивале было около 250 человек. Несколько ветеранов и матерых интровертов предпочли остаться в стороне – их пугали внезапно нахлынувшие толпы. А один кочевник решил воспользоваться наплывом людей и предложил всем вместе поучаствовать в лотерее Powerball. Выигрыш в 1,5 миллиарда долларов должен был стать самым крупным в ее истории^[195].

Многие из старых семинаров проводились повторно, появились и новые мероприятия, в том числе лекция о маленьких машинах как

более дешевом и неприметном варианте домов на колесах. Среди выступающих был Дэвид Свонсон шестидесяти шести лет, в прошлом профессиональный гончар, который заработал себе артрит в обеих руках и теперь получал выплаты по инвалидности. Восемнадцатью месяцами ранее он переехал в Prius 2006 года, над которым долго издевались и который списали до того, как он купил его за 6000 долларов.

«Для меня в жизни важнее всего готовка и сон, и чувствую я себя авантюристом пенсионного возраста, – говорил он своим слушателям. – Я езжу по миру! Я отлично провожу время! Пока я могу готовить, пока у меня есть кровать, я не ощущаю себя бездомным, хотя мог бы им стать».

Дэвид продемонстрировал, как на место переднего пассажирского сиденья он поставил добротный рабочий стол: столешницу толщиной в пять сантиметров от его старого тикового стола, на котором он слепил сотни тысяч горшков. Теперь он установил на ней индукционную плитку, подключив ее к инвертору, работавшему от аккумулятора машины. На ночь столешница превращалась в платформу для надувного матраса и спального мешка. Чтобы можно было уединиться и закрыться от яркого света, Дэвид использовал темные шторы: по краю он пришил петли и повесил занавески на крючки над окнами. Чтобы увеличить пространство, он поднимал заднюю дверь и устанавливал в задней части машины палатку.

Также Дэвид заострил внимание на главном достоинстве Prius в качестве дома на колесах: исключительно умном генераторе. Даже ложась спать, он мог не отключать отопление и кондиционер от встроенного аккумулятора, поскольку двигатель сам включался пару раз в час, чтобы подзарядить его.

Стоит только привыкнуть – и жизнь в Prius покажется вполне комфортной. Так считал Дэвид. «Когда утром я подъезжаю к Starbucks и подключаюсь к их Wi-Fi, то кофе мне готовят быстрее, чем если бы я зашел внутрь и отстоял очередь», – объяснял он со смехом. А по вечерам, по его словам, он сидит на водительском кресле, прикрепив планшет к солнцезащитному щитку, и смотрит фильм, как в кино.

Через несколько дней после семинара по маленьким машинам РТР ожидало новое событие: местное шоу талантов. Линда зажгла свечи внутри пакетов из коричневой бумаги, придавленных к земле

камушками, – получились импровизированные огни рампы, озарявшие сцену теплым светом. Действо началось на закате. Были музыкальные номера: одна кочевница сыграла на барабане джембе, другой – на тибетских поющих чашах, а один гитарист исполнил песню группы Bottle Rockets^[196] со словами «За тыщу баксов тачка – хоть сразу в печь. Ты можешь взять эту тыщу баксов и просто сжечь». Были юмористические номера: про осьминога, влюбившегося в волынку, и серия коротких юморесок в стиле «Кочевничество – дорогой способ стать бездомным». Голый по пояс акробат сцепил руки за спиной, а потом вывернул плечи и пронес руки над головой так, что они оказались спереди. Профессиональный каратист одной рукой разбил напополам деревянную дощечку. Какой-то шумный пьяный постоянно всех перебивал и орал: «Хулио! Хулио!» – обращаясь к собаке, которая пыталась укусить танцора за ноги. Зрители неприязненно на него поглядывали, а когда поняли, что это не сработает, то шикнули на мужчину и увели со сцены его собаку.

Атмосфера была бодрая, но чувствовалось какое-то подспудное напряжение, которого я прежде не ощущала. На одном семинаре Боб рассказал о программе, усилившей стандарты безопасности при получении водительских прав. Много лет кочевники в качестве адреса постоянного места жительства использовали адреса местных сервисов по пересылке почты. Теперь сотрудники дорожной службы стали отслеживать адреса по интернету. Если те были зарегистрированы на юридическое лицо, то они требовали адрес фактического места жительства. Программа, нацеленная на борьбу с терроризмом, ставила палки в колеса кочевникам, которым приходилось изобретать обманные схемы: говорить, что они живут с семьей или друзьями, или называть адрес какого-нибудь выставленного на продажу дома. «Власти хотят, чтобы мы жили в домах, – предупреждал Боб своих слушателей. – Они знают, чем мы занимаемся, и с каждым днем сильнее сжимают свои тиски».

Примерно тогда я задумалась: что ждет всех этих людей? В частности, мне было интересно, горит ли Линда по-прежнему своей идеей экодому. Несколько месяцев назад она упомянула, что снова поменяла место поисков (Видал, рядом с рекой Колорадо), но на РТР она об этом не распространялась. Когда я спросила напрямую, она

слегка отстраненно сообщила мне, что во время недавней распродажи в Мишен-Вьехо избавилась от нескольких книг об экодомах.

За эти годы я не раз слышала, как кочевники обсуждали план покупки общего участка земли. Но, видимо, их надеждам не суждено осуществиться. Я знала нескольких людей, которые сошли с дороги благодаря взрослым детям: те либо пустили их к себе, либо арендовали для них квартиру. Но не у всех есть дети. А у нового поколения имеются свои финансовые проблемы. Некоторые взрослые дети едва способны обеспечить себя, о родителях и говорить нечего.

Я слышала о доме престарелых в Техасе, где привечали кочевников, которые уже не могли водить машину. Он находится рядом с большой парковкой для автофургонов в городе Ливингстон. Постояльцы жили в своих домах на колесах. Но аренда места стоила 850 долларов в месяц. За уход нужно доплачивать еще 200 долларов в неделю. Большинство из тех, кого я встречала, не могли себе этого позволить.

Иногда мне рассказывали действительно страшные истории. Айрис, кочевница с говорящим попугаем, вспомнила, как ее знакомый по имени Рон допился до смерти, живя на парковке Walmart в шестидесяти километрах от Кварцсайта. Его тело нашли только спустя месяц. Бекки Хилл, волонтер в миссии Исайи, упомянула о восьмидесятилетнем старике, который жил у них три месяца. Потом его нашли мертвым в фургоне в пустыне около Эренберга. «Некому было ему помочь», – вздохнула она.

Работница CamperForce, которую я опрашивала четыре года назад, умерла в феврале. Когда я познакомилась с Патти Дипино, ей было пятьдесят семь и она раскладывала товары в ночную смену на складе Amazon в Коффивилле. Она пригласила меня поболтать в свой Ford Montera 1993 года.

Патти рассказала мне, что была бухгалтером в строительной компании в Денвере, но осталась без работы, когда компания закрылась в 2009-м. Примерно в то же время из-за сумбурного бракоразводного процесса она лишилась дома. Тогда Патти переселилась в фургон и попыталась снова влиться в ряды постоянных работников. Уверенная, что тридцать лет трудов в офисе что-то да значат, она несколько лет рассылала по разным сайтам тысячи резюме. Но рынок труда неблагоприятен к пятидесятилетним безработным женщинам. Никто не откликнулся.

Патти налила мне чашку черного кофе. Она говорила о Самми, своем любимом двухкилограммовом чихуа-хуа, о том, как побывала на фестивале в Кварцсайте, о своих планах устроиться на работу в Adventureland. Она рассказала анекдот: «Бухгалтеры не умирают, их просто сбрасывают со счетов». Рассказала о своем хобби: вязать пледы для солдат-инвалидов, которые лишились конечностей в Афганистане (одна из ее дочерей, служившая на море, предложила распространять их в Калифорнии).

Патти радовалась, что может заработать 10,5 доллара в час на складе Amazon, но не хотела тратить сбережения там же. «Я говорю людям: “Знаете что? Не ходите в Walmart, не покупайте на Amazon. Идите на улицу, купите у местных торговцев, ударьте по карманам большим братьям”, – рассказывала она. – Ведь богатые становятся богаче, пока мы беднеем».

Патти не хотела кочевать всю оставшуюся жизнь. Она мечтала о постоянном месте жительства. «Я бы хотела, чтобы в каком-нибудь округе пожилым гражданам разрешили разбивать собственные сады, а также получать газ, топливо и всё такое, – говорила она. – Кухня у меня есть, так что готовить – не проблема. Люди не понимают, сколько ресурсов у нас имеется. Если есть сад, то есть и еда, потому что многие из нас умеют за ним ухаживать. Мы научились этому много лет назад».

Патти умерла в возрасте шестидесяти лет. Я выяснила, что она лечилась от рака и проходила курс химиотерапии. На ее страничке в Facebook кто-то из друзей оставил памятную надпись, прочтя которую я чуть не расплакалась:

Ты наконец свободна от долгов и живешь в нетленном доме!
Больше никаких холодов канзасской пустыни! Больше никакой тесноты. Как я всегда говорил, вешая трубку: «Я люблю тебя, Патти. Я буду очень скучать».

Как-то раз я спросила таролога Сильвиану о ее долгосрочных планах. «Кажется, я буду всегда так жить, – ответила она. – Пусть даже в итоге всё выйдет как в “Тельме и Луизе” и мне останется только пустить машину под откос».

Я спрашивала и у Айрис. «Ищите меня мертвой в пустыне, – был ее ответ. – Засыпьте меня камнями и отпустите».

У Боба были более прагматичные планы на старость: «Я выкопаю большую длинную траншею, куплю дешевый списанный школьный автобус и засыплю его целиком с одной стороны, а с другой окна будут выходить на юг. Развалюху можно купить за 500 долларов. Железо там прочное, простоит долго». А когда так жить станет невозможно, он собирался уйти в глушь и пустить себе пулю в лоб. «Мой долгосрочный план медстраховки – побелевшие кости в пустыне», – сказал он^[197].

Этот мрачный конец говорил еще кое о чем: Боб не верил в счастливое будущее цивилизации. Он считал, что человечество придет в упадок под натиском надвигающихся экологических и экономических катастроф. Он предчувствовал кризис, по сравнению с которым «Великая депрессия покажется солнечным деньком».

Пока Боб размышлял о судьбах перенаселенной планеты, кое-кто из читателей его блога беспокоился, что даже кочевничество становится слишком популярным. Они хотели, чтобы Боб и другие проповедники перестали говорить об этом образе жизни. Ведь если привлечь к ним еще больше внимания, остаться в тени не удастся и полиция займется ими.

Как-то раз я подъехала к палатке с тако в Кварцсайте, которую держал некто по прозвищу Грампи Гринго. Он уже больше года пытался продать бизнес, постепенно снижая цену, но желающих не находилось. Когда я заказала буррито, он рассказал, что хочет написать сценарий к фильму о пожилых, приезжающих в Кварцсайт умирать. Заметив мое изумление, он пояснил, что за прошлый год в городе насчитывалось пять или шесть случаев самоубийства. «Тут ничего нет», – мрачно заключил он. Я взяла свою еду и ушла.

Вернувшись на РТР, я пересеклась с Питером Фоксом шестидесяти шести лет, с которым познакомилась в прошлом году. Тогда он только примерялся к жизни кочевника и приехал на арендованном фургоне Westafalia. Проработав двадцать восемь лет в Сан-Франциско в сфере пассажирских перевозок (водителем, диспетчером и менеджером), он в

итоге остался ни с чем из-за политики Uber. «Теперь у нас экономика совместного потребления – экономика “пройди-по-головам-маленьких-людей”, – хмуро говорил он. – Я дошел до того, что уже не мог платить и за еду, и за жилье». Он попытался продать свою лицензию, рассчитывая получить за нее 140 000 долларов и жить на проценты. Но город контролировал продажи, и спрос был низкий. Питер все еще ждал откликов. За последние полгода он переехал в белый Ford E350 на двенадцать человек, который назвал «Пеликан» («Потому что они летают низко и медленно», – пояснил он). Внутри у него стояла статуэтка Ганеши – индуистского бога, устраняющего препятствия.

Питер надеялся найти временную работу, и мы на прицепе добрались до «Большой палатки». Я наблюдала за ним, когда он подошел к одной палатке, где набирали зрителей лагерей – «Меня выгнали на пенсию, мне нужны деньги», – и оставила его проходить собеседования.

Быстренько пообедав в городе, мы пустились в обратный путь. «Примерно в это время я каждый раз осознаю, что это не отпуск и не поездка, – сказал он мне. – *Это конец*».

Через пару дней мы сидели и болтали на брезенте за его машиной. «Мне всё еще то страшно, то весело», – признался он. Мы заговорили о будущем. «Куда отправляются люди, когда становятся слишком старыми, чтобы кочевать и жить в машинах?» – размышлял он. Он рассказал мне, что благодарен медсестре с РТР, которая вскрыла ему нарыв на пальце. Он подумал, что было бы хорошо, если бы организовали мобильные команды врачей или какие-нибудь медпункты для кочевников, особенно в государственных парках и других местах, где собираются люди. Он также полагал, что хорошо бы основать некоммерческий фонд для стареющих кочевников. Может, кто-нибудь захочет внести пожертвование? Он хотел назвать его Hello in There^[198], в честь одноименной песни автора-исполнителя Джона Прайна. Я ее не слышала, так что он вытащил гитару, ноты и заиграл. На припеве его голос резко усилился: то была мольба об общечеловеческой теплоте и поддержке, которые облегчат стариковское одиночество.

Я спросила, какие у него планы.

«Не умирать. Не стареть, – ответил он. – Я не знаю». Если всё будет совсем плохо, добавил он, то племянник и племянница готовы

приютить его.

В конце РТР кочевники сделали маленький автофургон из картонной коробки с логотипом Amazon. Все на нем расписались. Ночью они бросили этот символический предмет в костер. Новый ритуал они назвали Burning Van^[199] и сопровождали его песней на мотив Little Boxes – сатирической оды мещанскому традиционализму, написанной Мальвиной Рейнольдс в 1962 году.

Вот фургончики в пустыне,

Вот фургончики из дребедени,

Вот фургончики в пустыне –

Каждый на свое лицо.

Этот белый, тот вон белый,

Снова белый и в маргаритку,

Все они из дребедени –

Каждый на свое лицо.

А кочевники на колесах –
На свете они всех добрей,
Но они не встанут в стойло
И не будут жить как все.

Мы все дружим,
Мы одна семья,
Нам так чудесно вместе
Тут в пустыне, где на мили –
Одинаковый пейзаж...

Ни шатра у нас, ни ванной,
Да и сценой не обзавелись,
Но костер нас всех подружит –
Человечков из дребедени,
Непохожих на других.

Кочевникам понравилась церемония, они решили сделать ее ежегодной традицией. Кто-то предложил в следующем году собрать машинку из фанеры, чтобы она дольше горела.

Линда получила сообщение от семьи. Ее внуки теперь жили в палатке рядом с фургоном. Во время грозы тент сорвало, и они промокли. Вода прибывала и снизу. Одна из внучек Линды пыталась пропылесосить пол палатки, но не знала, что пылесос втягивает песок и в ткани образуются крохотные дырочки. Они заклеили всё скотчем. Они старались как могли.

У Линды тем временем появились новые проблемы. Она сказала мне, что по ночам, сидя за рулем, она стала видеть перед глазами черное пятно. Приборная панель на джипе перестала работать; она заметила это, когда ехала по пустыне вдоль реки Скаддан-Уош по дороге из города. «Без спидометра мне кранты. Блин, – сказала она. – Вечно что-нибудь случается».

Она и Лавонн пытались найти временную работу на весну. Линда надеялась, что California Land Management оставит за ней еще один лагерь. Когда я собиралась уезжать с РТР, Линде позвонили: ей сказали, что вакансия закрыта.

Я думала, что на этом история закончится: Линда останется на РТР, начав новый цикл своей кочевой жизни в племени, которое стало ее семьей. За эти несколько недель ее дружба только укрепилась, и Линда вместе с некоторыми кочевниками отправилась в Эренберг. Там она свалилась с жутким бронхитом. Пока она лежала в гостинице «В тесноте», слишком слабая, чтобы готовить, ее временные соседи приходили к ней с едой: вареными яйцами, помидорами, сосисками. Подобное участие я видела год назад, когда кочевница Бет споткнулась, выходя из фургона (по имени «Чудовище»), и сломала

левую руку. Двое из ее племени устроили ей «реабилитацию покочевничьи», помогая делать то, что для человека с одной рабочей рукой невозможно: от завязывания шнурков до застегивания лифчика, пока она не выздоровела.

Через пару месяцев после болезни Линды мы созвонились, и у нее было чем меня удивить. Она нашла участок для своего экодому.

Она увидела на Craigslist объявление о продаже участка в два гектара у приграничного города Дугласа в Аризоне, на западной границе пустыни Чиуауа и в четырнадцати километрах к северу от мексиканской границы. Эту территорию она рассматривала и раньше, после своего первого РТР. Тогда она решила, что этот регион слишком далекий и изолированный. Теперь она думала иначе. «Часики тикают, – сказала она мне. – Сколько еще времени я буду достаточно сильной и здоровой, чтобы осуществить свою задумку? Будет так досадно: не пожить в доме, который я строила для себя». Я спросила, не боится ли она одиночества. «По этой дороге ездят многие друзья, они будут меня навещать, – сказала Линда, имея в виду свое кочевое племя. – Я не останусь там совсем одна».

Участок находился в сельской местности. Те, кто получал больше полутора гектаров земли, освобождались от строительных норм. Иными словами, это была одна из тех зон, которые изобретатель экодому Майкл Рейнольдс называл «островками свободы»: места, где нет бюрократии, где процветает экспериментальная архитектура. К тому же высота над уровнем моря была здесь 1280 метров – значит, летом не будет изнуряюще душно. А если станет слишком жарко, то можно пойти поработать смотрителем какого-нибудь лагеря в горах вокруг.

«Необработанная свободная земля, всё по закону, никакого электричества, отстойников и септиков», – значилось в объявлении, к которому прилагались фотографии бесконечной дикой пустыни без каких-либо домов поблизости. О недостатках в объявлении также упоминалось. Дороги поблизости заросли мескитовыми деревьями. Одна шла через высохшее речное русло, которое затапливалось во время грозы.

Линда соблазнилась ценой. Продавец хотел за участок 2500 долларов, которые можно вносить крохотными долями: двести сразу и двести каждый месяц, без процентов, пока не выплатишь всё.

Год назад, работая в лагере в горах Сан-Бернардино, Линда читала книгу по саморазвитию, написанную предпринимателем и называвшуюся «Воплощение идей. Как преодолеть разрыв между видением и реальностью»^[200]. Я спросила ее, зачем ей это. Линда рассказала, что сначала дала ее почитать зятю, но тот не заинтересовался, и она решила углубиться в нее сама. «У меня есть буксующий проект: экодом, – сказала она. – Почему у меня такой разрыв? Из-за финансов. Но насколько эта причина *существенна?*»

Она помолчала, глубокомысленно затянувшись сигаретой. Позже она сообщила, что может рассказать о своем проекте на РТР. Может, люди захотят ей помочь. «Хотите остановиться на моей земле? Цена: одна набитая землей шина в день! – со смехом говорила она. – Конечно, я заставлю их укомплектовать побольше шин, когда они приедут».

Когда Линда увидела это объявление, она работала в лагере в Национальном лесу Секвойя, более чем в двенадцати часах езды оттуда (ее снова наняли California Land Management; вакансия, которую ей обещали раньше, закрылась, но потом открылась другая). Линда не могла сама поехать и посмотреть участок. Поэтому она зашла на налоговый сайт округа и ввела номер участка: указанные долготу и широту она пробила по картографическому сервису MapQuest. На изображении со спутника появился участок цвета верблюжьей шерсти, поросший колючим кустарником. Повсюду струились пересохшие русла, напоминавшие линии на ладони.

Заплатив первый взнос, Линда написала в Facebook, что купила землю.

«ДА!!! Ты идешь к мечте, – написала Эш, одна из ее друзей по Amazon CamperForce. – Пиши, когда понадобятся рабочие на стройке!»

«Круто! Круто! Круто! Я завидую! Мы будем рады заехать и чем-нибудь помочь!» – написала Венди, еще одна кочевница, которая жила вместе с парнем и собаками в «крошечном доме на колесах»: бывшем школьном автобусе, который они оборудовали биотуалетом и печкой-буржуйкой.

Линда собиралась съездить на участок, когда закончится ее работа в лагере и перед тем, как начнется следующая – в Amazon. Ее коллега в лагере, кочевник по имени Гэри, также участник РТР, тоже хотел посмотреть ее землю – за это время они крепко сдружились. Он тоже

собирался поработать в Amazon. Гэри как будто увлекся Линдой, но она сама не знала, хочет ли романтических отношений.

Я спросила, могу ли поехать с ними. Линда согласилась, и я забронировала рейс до Финикса. Но буквально перед самым отлетом в середине июля я узнала, что их планы поменялись. У Гэри случился микроинсульт. Вместе с племенем РТР они с Линдой укрылись во Флатстаффе, где он восстанавливался. Они решили отложить поездку. Помимо здоровья Гэри, Линде внушала опасения летняя жара. Она думала, что в июле на ее участке будет около двадцати пяти градусов. Прогноз передавал, что ожидается все сорок. Кондиционер в ее автомобиле не работал. И ко всему прочему, Amazon назначила начало работ на 1 августа, и они должны были ехать на склад в Кэмпбелсвилле, чтобы присоединиться к CamperForce – в этом году их должно было собраться более 500 человек. Линда и Гэри планировали ехать медленно и отдыхать во время сильной жары. «Мне очень обидно, что я не могу съездить на свой участок», – поделилась Линда. Голос ее звучал изможденно.

Я всё равно решила не сдавать билет. Я уже забронировала место. Гектары Линды не были огорожены, кто угодно мог туда прийти. И я подумала, что визит туда даст мне ответ на насущные вопросы. Сможет ли будущее, которое Линда уже рисовала в своей голове, воплотиться на этом бесплодном участке пустыни? Или ее мечте не суждено стать реальностью?

Июльским вечером, в разгар сезона муссонных дождей в Аризоне, мой самолет приземлился в Финиксе. Когда мы вышли наружу, все телефоны – в том числе мой – писклявым хором оповестили о тревоге. На экранах высветилось предупреждение Государственной метеорологической службы о том, что на нас движется песчаная буря. Такие бури называют «хабубы» – к прискорбию некоторых жителей Аризоны, которые несколько лет назад требовали запретить метеорологические термины с арабскими корнями. «Меня оскорбляет, что на местном телевидении этот шторм теперь называют хабубом, – написал в Arizona Republic некий мужчина из Гилберта. – Как, по их мнению, должны чувствовать себя наши солдаты, которые возвращаются в Аризону и слышат, что сугубо местные явления называют такими именами?»^[201]

Воздух был спертым, сухим и горячим. В темнеющем небе вились частички пыли и песка. Они летали над белыми огнями на взлетной полосе, отчего те как будто окутывались молочным ореолом.

Я отрегулировала зеркала в арендованной Toyota Corolla («Хален» остался на востоке с семьей). Линда написала мне. Она только что остановилась на ночь в Эль-Рено, пригороде Оклахома-Сити, в 563 километрах от предыдущей стоянки в Тукумкари. Она хотела договориться о разговоре на завтрашний день.

Линда по-прежнему желала увидеть свой участок, но, поскольку она не могла поехать туда вплоть до января, когда закончится работа в Amazon, мы придумали новый план. Проведя ночь в Дугласе, я поеду в пустыню и подберусь как можно ближе к ее гектарам. Оттуда я пойду пешком с ноутбуком и смартфоном и с помощью GPS найду точное местоположение. Если сигнал будет хороший, мое видео в реальном времени будет транслироваться на телефон Линды. Она сможет смотреть и давать указания, говорить, что ей хотелось бы рассмотреть поближе. Точно пилот, издалека управляющий действиями низкобюджетного марсохода.

Разобравшись с разницей во времени, мы договорились начать на следующий день в час дня по моему времени и в три – по ее. Линда уже предвкушала дистанционный осмотр.

«Если успеешь, съезди посмотри на гостиницу Gadsden в Дугласе, – посоветовала она. – Там мраморные колонны и витражи, еще с того времени, когда туда все стекались на медные рудники». Затем она написала: «Ты сейчас в пути?»

Я ответила, что нет. Машина стояла на месте: я не писала сообщения за рулем.

«Хорошо, – ответила она. – В Дугласе есть Super Walmart, не забудь запастись водой».

Вода, солнцезащитный крем и шляпа, подтвердила я.

«Если ты там застрянешь... я могу связаться с человеком, у которого купила участок, – написала она, потом еще добавила: – Не застрейвай».

Если дорога окажется слишком мягкой, я просто припаркуюсь на асфальте и пойду пешком, ответила я ей. По-видимому, Линду это устроило.

«Ладно, не буду отвлекать, завтра поговорим, – написала она. – Ты сумасшедшая. Поверить не могу, что ты это делаешь!» И, наконец:

«Спокойной ночи».

К девяти вечера воздух очистился, ветер стих. Я выехала из Финикса по автостраде 10 и после полуночи была в Дугласе. На следующее утро я зашла на тот самый сайт и посмотрела спутниковый снимок прямоугольного участка Линды. Потом нашла тот же участок на Google-картах и пометила каждый угол виртуальной булавкой. Когда они сохранились на карте, то превратились в маленькие золотые звездочки. В пустыне материализовалось золотое прямоугольное созвездие почти в 14 километрах к северо-востоку от моего текущего местоположения, отмеченного на экране синей точкой.

Я пополнила запасы воды и выехала в жаркое утро. Сначала я остановилась на центральной улице Дугласа, где располагалась величественная историческая гостиница, о которой говорила мне Линда. Однако антураж вокруг нее пышностью не отличался: заброшенные здания, отслаивающаяся краска, крошащиеся фасады и заколоченные окна. По улице никто не ходил. С трудом верилось, что когда-то это был самый большой город в Аризоне^[202]. Основанный в 1901 году в качестве плавильного центра, где перерабатывалась руда из близлежащих медных шахт, Дуглас процветал десятилетиями. Но расцвет не длился вечно. Во второй половине XX века Америка осознала, какие риски для здоровья и окружающей среды несет с собой загрязнение воздуха. В 1955 году были проведены исследования, в 1963-м принят Закон о чистом воздухе^[203]. Однако местный металлургический комбинат, Douglas Reduction Works, находившийся во владении Phelps Dodge Corporation, ухитрялся вплоть до 1980-х обходить новые федеральные стандарты. К тому времени он стал основным производителем диоксида серы в Америке, ежегодно выбрасывая в воздух около 950 тонн токсичных веществ, из-за которых шли кислотные дожди. Дым был таким плотным, что один врач запретил своим пациентам физические нагрузки, боясь последствий, если они начнут тяжело дышать. «Когда совсем плохо, легкие как будто покрываются слизью», – сообщил Associated Press владелец кофейни, который увез свою семью оттуда^[204].

Агентство по охране окружающей среды предписало Phelps Dodge установить оборудование для регулирования выхлопов стоимостью полмиллиарда долларов. Компания предпочла закрыть комбинат^[205]. В середине января 1987 года четверо рабочих выгрузили последнюю

партию меди. Гигантские трубы перестали извергать клубы ядовитого дыма. Смог над долиной рассеялся. По грязному воздуху никто не скучал, но появились другие потери: 347 рабочих мест с общей оплатой в 10 миллионов долларов, почти четверть местного бюджета. Это взбесило жителей Дугласа, даже тех, у кого была работа. «Хотел бы я, чтобы они отправили всех этих козлов, которые закрыли комбинат, куда-нибудь в Россию или Канаду, – сообщил Boston Globe один работник пивной индустрии. – Насколько мне известно, это всё происки коммунистов»^[206].

Дуглас по-прежнему пребывал в упадке. Единственная в городе больница закрылась летом 2015 года, еще семьдесят человек лишились работы^[207]. Агломерации Дугласа и Сьерра-Висты, еще одного металлургического города, недавно вышли на четвертое место в списке самых быстро уменьшающихся городов Америки^[208]. С 2010 по 2015 год население Дугласа убывало быстрее, чем в двух других столицах промышленного пояса: Флинте и Янгстауне.

Когда я шла по центральной улице, на моих глазах разверзлась пропасть между золотым веком Дугласа и современностью. Напротив гостиницы Gadsden стоял столетний торговый центр, чья неоклассическая отделка (лепнина, орнаменты и зубчатые карнизы) теперь придавала заколоченным витринам неестественную торжественность. Рядом на козырьке опустевшего кинотеатра значилось «СЕГОДНЯ В ПРОГ ММЕ». Во время его открытия в 1919 году в рекламе этого кинодворца на 1600 мест его называли «лучшим кинотеатром между Сан-Антонио и Лос-Анджелесом», расхваливая такие его преимущества, как орган для сопровождения немых фильмов, чайная и кондитерская. В этом кинотеатре также выступали знаменитые артисты, от Джинджер Роджерс до Джона Филипа Сузы. Но расцвет телевидения в середине XX века привел к упадку пышных кинотеатров, и в 1958 году кинотеатр в Дугласе закрылся. Крыша впоследствии обрушилась. На руинах выросли деревья. В начале 1980-х энтузиасты купили здание за 1 доллар, но реставрация потребовала бы около 9,5 миллиона, и проект был заморожен. В 2000-х у заброшенного кинотеатра появилась хотя бы одна функция: жуткий дом на Хеллоуин. Чтобы скопить денег, волонтеры стали каждый год показывать здесь страшные представления, например сюжет про лабораторию с мумиями,

построенную реально существующим похоронным бюро, или сценку из «Кладбища домашних животных», которую разыгрывали ученики старших классов^[209].

Линду заинтересовало легендарное прошлое Дугласа, но нынешний упадок города ее не печалил. Для разного рода «переселенцев» это было подходящее место. Низкие цены на недвижимость уже приманили нескольких предпринимателей и деятелей искусства – от Роберта Уриба, который приехал в Дуглас из Манхэттена, открыл здесь кофейню и спустя четыре года был избран мэром города, до Гарольда Бланка, режиссера из Беркли, который строил музей творчески модифицированных транспортных средств. В их числе уже были катафалк с витражными окнами и готическими шпилями и мопед, украшенный 1045 пластиковыми лошадьми. Последний был творением вьетнамского ветеринара-алкоголика, который во время лечения приклеивал к мопеду лошадь каждый раз, когда хотел выпить^[210].

Но сейчас в Дугласе были и другие неурядицы. Линда, искавшая информацию об окрестностях своего нового дома, наткнулась на нечто зловещее. «Там серьезные проблемы с контрабандой наркотиков, потому что Дуглас расположен рядом с мексиканской границей», – рассказала она мне вскоре после того, как уплатила первый взнос. Она добавила, что почерпнула эту информацию из книжек о Дугласе, но не знала, насколько она актуальна теперь. Может, с тех пор ситуация улучшилась?

Читая о контрабанде, Линда узнала о самом знаменитом случае изъятия наркотиков. Это случилось в 1990-м, когда полицейские обнаружили почти стометровый туннель под границей^[211]. Через него контрабандисты поставляли кокаин; укрепленный бетонными плитами туннель уходил под землю на три этажа и начинался в доме в Агуа-Приета, где вход был тщательно замаскирован. Гидравлический лифт запускался с помощью водопроводного крана, он поднимал бильярдный стол – вместе с плитой под ним, – и внизу открывался проход с лестницей. Туннель был полтора метра в высоту, оборудован кондиционерами и электрическим освещением, а также насосом на случай затопления. По металлическим рельсам туда-сюда ездила тележка, вторая станция находилась в Дугласе под складом площадью в 186 квадратных метров, замаскированным под автомойку. Там груз

поднимали на поверхность с помощью лебедек, а рабочие перемещали его в грузовики. Полицейские были в восторге: нарkokоридор оказался хитроумным сооружением «в духе фильмов про Джеймса Бонда». Главарь группировки Хоакин «Эль-Шапо» Гузман хвастался тем, что его подчиненные построили «чертовски крутой туннель».

Линда с интересом об этом прочла, но информация не умерила ее желание поселиться в этом районе. «Бывший пограничник писал, что людей, доносивших в полицию, убивали. Информаторов, – будничным тоном пояснила она. – Да, контрабандисты убивают информаторов. Но я-то ни с кем из них не связана». Повесив трубку, я задумалась, не пытается ли Линда успокоить себя. Или меня. Или нас обеих. В любом случае она не преувеличивала, когда говорила, что Дуглас расположен прямо на границе. Через двенадцать домов от кинотеатра город – и страна – резко заканчивается у двух параллельных заборов, между которыми тянется залитая цементом канава, похожая на высохший ров (по официальным источникам, она называется «Международная траншея Дугласа»). Один забор – тот, что на стороне США, – сделан из сетки-рабицы, покрашенной в неприятный песочно-бежевый цвет. Забор со стороны Мексики, отмечающий официальную границу, похож на те, что можно увидеть в фильмах о тюрьме. Громоздкое ограждение из тяжелой стали поднимается вверх на пять с половиной метров и уходит под землю еще на два – два с половиной метра, чтобы исключить подкопы. Решетки черные, кое-где поеденные ржавчиной, их разделяют десятисантиметровые прорехи, в которые можно увидеть соседний мексиканский город Агуа-Приета: широко раскинувшийся промышленный мегаполис, раз в пять превышающий размеры Дугласа. Многие его жители работают на экспортных предприятиях, которые производят что угодно – от автомобильных запчастей и лекарств до штор, электроники и одежды.

Что касается контрабанды, то книга Линды не лгала. Неудивительно, что таможенники в Дугласе находят пакеты с травкой в панелях в задней части кузова или запасных шинах въезжающих автомобилей. (Реже это другие наркотики.) Недавно они поймали шестнадцатилетнего мексиканца, который пытался с помощью ремня безопасности перелезть через забор в Дугласе. Его задачей было собирать мешочки, уже переброшенные через забор со стороны Агуа-Приета, и класть их в курьерскую машину. За эту работу ему обещали

400 долларов; деньги ему были нужны, чтобы кормить маму и девятерых младших братьев и сестер^[212].

Таможенники рассказывали и о более экзотических ухищрениях. Например, некоторые контрабандисты сами скручивали канаты, чтобы перетягивать по ним свои пакеты – по принципу вагонетки на канатной дороге^[213]. Другой курьер с нестандартным мышлением попытался проникнуть в Дуглас через канализацию. Полицейские открыли люк и увидели, что на нем маска, баллон для дайвинга и черно-фиолетовый костюм для подводного плавания. Снаряжение и груз он бросил и убежал назад в Агуа-Приета^[214].

Уже после полудня я выехала в сторону земли Линды, в долину Сульфур-Спрингс. Эта засушливая степь, граничащая с пустынями Сонора и Чиуауа, растягивается на полторы сотни километров на территории юго-восточной Аризоны и северной Мексики. В нижней части расположились многочисленные горные цепи: горы Драгунские и Мул на западе, горы Чирикауа, Свиссхелм, Педрогоса и Периллы на востоке. Участок Линды был у подножия Перилл. Она говорила мне, что найти работу смотрительницы лагеря можно будет к северу от ее дома, в Чирикауа, что считается территорией Национального леса Колорадо.

Я миновала казавшиеся бесконечными заросли колючих кустарников, вокруг не было ни души. Асфальт впереди казался поблескивающей водной гладью: мираж, который рассеивался при приближении. Иногда среди кустарника попадались невысокие фермерские домики. Некоторые выглядели давно заброшенными: на месте дверей и окон зияли провалы, а балки торчали в прогнутых крышах, точно ребра скелетов. По левую сторону дороги показалось маленькое белое святилище, убранное искусственными цветами, а чуть подальше – одинокий новенький автофургон. Издалека этот пейзаж напоминал кадр из сериала «Во все тяжкие».

Несколько раз свернув не туда, я нашла проселочную дорогу, уходившую на восток, как и говорилось в объявлении Линды. Был уже час дня, и я написала ей, что я минут на десять запаздываю. Пришел ответ: «Я готова».

Дорога была узкая и неровная, но красноватая почва оказалась плотной. Я нервничала, волновалась и, возможно, ехала слишком быстро. «Что, если я наткнусь здесь на что-нибудь плохое? Что, если Линде не понравится увиденное?» Машина подскакивала на кочках, распугивая птиц, сидевших в густых кустах по обе стороны дороги. Через дорогу метнулся чернохвостый кролик с карикатурно большими ушами. Вскоре показался перекресток, отмеченный официальными дорожными знаками. В этой местности я впервые увидела их: странная формальность в глуши. Я снова повернула и проехала около километра. Слева появилось нечто, похожее на дорогу, поросшую мескитовыми деревьями. На кусте болталась выцветшая на солнце розовая маркировочная лента.

Я сверилась с картой. Синяя точка разместилась рядом с созвездием, отмечавшим участок Линды. Сигнал был хороший, так что я подключила ноутбук к Wi-Fi с телефона и позвонила Линде в видеочате. Сначала ответа не было, но я перезвонила, и Линда взяла трубку. Она улыбалась, вокруг глаз за бифокальными очками с розовыми стеклами залегли морщинки. Я подождала знакомого протяжного приветствия.

«Приве-е-ет!» – воскликнула Линда. Я видела серию застывших кадров, точно в рисованном мультфильме. «Ты пропадаешь», – сказала я. Но звук был чистый, связь не прерывалась, и мы решили попробовать так. Держа ноутбук перед собой, я направилась на запад. «Я вижу облака!» – заявила Линда. Я слишком сильно наклонила камеру, и она показывала небо над головой. Пытаясь отрегулировать угол наклона, я продемонстрировала Линде вид своих ноздрей снизу. Наконец у меня получилось.

«Ого! Это дорога?» – недоверчиво спросила она. И добавила, что ее участок должен быть отмечен столбиками из пластиковой трубы. Мне ничего такого не видно? Пока нет, ответила я. Что я видела? Сухую красноватую землю, силуэты гор Мул вдалеке. «А вид замечательный, правда?» – восхищалась тем временем Линда. Потом она закричала тому, кого я не видела: «Гэри, иди сюда и посмотри!» – «Я не могу сидеть», – послышался невнятный голос. «Ну, обопрись о дерево», – сказала Линда.

На экране появился пожилой мужчина в очках в пластиковой оправе. Его лицо маячило за плечом Линды, и он сдвинул брови, вглядываясь в

экран. Волосы на макушке поредели, на лице запечатлелось вежливое любопытство.

«Облачно сегодня», – заметил он. А потом: «Посмотри на эту траву!» Когда Линда рассмеялась, Гэри широко улыбнулся. «Тебе может потребоваться газонокосилка», – невозмутимо сказал он.

Вдалеке показался белый шест, издалика похожий на щепку. «Видишь трубу?» – спросила я. «Нет», – ответила Линда. Она наклонилась и прищурилась. Я шла вперед. Она напомнила мне, что надо быть осторожнее. «Смотри, куда ступаешь, – предупредила она. – Внима-а-ательно смотри, чтобы не было змей». Гремучие змеи водились в лагере в Национальном лесу Секвойя, где работали Гэри и Линда, и она знала, что здесь они тоже обитают.

Наконец мы подошли поближе. Полутораметровая труба торчала рядом с кучкой камней и арматурным стержнем. «Да, вижу! – обрадовалась Линда. – Что показывает твой навигатор?» Синяя точка – мое местоположение в пустыне – стояла поверх звезды, отмечавшей северо-восточный угол участка Линды. «Совпадает!» – сказала я. Линда издала победный клич. «Куда ты хочешь пойти? – спросила я. – Можем двинуться в любую сторону».

Линда хотела посмотреть на пересохшее русло. Оно проходило через северо-западную часть участка. Продавец сказал ей, что другие покупатели видели эту расщелину и уходили. Но Линда подумала, что от нее может быть польза, если использовать ее как резервуар для дождевой воды после гроз. «Знаешь, я постоянно думаю: “Нужно больше воды”», – сказала она мне.

Мы перебрасывались шутками, пока я шла на запад, держа ноутбук перед собой, как волшебный жезл. «Если увидишь где-нибудь змей, скажи мне!» – взмолилась я. Линда, отметившая неполадки видеосвязи, была настроена скептически. «Ага, с такой задержкой это тебе поможет», – хмыкнула она и замолчала. Я спросила, как с погодой у них – к западу от Джоплина, на пути к Кентукки. Тридцать пять градусов, как и здесь, но только солнечно и влажно. «Я вся в поту!» – пожаловалась Линда. Перед этим она носилась по автостраде 44, чтобы найти стоянку под раскидистыми деревьями, где можно отдохнуть в изнуряюще жаркий летний полдень. (Потом она объяснила, что «носились» значило «ехала со скоростью сто

километров в час в гостинице “В тесноте”». Стоило чуть прибавить, как она начинала невыносимо трястись.)

Обойдя оживленный муравейник, я направила на него камеру. «О-о-ой, милые муравьишки!» – прокомментировала она. Потом они с Гэри стали расспрашивать меня, какая здесь земля. Гэри хотел знать, много ли вокруг камней. «Не очень, но попадаются», – ответила я. Линде было интересно, какая земля по составу: песчаная и зернистая или плотная и рыхлая. Она хотела установить трубы охлаждения – систему климат-контроля, при которой трубы зарывают на полтора – два с половиной метра под землю, где температура понижается до 12 градусов, – и так вентилировать воздух в доме и теплице. Чтобы их установить, придется много копать.

«Она сыпучая, – ответила я, набрав горсть сухой жесткой земли и показав им, как она струится между пальцами. – Видите?» «Такую легко копать, – заключил Гэри. – Это огромный плюс». Линда согласилась. «Похоже, закопать трубы будет несложно. Это хорошо. Ура».

Мы шли дальше к руслу реки, и Линда восхищалась местной флорой. Во время летних дождей пустынная флора оживает и разрастается. Между глянцевыми листьями каучука виднелись нежные желтые цветы. Акации с белыми шипами были усыпаны крохотными пушистыми соцветиями. Юкка уже отцветала. Иссохшие стебли, увенчанные увядшими цветами, торчали из скоплений веток с длинными острыми листьями. Мы прошли мимо загадочного кактуса с длинными волнистыми стеблями, похожими на шипастые щупальца. Он был усыпан красными шишкообразными плодами, напомнившими мне опунцию. Но Линда знала, что это какое-то другое растение. «У опунции плоские листья. Это другой кактус, – сказала она и добавила: – Но, скорее всего, он съедобный». (Позже я выяснила, что это был ночной цереус, чьи цветы открываются только раз в году.)

После того как я свернула не туда и вернулась обратно, впереди показалось высохшее русло. «Это настоящее русло или просто канава? – спросила Линда. – Оно глубокое?» Я поставила ноутбук на край русла, направила камеру вниз и спустилась на дно, чтобы она видела. Кое-где берег был мне по бедро, где-то – по плечи. Глубина – метр или чуть больше.

«Оно далеко идет?» – спросила Линда. Я ответила, что нет. Оно отсекало треугольник с северо-западного края, не очень большой. Этот угол также был отмечен трубой, так что я перешла русло и пошла ее искать. На этот раз Линда увидела отметку сразу. «О, вот она, смотри! – воскликнула она. – Ура!»

Потом я направилась к первой отметке. «Ну, что ты думаешь?» – спросила я у Линды.

«Здесь лучше, чем я предполагала, – ответила она и принялась восхищаться красивым видом на горы и качеством почвы. – Я думала, что в итоге останусь с кучей камней, в Эренберге, а всё вышло гораздо лучше». Она имела в виду гравийные насыпи, где останавливалась после РТР. Та местность была похожа на лунный пейзаж, буквально ни росточка. Линде также понравилось, что участок был размечен. «Оказалось, выгодная сделка, – заключила она. – Особенно за такую цену!»

В течение трех с половиной лет – с самой нашей первой встречи – Линда показывала мне картинки своего любимого экодому модели «Наутилус», в основе которого лежала последовательность Фибоначчи^[215]. Я представляла, как он возводится на этом клочке земли, с покатыми кирпичными стенами, повторяющими очертания гор на горизонте. «Я пытаюсь представить, как экодом будет здесь смотреться», – сказала я. «Да, это будет красиво, верно?» – радостно откликнулась Линда. Она собиралась приехать сюда, когда закончится работа в Amazon и жара спадет. Она решила, что определится с расположением дома, когда увидит всё сама. «Я просто посижу там немного, и место проявится», – сказала она.

В течение полчаса я шла и разговаривала под пасмурным небом, и тридцатиградусная жара не казалась такой изматывающей. Теперь вышло солнце, и пустыня раскалилась. Ноутбук выдал оповещение о перегреве – он не станет работать при такой жаре. Видео замерло, связь прервалась. Экскурсия закончилась.

Я долго размышляла о том, что значит этот участок для Линды. Это был большой шаг на пути к мечте построить то, что нельзя унести, чем она будет полноправно владеть, что сможет пережить ее. Но когда я увидела ее и Гэри на экране, мои мысли потекли несколько в ином направлении. При всей ее харизме Линда всегда представлялась мне волком-одиночкой. Конечно, у нее были семья и любимые друзья, но,

общаясь с ними, она ревностно отстаивала свою независимость. Теперь я начала думать, каким может стать ее будущее, если на горизонте появятся новые люди. Останется ли Гэри жить с Линдой? Будут ли Лавонн и другие кочевники навещать ее в своих мобильных жилищах? И кто соседи Линды? Есть ли здесь в округе те, на кого можно положиться?

Я не видела ни души. Я выпила много воды и вновь завела машину, намереваясь поискать признаки человеческого присутствия.

Сначала я увидела лошадей. В полутора километрах к юго-западу от участка Линды три лошади стояли за зелеными воротами; они подозрительно смотрели на приближающуюся машину, потом рысцой побежали прочь. На табличке на воротах было написано: «НЕ ВХОДИТЬ: НАРУШИТЕЛИ БУДУТ ПРИВЛЕЧЕНЫ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ». В табличке было девять проржавевших дыр от пуль и одна свежая. Рядом на земле валялась раздавленная желтая упаковка из-под гильз.

Поднялся ветер, прошуршал в кустарнике и принес с собой другой звук, нечто среднее между скрипом и скрежетом. Он как будто исходил из полуразрушенной конусообразной лачуги, стоявшей почти в сотне метров к западу. Незакрепленный лист гофрированной жести на крыше со стоном изгибался. Сначала я подумала, что кто-то здесь не хочет, чтобы их нашли. Пугать местных было бы серьезной ошибкой. Поэтому я подошла медленно, с криком «Ау-у-у!», как потерявшийся турист. Нет ответа.

Лачуга была склепана из фанеры, проволочной сетки и жести. Над дырой в крыше болтался дырявый синий брезент. Внутри было пусто, если не считать маленькой скамейки на земляном полу. Вокруг громоздились горы мусора, напоминавшие о прерванной жизни. Там валялись два плюшевых мишки, кастрюля, одна туфля на высоком каблуке, вешалки для одежды, пустые консервные банки, керамические кружки и кассета группы Chicago. Я подумала о тех, кому это все принадлежало и почему они покинули это место в такой спешке. (Позже я читала о мусоре, который накапливается в приграничных пустынных зонах, потому что его выкидывают измотанные мигранты. Иногда те, кто входит в страну пешком, должны оставить часть своего имущества, прежде чем втиснуться в переполненную машину, которая умчит их далеко-далеко.)

Вернувшись в машину, я увидела другие признаки того, что здесь живут люди. Проехав по дороге около километра на север, я увидела скопление лачуг с плоской крышей, загон из побитых плит, две круглые теплицы – может, это сады? – и ветхий седан с открытым капотом, все за колючей проволокой. Повернув обратно на восток, я наткнулась на участок, который прежде не заметила: в километре к юго-западу от земли Линды. Осёл в загоне громко заревел, когда я проезжала мимо. Здесь же стоял трейлер, выкрашенный в тускло-белый цвет, сбоку притулился биотуалет. Я снова аукнула. Ответа не было.

На спутниковой карте на юге было обозначено ранчо. Может, там кто-нибудь дома? Ориентируясь по карте, я проехала мимо стада черных коров, лежавших под чахлыми мескитовыми деревьями. Вскоре показался забор, а за ним – дом. Но дорога стала отвратительной. После небольшого холма она резко пошла под уклон, внизу в лужах отражалось небо. Земля была мягкая. Вскоре передние колеса увязли по самые ниши. Я попыталась податься назад, но колеса только прокручивались, выплевывая комья грязи на белую арендованную машину.

Я вспомнила предупреждение Линды: *«Не застревай»*.

В машине связь была слабой, поэтому я вышла и поднялась на пригорок. После пяти сброшенных звонков диспетчер аварийной службы ответил, что грязные дороги не обслуживаются. Тогда я позвонила в местную эвакуационную компанию. Лонни, владельца, не было на работе. Готова ли я подождать, когда мне перезвонят? Ну конечно. На юго-востоке собирались тяжелые облака. Пройтись до ранчо вдруг представилось не самой плохой мыслью. Когда я подошла ближе, тишину прервал разноголосый лай – песий звонок. С десятков собак бродили по ранчо – одни в загонах, другие без привязи. Самый маленький черно-белый щенок увязался за мной, точно самозванный посредник. На дворе стояли сварочная установка, косилка и унитаз, наполненный камнями. Я подошла к воротам и снова покричала. Никакого ответа.

Телефон зазвонил, когда я возвращалась к машине. Лонни сказал, что он рядом. Скоро эвакуатор материализовался там, где были коровы. Я забралась на пригорок и замахала руками, точно жертва кораблекрушения.

Лонни и его сын, Лонни-младший, увидели облака и поспешили вернуться. Часть ранчо находилась на затапливаемой равнине. Однажды в сезон дождей здесь застрял почтовый грузовик. Лонни вспоминал, что к тому времени, когда водитель позвонил ему, вода уже поднялась до дверцы. Ничего нельзя было сделать, пока земля не просохла.

Лонни-младший прицепил крюк к заднему бамперу Toyota. Я включила нейтральную передачу и показала ему большие пальцы. Когда машина покатила назад, по другую сторону впадины показался темно-красный пикап. Из него вышел мужчина в потертой черной кепке и джинсах и, положив руки на пояс, принялся наблюдать за нами. Я неуверенно помахала ему со своего места.

«Это коварное место», – заметил он. У него была окладистая борода и веснушчатая розовая кожа, цвета ростбифа с кровью. После того как мою машину вытащили, я заплатила Лонни и Лонни-младшему – 80 долларов плюс 20 долларов чаевых – и искренне их поблагодарила. Мужчина в пикапе представился как управляющий ранчо. «Вы тут одна?» – спросил он. Мне было неприятно, но я не могла придумать никакого подходящего ответа, кроме как сказать правду. Я упомянула о Линде и спросила, как здесь живут люди. Управляющий рассказал, что у него есть стадо коров породы брангус – выведенной специально для засушливого и жаркого климата – в пятьдесят голов и что он прожил в этой местности двадцать шесть лет. Обычно здесь тихо, но иногда проскакивают курьеры с тяжелым грузом. Лучше их избегать. В него дважды стреляли. С тех пор он держит в пикапе винтовку.

Я уехала на несуразно грязной машине, с трехсантиметровым слоем грязи на полу. Мой кроссовок хлюпал, когда я нажимала на педаль. При выезде на асфальтовую дорогу в небе появилась ехидно улыбающаяся радуга, но я всё равно остановилась, чтобы сделать снимок.

Вернувшись в Дуглас, я остановилась перед гостиницей Gadsden и зашла в вестибюль. Просторное помещение янтарного цвета действительно было таким роскошным, как описывала Линда, с колоннами в итальянском стиле, широкой мраморной лестницей и кожаными диванами. («Когда сидишь там, кажется, что попал в логово пирата, воспитанного в классических традициях», – как-то написал репортер Los Angeles Times^[216].) Витражное окно, о котором тоже

упоминала Линда, оказалось изображением в мезонине высотой тринадцать метров. При свете дня витражная картина, изображавшая пустынный пейзаж, играла богатой палитрой оттенков: коричневая земля, синее небо, лиловые горы на горизонте, зеленые юкки в цвету. Ее можно было бы принять за иллюстрацию участка Линды, выложенную драгоценными камнями. Я зашла в почти пустой ресторан при гостинице и за 7 долларов заказала блинчики с острой начинкой и мичелладу. Витражное изображение отпечаталось в моей голове; так блики остаются перед глазами после того, как помотришь на слишком яркий источник света. Я хотела увидеть, как Линда вступает в эту прихорошившуюся глушь: юго-западный Эдем. Но весь остаток дня я боролась с тревожными мыслями. Стоило мне остаться наедине с собой, как они начали подкрадываться ко мне.

Через два дня Линда и Гэри доедут до Кэмпбелсвилля. Там они проведут следующие пять месяцев, работая по ночам десятичасовыми сменами на складе Amazon. Для Линды это значило заработать деньги, чтобы начать строить экодом. Она горела этой мыслью. Но вспоминая о том, в какой глуши находится ее участок – не говоря уже об изнурительной жаре, вооруженных наркокурьерах, периодических наводнениях и гремучих змеях, – я задавалась вопросом: не безумие ли всё это? Я сомневалась в плане Линды и тогда, когда узнала о нем три года назад. Но чаще я твердила мантру Фокса Малдера, персонажа «Секретных материалов»: «Я хочу верить».

Позже я отправила Линде отчет о своих наблюдениях на ее участке, не утаив ни хорошего, ни плохого. Я также отправила ей карту и снимки ее участка и окружающей местности. Сначала она мне не ответила, но потом написала из Amazon, что ей очень понравились фотографии. «Я часто открываю их и представляю, что я там, – говорила Линда. – Я ненавижу эту поганую работу, и эти мысли помогают мне держаться. Еще пятнадцать недель, и я буду свободна».

Тем временем мне не давали покоя другие опасения: хватит ли физических сил Линды на все тяготы строительства? Я вспомнила о ее первом опыте в Amazon в Фернли и о головокружении, вызванном постоянной работой со сканером, из-за которого она оказалась на больничной койке. Потребовалось три года, чтобы ее запястье восстановилось. Что, если она снова получит травму? С тех пор Amazon приобрела более легкие сканеры – может, это уберет ее? Я

также боялась, что работа на складе высосет из Линды все силы. Хотя сначала ее назначили раскладывать товары по полкам, впоследствии она мне писала, что менеджеры подумывают над тем, чтобы перебросить ее и других участников CamperForce на более тяжелую работу – сборщиков. Она рассказала мне, что в прошлом году один сборщик ходил на работу с фитнес-браслетом. За один день он прошел двадцать девять километров и преодолел сорок четыре лестничных марша.

Даже если Линда благополучно переживет CamperForce, удастся ли ей скопить нужную сумму, чтобы начать строительство экодома? В прошлый раз в Amazon ей платили 11,5 доллара, не считая сверхурочных и прибавок за ночные смены. Теперь ее ставка была 10,75 доллара. (В тот раз Линда работала в Фернли, где зарплаты были выше, чем на других точках CamperForce, но в 2015 году тот склад закрыли.)

Я также опасалась за ее душевное состояние. Во время своего первого знакомства с Amazon она своими глазами увидела, сколько хлама покупают американцы, и ей стало противно. Этот опыт дал начало росту разочарования. Когда она покинула склад, он продолжал расти. Линда перебралась из большого фургона в миниатюрный трейлер и стала читать о минимализме и о движении за крошечные дома. Она много размышляла о культуре потребления и о том, каким количеством мусора люди захламляют свои короткие жизни. Мне оставалось только гадать, к чему эти мысли могут привести.

Линда по-прежнему жила с ними. Через несколько недель после начала работ в Кентукки она выложила этот пост в Facebook и отправила мне его личным сообщением:

Некоторые спрашивают, зачем мне свой участок. Чтобы быть независимой, чтобы выйти из крысиных бегов, чтобы поддерживать местное производство и покупать только американские товары. Перестать приобретать вещи, которые мне не нужны, чтобы произвести впечатление на людей, которые мне не нравятся. Прямо сейчас я работаю на большом складе одного из самых крупных интернет-магазинов. Все товары здесь – дрянь, сделанная где-то на другом конце света, где нет законов, запрещающих детский труд, где рабочие трудятся по

четырнадцать – шестнадцать часов в день без перерыва на обед и туалет. На этом огромном складе пространство забито вещами, которые не протянут и месяца. Всё это поедет на свалку. У этого магазина сотни складов. Наша экономика стоит на плечах рабов из других стран: Китая, Индии, Мексики – любой страны третьего мира с дешевой рабочей силой. Мы их не видим, но мы наслаждаемся плодами их труда. Должно быть, эта американская корпорация – самый большой рабовладелец в мире.

Отправив это, она продолжила:

Знаю, что категорично, но именно такие мысли меня посещают, когда я выхожу на работу. На этом складе материальных объектов нет ничего. Он поработил покупателей, которые берут кредиты, чтобы купить это дерьмо. Заставляет их сидеть на работах, которые они ненавидят, чтобы выплатить долги. Здесь очень тяжело находиться.

Линда также написала, что мучится этической дилеммой. «Как спокойно относиться к деньгам, которые я зарабатываю на осуществление своего плана? Я понимаю, что средства не знают, откуда они пришли. А есть ли сейчас у меня иной способ заработать нужную сумму именно тогда, когда она мне нужна? Мое время на земле ограничено».

Она определила свои чувства последней строчкой: «Я как банковский грабитель, который в последний раз идет на дело, чтобы потом уйти на покой».

Но тогда, в Дугласе, я еще ничего об этом не знала. Я ковыряла свои блинчики и думала, что будет дальше. Когда я вновь очутилась за рулем, солнце уже садилось. Я поехала на север по автомагистрали 191. Дождь, весь день собиравшийся, так и не пролился, но облака переместились на запад и теперь нависали над горами Мул. Между ними и вершинами пиков проглядывала полоска неба. Последние лучи дневного света сияли оттуда, окрасив всё в цвета створки раковины – нежно-розовый и оранжевый, – прежде чем стать темно-красными. Через тридцать два километра я повернула налево и поехала вдоль

хребта. Вскоре совсем стемнело. Над Драгунским хребтом на севере вспыхивали зигзаги молний.

Я проехала через Тумстоун – «неубиваемый город»^[217] – и остановилась на заправке в Бенсоне. Навес подсвечивался ярким желтым фонарем, и мотыльки и жуки летали вокруг, как подвыпившие. Дискотека насекомых. Телефон пикнул, показав сообщение Линды: «Ты вернулась в город?» Я ответила, что да. Она сказала, что после того, как связь прервалась, они с Гэри проехали еще 113 километров в сторону Кентукки и остановились на ночь в Спрингфилде. «Мы проезжаем почти по полтысячи километров в день, – добавила она. – Гэри очень слаб, а у меня эта жара уже в печенках».

«Рада, что вы уже близко к цели!» – ответила я. Потом я плюнула на текстовые сообщения и позвонила. Разговор вновь зашел об участке.

«Там так красиво, – говорила Линда. – Когда ты положила руку на землю, я подумала: «Черт, какая классная земля!» Потом она рассказала мне кое-что про Гэри. «Я ему очень нравлюсь, – сказала она. – И он, как и я, работал в куче разных мест!» Она отметила, что Гэри руководил рентгенологическим отделением, заведовал продуктовым магазином и трудился на стройке. «И он очень умный, у него хорошая память. И очень красивый почерк. И он ладит с цифрами, решает в голове всякие задачи».

«Он поможет с постройкой экоддома?» – «Не знаю, захочет ли он пустить корни, – ответила она. – Но он говорит, что план у меня отличный. Я не строю иллюзий. Это не фантазии. Это реально». Что бы между ними ни происходило, добавила Линда, участок в пустыне будет закреплен только за ней. В конце концов, экоддом – это *ее* мечта.

Сейчас самое главное было добраться до Кентукки и протянуть до Рождества. Она уже представляла, что будет после Amazon: как выйдет оттуда с деньгами и готовым планом, как поедет в Аризону на свою землю. Как будет просеивать между пальцами почву и думать о будущем. Эта мысль поддерживала ее на протяжении многих километров дороги. И она же будет давать ей силы ночами в Amazon. Сила притяжения ее собственного клочка земли. Она столько лет думала об этом. Она готова была воплотить свои давние мечты.

«Я счастлива, счастлива, счастлива, – говорила она. – Жду не дождусь, когда приеду туда и приступлю к делу».

Мы попрощались. Было уже поздно, а на завтра Линде предстоял долгий день в дороге.

Эпилог. Осьминог в кокосе

В Америке только началась зима. Снежные бури в самом разгаре, чертят широкий белый след через весь континент с запада на восток.

В Калифорнии, высоко в горах Сан-Бернардино, снег вьется вокруг сосен Джеффри и оседает на незанятых участках в лагере Hanna Flat. Он падает на умолкший завод и опустевшие дома в Эмпайре. В Северной Дакоте он укрывает спящие свекольные поля. Снежные хлопья сыплются на склад Amazon в Кэмпбелсвилле и на ближайшую парковку, где живут работники CamperForce.

В небольшом городке в пустыне Сонора светит солнце, а дневные температуры доходят до двадцати градусов. Началась ежегодная миграция в Кварцсайт – со всей страны туда стекаются десятки кочевников. Вечерами они все вместе собираются у общего костра, рассказывают о том, как прошел этот год, и строят планы на грядущий.

Сванки Вилс вновь в Кварцсайте – в начале осени она работала смотрительницей лагеря в Колорадо, отметив там свой семьдесят второй день рождения и сломав три ребра во время смены. Намучившись холодными ночами в необогреваемом фургоне, она установила внутри него небольшую палатку и теперь укутывает ею свою кровать перед сном. В будущем она собирается затеять новый марафон: пройти 800 миль (1278 километров) по туристической тропе в Аризоне.

Сильвиана Дельмарс остановилась рядом со Сванки. Днем она работает на кассе в Gem World – магазине в городе, где торгуют кристаллами и камнями. На одной вечеринке в складчину она собирается с духом, чтобы спеть свой гимн, «Королева дорог», перед аудиторией из двадцати человек и в ответ слышит восторженные аплодисменты. И впервые за семь лет она готовится пойти на свидание – на ужин с симпатичным кочевником, которого встретила в лагере в лесу.

Лавонн Эллис вернулась в Эренберг после двухнедельного заключения в Стэндинг-Рок, где участвовала в протестах против строительства трубопровода Dakota Access. В тишине пустыни она борется с писательским кризисом, чтобы закончить небольшую книгу

детских воспоминаний, «Рождественская елочка с красными перьями»^[218], которую она опубликует на Amazon. («Линда Мэй никогда не сомневалась», – сказано в послесловии.) Затем она поедет в Лос-Альгодонес за дешевыми очками. На будущее у нее припасена мечта: купить участок рядом с Таосом, где она сможет поставить старый школьный автобус, обустроить себе постоянное пристанище и жить там между поездками.

Боб Уэллс тоже в Эренберге, готовится вести самый большой на данный момент РТР. Предвидя, что съедутся сотни человек, он разработал новые правила двухнедельного фестиваля: запретил слушать громкую музыку и спускать собак с поводка. А традиционные совместные обеды он убрал из списка мероприятий, решив, что при таком количестве гостей будет трудно их организовать^[219]. (Он еще не знает: в этом году на фестиваль съедется более пятисот домов на колесах, многих вдохновили его ролики на YouTube.)

Вскоре прибудет еще больше кочевников. Среди них – Дэвид Свонсон, бывший гончар, который живет в побитом Prius. Он с радостью возвращается на РТР, где в прошлом году рассказывал слушателям о своем жилище. Пока что он на острове Падре. В Facebook он прислал мне личное сообщение, где описал его как «рай для кочевников, где на пляже можно жить и в палатках, и в машинах». Потом он спросил: «Ты поедешь на РТР-2017?»

Я с сожалением ответила: «Я была на последних трех РТР, и мне очень обидно, что не смогу приехать на этот». Я сказала Дэвиду, что пытаюсь закончить свою книгу. «Удачной игры в слова! – весело ответил он. – Не скучай там!»

Но после вопроса Дэвида у меня в груди разверзается дыра. После трех лет наблюдений за кочевниками пропускать РТР кажется неправильным. Я твержу себе главное правило тех, кто пишет документальную прозу: *«История продолжается в будущем, но в какой-то момент ты оставляешь ее».*

Но я не соблюдаю его, потому что история пришла ко мне домой. В Бруклине крошечные дома на колесах повсюду. Я постоянно их вижу.

На неограниченной парковке на улочке неподалеку от моей квартиры в Берум-Хилл стоит серебристый кемпер с *назаром* –

амулетом от сглаза – на зеркале заднего вида. Окна затемнены, почти черные, а занавески по другую сторону опущены.

Недалеко от дома моей сестры в Бедфорд-Стайвесанте старый дом на колесах стоит напротив парковки для грузовых автомобилей. Занавеска за сиденьем водителя задернута. Теплоизоляция закрывает окна в кузове. Рядом с висящим сзади запасным колесом мешки с мусором и клейкая лента закрывают отверстие, где когда-то было стекло.

Еще больше кемперов и автофургонов стоят на краю Проспект-парка. Они толкуются рядом с одноэтажными складами в Гованусе и Краун-Хайтс, где никакие соседи на них не пожалуются. Эти убежища на колесах повсюду: невидимый город, спрятанный у всех на виду.

Вечером после первого в этом году снегопада я иду в Ред-Хук – район Бруклина, где сохранились последние остатки промзоны у реки. Переулки слабо освещены, вдоль тротуара стоят всевозможные рабочие транспортные средства – грузовички разных сервисов и магазинов, автокафе, прицепы. Среди этой орды городским кочевникам легко затеряться. Вскоре я начинаю их замечать: древний трейлер, на котором дороги оставили свою метку; Chevrolet Astro с характерной опущенной шторой, окно закрыто пленкой и американскими флагами; переделанное такси с тонированными стеклами, вызывающе красными колесными колпаками и пропановым обогревателем у заднего бампера, чтобы в машине было тепло, когда двигатель выключен; множество новых кемперов с опущенными шторами.

Самый примечательный среди них – небольшой желтый школьный автобус. Его окна закрыты листовым железом, так что внутрь заглянуть невозможно. На краю крыши поблескивают едва заметные с земли алюминиевые каркасы четырех идеально подогнанных солнечных панелей. На переднем стекле, оборудованном шторкой, с внутренней стороны остался конденсат – еще одна улика. С того места на Ист-Ривер, где он припаркован, открывается отличный вид на статую Свободы.

Как журналисту, мне хочется постучаться. Но потом оживают воспоминания о парковке в городе, о том, каково это – прятаться за закрытыми окнами, когда сердце колотится при звуке чьих-то шагов.

Я ухожу.

Когда видишь в Бруклине столько кочевников, то понимаешь реальное положение вещей. И уже не первый раз мой проект меня не отпускает. Во время исследования я узнала, что с младшим сыном Сванки, программистом из Сиэтла, я познакомилась давным-давно на фестивале Burning Man. Потом я выяснила, что близкая подруга Лавонн замужем за моим приятелем-журналистом из Беркли. Оба раза я думала: *«Какова вероятность подобных встреч?»*

Может, и не такая уж низкая. В конце концов, миллионы американцев выживают в условиях, далеких от привычных для среднего класса. В домах по всей стране столы завалены неоплаченными счетами. Свет в окнах горит допоздна. Одни и те же вычисления совершаются снова и снова, сквозь усталость, а порой и слезы. Зарплата минус продукты. Минус счет за медицинские услуги. Минус долг по кредитке. Минус коммунальные счета. Минус студенческий кредит и выплаты за машину. Минус самый большой расход: аренда жилья.

В шириющейся бездне между дебетом и кредитом висит вопрос: *«Чем из этого ты готов пожертвовать, чтобы жить дальше?»*

Многие из тех, кто столкнулся с этой дилеммой, не уйдут жить в машины. Тех, кто это делает, биологи назвали бы «индикаторным видом». Это чувствительные организмы, чье поведение говорит о серьезных изменениях в экосистеме.

Как и кочевники, многие американцы были вынуждены изменить образ жизни, пусть внешне и не так радикально. Можно по-разному решать вопрос выживания. *В этом месяце ты будешь недоедать? Как-нибудь обойдешься без врача? Отложишь выплаты по кредитам и будешь надеяться, что к тебе не пришлют коллекторов? Не станешь платить за свет и отопление в надежде, что их не отключат? Позволишь, чтобы копился процент по студенческому кредиту и кредиту на машину в надежде, что когда-нибудь сможешь всё выплатить?*

За всеми этими унижениями стоит более глобальный вопрос: *когда издевательский выбор начинает разрывать человека – и общество – на части?*

Это уже происходит. Ни для кого не секрет, что люди не спят по ночам из-за страшной хозяйственной математики. Если сравнить

средние зарплаты, то золотой один процент сейчас зарабатывает в 81 раз больше тех, кто оказался в нижней половине пирамиды^[220]. Зарплаты взрослых американцев, которые находятся на этой ступени, – то есть 117 миллионов человек – не менялись с 1970-х.

Это не разница – это пропасть. И цену за ее рост платит каждый.

«Меня почему-то не так интересуют вес и извилины мозга Эйнштейна, как то, что люди столь же талантливые жили и умирали на хлопковых полях и потогонных фабриках», – размышлял писатель Стивен Джей Гулд^[221]. Растущий разрыв между классами делает социальную мобильность практически невозможной. По факту мы получили кастовую систему. Это не только несправедливо с точки зрения этики, но и крайне нерационально. Когда большей части населения отказывают в благах цивилизации, огромное число талантов и мозгов зарывается в землю. Это видно и по спаду экономики^[222].

Общепринятый способ вычисления степени расслоения – формула, выведенная в прошлом веке: коэффициент Джини. Это золотой стандарт для экономистов по всему миру, наряду со Всемирным банком, ЦРУ и Организацией экономического сотрудничества и развития в Париже. Показатели ошеломляют. На сегодняшний день в США общество расслоено сильнее, чем в любой другой развитой стране^[223]. Уровень социального неравенства в Америке сопоставим с показателями России, Китая, Аргентины и охваченной войной Демократической республики Конго^[224].

Какой бы печальной ни была ситуация сейчас, скорее всего, в будущем она ухудшится. И я задаюсь вопросом: какие новые искривления – или даже мутации – общественного строя мы увидим? Скольких еще раздавит система? Сколько людей найдут способ спастись от нее?

Через несколько дней после нашей первой встречи Линда заметила у меня на правой руке кольцо с осьминогом. «Ты когда-нибудь видела осьминога в лаборатории, знаешь, какие они умные? – с восторгом спросила она. – Мастера побега!»

Она описала мне видео, которое видела в Сети: «В одном аквариуме есть еда, а осьминог в другом аквариуме предоставлен сам себе. Он

протискивается по трубе и попадает в другой аквариум». На этом эксперимент не закончился. «Они постепенно усложняли задачу, – говорила Линда. – Например, ему нужно было сначала открыть крышку, чтобы протиснуться в трубку».

Но во всех случаях осьминог находил путь. «Иногда люди тоже могут так себя вести», – заметила я. «Ага, если попытаться запереть их в коробке», – сказала Линда. И рассмеялась.

Я вспомнила об этом разговоре намного позже, когда Линда выложила ссылку на другое видео на своей страничке в Facebook. Камера показывает осьминога, ползущего по дну океана. Он двигается как-то странно, и вскоре становится ясно почему: он тащит пустые половинки кокосового ореха. И вдруг запрыгивает в них. Прижав половинки к себе, он продолжает путь, катясь по дну, точно мячик со щупальцами^[225].

Осьминог придумал средство сразу для перемещения и защиты – своего рода кокосовый мобильный дом. Дайвер в Индонезии запечатлел на видео этот момент. Линда прокомментировала ролик так: «Самый милый и умный осьминог на свете».

Линда снова в дороге. Распрощавшись со своей работой на складе Amazon в Кэмпбелсвилле, она отправилась на запад. Гэри еще работает на складе, так что на этот раз она путешествует одна, таща за собой гостиницу «В тесноте» сквозь короткие зимние дни и длинные темные ночи.

Сначала она направляется в Таос. Там она хочет посмотреть на свой любимый экодом «Наутилус» и проконсультироваться с архитектором, чтобы адаптировать дизайн под свои нужды. Затем она двинется на РТР. Потом в пустыню рядом с Дугласом, чтобы своими глазами увидеть землю, на которой – ее будущее.

Но перед Таосом на приборной панели загорается кнопка «Проверьте двигатель». Она слышала, что в этой местности свирепствуют метели. Чтобы избежать поломки из-за плохой погоды во время поездки по горам, Линда меняет маршрут и направляется прямо к Дугласу.

Она добирается туда без помех. Первую ночь она проводит на заброшенной парковке, хотя перед рассветом температура падает ниже нуля. На следующий день она находит дешевую парковку на территории к северу от города. Рядом с ней останавливается пара из Монтаны. Они живут в потрепанном пятиметровом трейлере, который видал лучшие дни. Линда рассказывает им о своем экодоме и показывает папку с проектами.

На следующий день мы созваниваемся. Она говорит, что, если не считать неудавшегося визита в Таос, возвращение из Кентукки прошло гладко. «Погода была превосходная! – говорит она. – Буквально три капли дождя, и всё». Поездка заняла три дня. Она остается на парковке, где нужно платить 15 долларов за ночь. Сегодня она приняла душ, в дороге же обходилась влажными салфетками. «Я сидела в трейлере и отдыхала», – говорит она, умиротворенно вздохнув.

И она прибыла на свой участок. Клочок земли, который она видела прошлой весной на фотографиях в объявлении, а потом летом на экране смартфона во время видеотрансляции, стал трехмерным. Земля настоящая, осязаемая, по ней можно пройти. Линда клянется, что даже слышала гремучую змею. «Здесь прекрасно», – говорит она.

Теперь будущее кажется совсем близким. «Мне шестьдесят шесть, – спокойно говорит Линда. – Мне нужно побыстрее начать стройку. Я хочу успеть спокойно насладиться своим домом».

Нюансы выясняются по ходу дела. Линда говорит мне, что купила портативный генератор на 4000 ватт за 26 долларов – почти с пятидесятипроцентной скидкой. «О господи, у меня есть электричество!» – кричит она. Генератор гудит, как пылесос, но Линду это не беспокоит. На выходе она получит ток сильнее, чем от солнечной панели на 45 ватт.

Линда рассказывает, что нашла неподалеку дешевую службу доставки воды, которая может привезти большие канистры (в экодоме предусмотрены бочки для сбора дождевой воды, но этого может оказаться недостаточно, к тому же во время стройки Линде нужно будет что-то пить). Она рассказывает, что нужно провести замеры, чтобы знать уровень высоты земли, прежде чем ее обрабатывать. А завтра она поедет в местный строительный департамент, чтобы узнать, на каком расстоянии от дороги можно строиться, и прочие нормы. «Я уже прочла на их сайте, что сорок соток можно расчистить без

официального разрешения, – говорит она. – Мне как раз столько и нужно».

Линда планирует приступить к стройке после РТР. Гэри согласился поехать с ней. Лавонн тоже будет с ними. Вместе они начнут строить теплицу, где можно будет выращивать растения и укрываться от непогоды во время проектирования самого дома.

Линда уже его видит, как будто ожили картинки из ее папки. Экодом, о котором она мечтала столько лет, возводится в пустынной глуши. Она строит его собственными натруженными руками, вместе с друзьями, которые стали семьей. Когда он будет закончен – а он будет закончен, – то приютит их. С возобновляемыми системами питания, воды, электричества, отопления и кондиционирования он сам будет живым организмом, существующим в гармонии с пустыней. Он переживет их всех.

Это будущее начнется в новом году, до которого еще несколько недель. Линда уже продумала первый шаг: раскопки. Она нашла экскаваторщика за 35 долларов в час, без доплат за бензин и дорогу. «Его время начинается, когда его задница опускается на сиденье», – радостно сообщает Линда. Поговорив с ним, они условились начать в конце января.

По словам Линды, всё это займет восемь часов. Вот как это будет.

Сначала экскаватор расчищает заросшую дорогу, открывая путь к ее участку. Потом он очистит какую-нибудь площадку, где можно припарковать гостиницу «В тесноте».

Наконец он начнет работать собственно на месте стройки. Стрела вытягивается. Ковш зачерпывает. Металлические зубы вгрызаются в землю, снова и снова, когда экскаватор вырывает жесткий пустынный кустарник. Всё, к чему он прикасается, поддается: заскорузлый куст, жилистый кактус, тяжелый камень. Есть препятствия на пути Линды к ее будущему. Их уберут – одно за другим.

Скоро всё заканчивается. Когда экскаватор уезжает, Линда идет по пустому плоскому участку, который он оставил за собой. Теперь земля готова – идеальный участок, на котором она может строиться.

Благодарности

На протяжении трех лет и 24 тысяч километров встречаешь много людей. Эта книга появилась благодаря их доброте. Я благодарна всем, кто в дороге делился мудростью, неприличными анекдотами, костром, кофе и всем домашним, чья поддержка помогла мне осуществить это путешествие.

Моя глубочайшая благодарность Линде Мэй. Непросто доверить кому-то свою историю, особенно когда писатель три года слоняется вокруг, спит в машине за домом твоей дочери и бегаёт за тобой по лагерю, попутно что-то черкая в блокноте. Я надеюсь, что стойкость Линды – а также ее ум и добрая душа – тронут сердца других так же, как когда-то тронули мое.

Пара сотен кочевников поделились своим временем и отметились на этих страницах. Их слишком много, чтобы перечислять всех, но особенно я благодарна Лавонн Эллис, Сильвиане Дельмарс, Бобу Уэллсу, Шарлин Сванки (она же Сванки Вилс), Айрис Голденберг, Питеру Фоксу, Ghost Dancer, Барб и Чаку Стаут, Лоис Миддлтон, Филу и Робин Депил, Гэри Фаллону, Дэвиду Родерику, Алу Кристиансену, Лу Брочетти, Джен Дерге, Эш Хааг, Винсенту Мосманну, Дэвину Свонсону, Майку, Кэт, Алексу Валентино и, конечно, Дону Уилеру, человеку-загадке.

Меня активно поддерживала Высшая школа журналистики Колумбийского университета, особенно мои коллеги Рут Падавер и Дэвид Хаджду. Фонд Рокфеллера оплатил месяц в центре «Белладжо» – месте, которое становится волшебным благодаря неустанному труду Пилар Паласиа и Клаудии Джуе. Моя дружная команда отличилась глубокомыслием и спонтанными ночными вечеринками. Отдельное спасибо фотографу Тодду Грею, который задавал правильные вопросы в нужное время (и сделал мой снимок).

Джеймс Маркус в Harper's был первым редактором, который поверил в эту историю, а также явил собой пример добропорядочного человека. В числе других союзников из Harper's могу назвать Джулию Мелуччи, Шэрон Рили и талантливый фотографа Макса Уиттакера, чьи фотографии появились в статье. Спасибо Лиззи Ратнер и Саре

Леонард из The Nation, Кларе Германи из The Christian Science Monitor и Алисе Кварт из Economic Hardship Reporting Project – благодаря вашему общему вкладу появилась эта книга.

Джой Харрис, мой ярый агент и воспитатель, с самого начала отнесся к этому проекту с глубокой симпатией. Редактор Алана Мейсон в Norton твердой рукой свела всё воедино. Адам Рид, Эшли Патрик, Кайл Радлер и Лаура Голдин также внесли немалый вклад.

Майкл Эванс, Роберт и Карен Копфштайн, Джерри Хирш, Стелла Ру и Стю Левин в буквальном смысле приютили меня и «Халена». Энн Кузак собрала мне в дорогу всё самое необходимое, в том числе обезболивающее и маленький американский флаг. Лонни и Лонни-младший из Дугласа вытащили мою машину из грязи. Аарон, Билл и команда первоклассных механиков в Хатчинсоне не закрывали мастерскую, пока не починили мой генератор.

Я благодарю мою семью. Моего отца Рона, который вместе со мной вел «Хален» по дороге обратно на восток. Мою маму Сьюзан (скоро она станет доктором Брудер), которая в раннем детстве научила меня писать. Мою сестру Мегин, активную, великолепную, благодаря которой всегда так приятно вернуться домой. Пса Макса, который сидел и сопел рядом со мной долгими писательскими ночами.

Я рада, что у меня есть моя община, или «локальная семья», в которую входят Дуглас Волк, Ребекка Фиттинг, Крис Тэйлор, Джесс Тэйлор Вулф, Кэролин Миллер, Джош и Лоуэн Хантер, Сара Фан, Крис Хакетт, Сара Макмиллан, Дороти Трояновски, Элеанор Ловински, Марлен Криза, Джулия Солис, Джон Ло, Кристос Патиакис, Роберт Кутруфф, Роб Шмитт, Стейси Коули, Дэвид Дайт, Б'Анна Федерико, Нейт Смит, Райя Дукхан, Майкл Эвенсон, Эллен Тейлор, Кларк Маккасланд, Марта Пракельт, Барис Улку, Шел Кимен, Ива Скох, Джеймс Мастранжело, Ниамби Персон Джексон, Амелия Кляйн, Энтони Трангух и Дэвид Карр, по которым я ужасно скучаю. Я также благодарна моим племенам: Thee Madagascar Institute, the Flaming Lotus Girls, Illumination Village, 29 Hour Music People, Dark Passage.

Соучастник моего проекта Джулия Мобург (она же Серфер Джулия) поддерживала мое душевное равновесие.

Эта книга посвящена моему лучшему другу, Дейлу Махариджу. За последние четырнадцать лет ты всегда отвечал на мои звонки, в любое время дня и ночи.

Мы – настоящая современная семья.

Об авторе

Джессика Брудер – отмеченная наградами журналистка, чьи работы посвящены субкультурам и темным уголкам экономики. Она пишет для журналов Harper's Magazine, New York Times и Washington Post и преподает в Колумбийской школе журналистики.

Примечания

Некоторые фрагменты этой книги изначально были опубликованы в моей статье: *The End of Retirement: When You Can't Afford to Stop Working* // *Harper's Magazine*, August 2014.

Возраст респондентов указан на момент беседы, а не времени публикации книги. Имена героев настоящие – за исключением Дона Уилера и людей, с которыми я познакомилась во время работы на складе сахарной свеклы и в CamperForce.

Глава 1

Большинство описываемых в этой главе событий датируется маем 2015 года, когда я путешествовала вместе с Линдой Мэй в Hanna Flat в Национальном лесу Сан-Бернардино, чтобы засвидетельствовать ее опыт работы там.

Глава 3

Большая часть информации о городе-«империи» в Неваде была изначально опубликована в моей статье: *The Last Company Town* // *The Christian Science Monitor*, magazine/print edition. 2011. June 13. P. 33.

Глава 4

Биографические сведения о Бобе Уэллсе почерпнуты из личных бесед, его семинаров на «Рандеву» в течение трех лет и с его сайта CheapRVLiving.com (более ранние публикации можно найти в архивах, archive.org/web/.)

Эту книгу хорошо дополняют:

[Сердце из стекла](#)

Дебби Харри

[Знай мое имя](#)

Шанель Миллер

[Жизнь Габриэля Гарсиа Маркеса](#)

Сильвана Патерностро

[Добровольный узник](#)

Джек Фэруэдер

— СМОТРИМ ФИЛМЫ —
— ЧИТАЕМ КНИГУ —

Джессика Брудер

ЗЕМЛЯ КОЧЕВНИКОВ

Сноски

1

Исследование Геологической службы США:
[geomaps.wr.usgs.gov/archive/socal/geology/transverse_ranges/san_bernardi
no_mtns](http://geomaps.wr.usgs.gov/archive/socal/geology/transverse_ranges/san_bernardino_mtns).

[Вернуться](#)

2

Bierman-Lytle P. W. Case Study: San Bernardino and Urban Communities Interface: Historical, Contemporary and Future // Climate Change Impacts on High-Altitude Ecosystems / ed. M. Öztürk et al. Cham, Switzerland: Springer, 2015. P. 292–293.

[Вернуться](#)

3

Взято из архива брошюр:
fiberglassrv.com/forums/downloads//ec_tmp/CompactIIBrochure.pdf. На
данный момент материалы недоступны.

[Вернуться](#)

4

Соответственно 161 и 158 см. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

5

Брошюру California Land Management и баннер American Land & Leisure наблюдала лично во время визитов на шоу в Кварцсайт в 2014–2016 годах.

[Вернуться](#)

6

22,5 км. Горы находятся на юге Калифорнии, температура воздуха там порой достигает 40 °С и выше, поэтому водителям рекомендуют отключать кондиционеры и ехать, открыв окна, – иначе есть риск застрять на неопределенное время в пустынной, жаркой и опасной местности из-за закипевшего радиатора. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

7

Yentel D. et al. Out of Reach 2016: No Refuge for Low Income Renters. Washington, D.C.: The National Low Income Housing Coalition, 2016 // nlihc.org/sites/default/files/oor/OOR_2016.pdf.

[Вернуться](#)

8

Fernald M., ed. The State of the Nation's Housing 2016. Cambridge, MA: Joint Center for Housing Studies of Harvard University, 2016. P. 31 // nlihc.org/sites/default/files/oor/OOR_2016.pdf.

[Вернуться](#)

9

Через несколько недель Линде исполнится шестьдесят пять, и ее и без того скудное пособие сократится до 424 долларов после вычета оплаты медицинской страховки. *Прим. авт.*

[Вернуться](#)

10

Weikel D. Driving a Deadly Dinosaur // The Los Angeles Times. 2001. August 11. P. A1.

[Вернуться](#)

11

Grout – бетонный раствор. *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

12

McKinney J. Grout Bay Trail Leads to History // The Los Angeles Times. 1999. July 25. P. 8.

[Вернуться](#)

13

Американская диско-группа Village People, помимо этой популярной песни 1978 года (и нескольких других), известна своими специфическими сценическими костюмами: полицейский, индеец, ковбой, строитель, байкер и морской пехотинец. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

14

Запись об инциденте пожарной службы Калифорнии, 21 сентября 2007 года.

[Вернуться](#)

15

Блог Сильвианы (на данный момент недоступен): Silvianna Wanders, The Adventures of a Cosmic Change Agent // silviannewanders.wordpress.com.

[Вернуться](#)

16

Текст песни «Королева дорог» написан Сильвианой Дельмарс и опубликован с ее согласия.

[Вернуться](#)

17

LaBastille A. Woodswoman: Living Alone in the Adirondack Wilderness. Penguin Books, 1991. *Прим. авт.*

[Вернуться](#)

18

Издана на русском языке: Белски С. Воплощение идей. Как преодолеть разрыв между видением и реальностью. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

19

Mundy J. California Labor Law Also Applies to Seniors // LawyersAndSettlements.com, July 16, 2014 // lawyersandsettlements.com/articles/california_labor_law/interview-california-labor-law-43-19945.html. Я обратилась к Грегу Виллалобосу в Facebook, он подтвердил, что в статье речь о нем, и добавил в личном сообщении: «Проблема очень распространенная, но большинство работников лагерей просто тихо выполняют дополнительную работу без оплаты. Я поработал смотрителем в двух лагерях, и в обоих так

было. А компании-то разные. Больше смотрителем не работаю. Туристы прекрасны, но не начальство».

[Вернуться](#)

20

Один из трех отзывов на California Land Management – с одной звездой // yelp.com/biz/california-land-management-palo-alto.

[Вернуться](#)

21

В электронном письме от президента California Land Management Эрика Марта, от 26 декабря 2016 года, также был такой текст: «Сверхурочная работа на любых основаниях – нарушение политики компании. Сотрудники, замеченные в таких нарушениях, будут подвергнуты дисциплинарному взысканию вплоть до увольнения... За 36 лет работы наша компания исследовала множество жалоб работников. В большинстве случаев выяснялось, что реальные факты расходились с теми, которыми оперировал жалобщик. Однако когда мы обнаруживаем свидетельства злоупотреблений со стороны руководства, мы принимаем меры воздействия к конкретному руководителю. На пике летнего сезона на нас работает более 450 человек, и очень большой процент наших сезонных работников возвращаются к нам каждый год. Такого бы точно не происходило, если бы наша политика работы с персоналом допускала то, о чем вы говорите в вашем письме».

[Вернуться](#)

22

Aleksandrowicz F. Nevada by Day: The Other Attractions Around Las Vegas // The Elyria Chronicle-Telegram. 1990. June 17. P. E11.

[Вернуться](#)

23

Dennis Weaver's Earthship. Directed by Phil Scarpaci. Robert Weaver Enterprises, 1990.

[Вернуться](#)

24

Associated Press. Actor Builds Treasure with Other People's Trash // Colorado Springs Gazette Telegraph. 1989. November 28. P. B8.

[Вернуться](#)

25

Leigh Brown P. Father Earth // The New York Times. 1993. January 10. P. A1.

[Вернуться](#)

26

Экодом Брайана Габба: eatwelltraveloften.com.au/earthship/.

[Вернуться](#)

27

Bernard S. Earthship! // Seattle Weekly. 2015. August 12. P. 9.

[Вернуться](#)

28

Mendoza M. Associated Press. 'Earthships' Meld Future with Past // The Los Angeles Times. 1997. May 18. P. 1.

[Вернуться](#)

29

Документальный фильм: Garbage Warrior. Directed by Oliver Hodge. Open Eye Media, 2007.

[Вернуться](#)

30

Заявления с сайта Рейнольдса: earthshipglobal.com.

[Вернуться](#)

31

Tucker J., Lowell C. National Snapshot: Poverty Among Women & Families, 2015. Washington, D.C.: National Women's Law Center, 2016.

[Вернуться](#)

32

Entmacher J., Gallagher Robbins K. Fact Sheet: Women & Social Security. Washington, D.C.: National Women's Law Center, 2015 // nwlc.org/wp-content/uploads/2015/08/socialsecuritykeyfactsfactsheetfeb2015update.pdf.

[Вернуться](#)

33

Hegewisch A., DuMonthier A. The Gender Wage Gap: 2015. Washington, D.C.: Institute for Women's Policy Research, 2016 // iwpr.org/publications/pubs/the-gender-wage-gap-2015-annual-earnings-differences-by-gender-race-and-ethnicity.

[Вернуться](#)

34

Xu J. et al. Mortality in the United States, 2015. Hyattsville, MD: Centers for Disease Control and Prevention National Center for Health Statistics, 2016 // [cdc.gov/nchs/data/databriefs/db267.pdf](https://www.cdc.gov/nchs/data/databriefs/db267.pdf).

[Вернуться](#)

35

Культовая классика: «У холмов есть глаза», реж. Уэс Крейвен, Vanguard, 1977. Ремейк: реж. Александр Ажа, Fox Searchlight Pictures, 2006.

[Вернуться](#)

36

Kane J. Gypsum Mine, Town of Empire Sold // The Reno Gazette-Journal. 2016. June 4. P. A5.

[Вернуться](#)

37

Kane J. Empire Mining Co. Will Only Restore Part of Ghost Town // The Reno Gazette-Journal. 2016. August 24. P. A4.

[Вернуться](#)

38

На картах Google город по-прежнему жив, вы можете даже увидеть, как жительница Эмпайра поливает свой газон: [google.com/maps/@40.572901,-119.34298,3a,75y,340.84h,74.5t/data=!3m6!1e1!3m4!1sNxq0MbTKOKuCSPq0olMttQ!2e0!7i3328!8i1664](https://www.google.com/maps/@40.572901,-119.34298,3a,75y,340.84h,74.5t/data=!3m6!1e1!3m4!1sNxq0MbTKOKuCSPq0olMttQ!2e0!7i3328!8i1664).

[Вернуться](#)

39

Из рекламного ролика AmazonFulfillment программы Amazon CamperForce, который был опубликован 19 июля 2013 года. На данный момент недоступен.

[Вернуться](#)

40

«Дети Великой рецессии»: lovable-liberal.blogspot.com/2013/08/grapes-of-workamping.html; «американские беженцы»: unlawflcombatnt.proboards.com/thread/9293; «зажиточные бездомные»: earlystart.blogs.cnn.com/2012/12/12/workampers-filling-temporary-jobs-for-amazon-com-cnns-casey-wian-reports-on-these-affluent-homeless; «сезонные бродяжки»: unionperspectives.blogspot.com/2012/02/workampers-are-new-iww-wobblies.html.

[Вернуться](#)

41

Workamper News // workamper.com; Workers on Wheels // work-for-rvers-and-campers.com.

[Вернуться](#)

42

Некоторые из этих работников попали на первые полосы в 2010 году, когда Министерство труда США объявило, что их наниматель, Служба охраны в Корпус-Кристи, неверно обозначил их как вольнонаемных работников, а не сотрудников, в результате чего оказалась должна им 6,2 миллиона долларов. Позже федеральный судья отклонил этот иск. *Прим. авт.*

[Вернуться](#)

43

Фейерверки: Workamper News, July/August 2013. P. 33.

[Вернуться](#)

44

Реклама Story Land: Workamper News, November/December 2015.
P. 36.

[Вернуться](#)

45

Реклама фермы лам: Workamper News, September/October 2013. P. 20.

[Вернуться](#)

46

Реклама водного такси: Workamper News, September/October 2013.
P. 17.

[Вернуться](#)

47

Требования для путешественников, желающих зарегистрироваться
в Южной Дакоте:

dps.sd.gov/licensing/driver_licensing/obtain_a_license.aspx.

[Вернуться](#)

48

Martin K. Working into Their 70s: the New Normal for Boomers // Al-
Jazeera America. 2014. October 17 //

america.aljazeera.com/watch/shows/real-money-with-alivelshi/2014/10/Workampers-retirement-babyboomers.html.

[Вернуться](#)

49

Preddy M. Work Camping: Seasonal Jobs on the Road // AARP Bulletin, December 2014.

[Вернуться](#)

50

Spitznagel E. What the Kids Are Doing These Days // The New York Times Magazine. 2011. November 6. P. 9.

[Вернуться](#)

51

Amazon CamperForce Referral Form, 2015; Amazon CamperForce Newsletter, May 2012. P. 5.

[Вернуться](#)

52

Amazon CamperForce Newsletter, July 2012. P. 2–5.

[Вернуться](#)

53

Amazon CamperForce Newsletter, April 2012. P. 3.

[Вернуться](#)

54

CamperForce Newsletter, March 2013. P. 3.

[Вернуться](#)

55

scribd.com/document/133679509/CamperForce-Recruiting-Handout.

[Вернуться](#)

56

Bottom Line at Amazon.com: Money // Workamper News, July/August 2014. P. 31–34.

[Вернуться](#)

57

Однако нежности в приоритете далеко не у всех. В 2014 году на передней полосе Workamper News с интервью работников Amazon стоял заголовок: «Главное для работников Amazon.com – деньги».

Прим. авт.

[Вернуться](#)

58

Amazon CamperForce Newsletter, July 2013. P. 1.

[Вернуться](#)

59

Недовольные работники позже в Facebook прозвали медицинский пункт Amazon, AmCare, «позорной помощью» (Shamcare).

[Вернуться](#)

60

Workamper News Jobinar with Amazon CamperForce, видео было выложено на YouTube 21 марта 2013 года, сейчас в ограниченном доступе.

[Вернуться](#)

61

talesfromtherampage.com/amazon.

[Вернуться](#)

62

Workamper News Jobinar with Express Sugar Beet Harvest, видео было выложено на YouTube 26 февраля 2014 года, сейчас в ограниченном доступе.

[Вернуться](#)

63

Bureau of Labor Statistics, U.S. Department of Labor, Labor Force Statistics from the Current Population Survey, Unemployment Level 65 years and over.

[Вернуться](#)

64

Reclaiming the Future: Challenging Retirement Income Perceptions. Allianz Life Insurance Company of North America, 2010.

[Вернуться](#)

65

Brown S. K. Retirement Attitudes Segmentation Survey 2013. AARP Research, Washington, D.C., 2013.

[Вернуться](#)

66

Old Men at Forty // The New York Times. 1905. February 24.

[Вернуться](#)

67

Lodge D. Rereading Anthony Trollope // The Guardian. 2012. December 15. P. 16.

[Вернуться](#)

68

Squier L. W. Old Age Dependency in the United States: A Complete Survey of the Pension Movement. New York: The Macmillan Company, 1912. P. 28–29.

[Вернуться](#)

69

Evans H. C. The American Poorfarm and Its Inmates, Des Moines, IA: The Loyal Order of the Moose, 1926. P. 13, 29.

[Вернуться](#)

70

Altman N. Social Security at 80: Lessons Learned // The Huffington Post. 2015. August 18.

[Вернуться](#)

71

U.S. Social Security Administration. Historical Background and Development of Social Security: Pre Social-Security Period // ssa.gov/history/briefhistory3.html.

[Вернуться](#)

72

Hacker J. S. The Great Risk Shift: The New Economic Insecurity and the Decline of the American Dream. Oxford University Press, 2nd edition, 2019. *Прим. авт.*

[Вернуться](#)

73

Fact Sheet: Social Security. U.S. Social Security Administration // ssa.gov/news/press/factsheets/basicfact-alt.pdf.

[Вернуться](#)

74

Brandon E. The Retirement Pogo Stick // U.S. News & World Report. 2009. February 5 // money.usnews.com/money/blogs/planning-to-retire/2009/02/05/the-retirement-pogo-stick.

[Вернуться](#)

75

Ghilarducci T. Our Ridiculous Approach to Retirement // The New York Times. 2012. July 22. P. SR5.

[Вернуться](#)

76

Sahadi J. Co-Chair of Obama Debt Panel under Fire for Remarks // CNNMoney.com. 2010. August 25 // money.cnn.com/2010/08/25/news/economy/alan_simpson_fiscal_commission.

[Вернуться](#)

77

web.archive.org/web/20130114225344/http://cheaprvliving.com.

[Вернуться](#)

78

The Great M9.2 Alaska Earthquake and Tsunami of March 27, 1964 // earthquake.usgs.gov/earthquakes/events/alaska1964.

[Вернуться](#)

79

The Great Alaska Earthquake of 1964: Engineering. National Research Council, 1973. P. 310, 416–418, 823; Hansen W. R. et al. The Alaska Earthquake: March 27, 1964: Field Investigations and Reconstruction Effort // U.S. Geological Survey, 1966. P. 83.

[Вернуться](#)

80

What's Your Vision for Your Life? // web.archive.org/web/20120728075840/http://cheaprvlivingblog.com/2012/07/whats-your-vision-for-your-life.

[Вернуться](#)

81

Thriving in a Bad Economy // web.archive.org/web/20121223110050/http://cheaprvlivingblog.com/2012/09/thriving-in-a-bad-economy.

[Вернуться](#)

82

Thornburg D. A. Galloping Bungalows: The Rise and Demise of the American House Trailer. Hamden, CT: Archon Books, 1991.

[Вернуться](#)

83

Two Hundred Thousand Trailers // Fortune, March 1937. P. 220.

[Вернуться](#)

84

Smith P. H. House Trailers – Where Do They Go From Here? // Automotive Industries. 1936. November 14. P. 680.

[Вернуться](#)

85

Miller C. R. Trailer Life Seen as Good for Nation, Aiding Instead of Displacing Homes // The New York Times. 1936. December 20. P. N2.

[Вернуться](#)

86

Bercovici K. Gypsy in a Trailer [Part I] // Harper's Magazine. May 1937. P. 621.

[Вернуться](#)

87

Thornburg D. A. Galloping Bungalows: The Rise and Demise of the American House Trailer. Hamden, CT: Archon Books, 1991. P. 181.

[Вернуться](#)

88

Thornburg D. A. Galloping Bungalows: The Rise and Demise of the American House Trailer. Hamden, CT: Archon Books, 1991, с. 2, 60–61.

[Вернуться](#)

89

Where Does My Money Go? // cheaprvliving.com/blog/where-does-my-money-go.

[Вернуться](#)

90

От англ. wheels – колеса. *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

91

Профиль Шарлин Сванки: cheaprvliving.com/inspiring-vandweller-charlenes-story.

[Вернуться](#)

92

Трупер Дэн: cheaprvliving.com/survivalist-truck-dweller.
[Вернуться](#)

93

Этот термин, появившийся в США в начале 1930-х (его автор – директор по связям с общественностью Демократической партии Чарльз Михельсон), обозначал небольшие поселения из палаток и лачуг, построенных самими обитателями – американцами, потерявшими работу и жилье в результате Великой депрессии. От фамилии Герберта Гувера – президента страны в тот период. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

94

Впервые я принимала бесплатный душ на автомобильной стоянке зимой 2014–2015 годов в городке Кварцсайт. Я вышла из машины, прихватив с собой пакет с мылом, шампунем и тапочками, зашла внутрь, чтобы расплатиться, и, видимо, у меня сильно вытянулось лицо, когда мне озвучили цену в 12 долларов. Водитель, стоявший справа от меня, протянул кассиру свою бонусную карточку и попросил оплатить ею мой душ. «Сэр, вы понимаете, что если воспользуетесь карточкой сейчас, то в течение двадцати четырех часов не сможете использовать ее повторно?» – предупредили его. Водитель поднял руки, понюхал под мышками – сначала слева, потом справа – и пожал плечами. «Надо же, уже неделя прошла», – сказал он. *Прим. авт.*

[Вернуться](#)

95

Lance5g:

<https://groups.yahoo.com/neo/groups/liveinyourvan/conversations/messages/2>.

[Вернуться](#)

96

Ghost

Dancer:

<https://groups.yahoo.com/neo/groups/vandwellers/conversations/messages/156516>.

[Вернуться](#)

97

Фантастический роман Роберта Шекли, по мотивам которого в 1992 году снят одноименный фильм. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

98

Live in Your Van 2, группа Yahoo:

<https://groups.yahoo.com/neo/groups/VanDwellers>.

[Вернуться](#)

99

swankiewheels.blogspot.com/2012/01/ghost-dance-arrived-at-rtr-today.html.

[Вернуться](#)

100

Vandwellers: Live in Your Van, группа в Facebook:
facebook.com/groups/Vandwellers/files.

[Вернуться](#)

101

Vandwellers на reddit: reddit.com/r/vandwellers/.

[Вернуться](#)

102

Роберт Вила (род. 1946) – американский ведущий передач о благоустройстве дома. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

103

Walsh J. Family in Walmart Melee Performed // The Arizona Republic. 2015. March 25. P. A8; Hutchinson J. Camping Ban Now Enforced at Cottonwood Walmart Store // The Verde Independent. 2015. March 27 // verdenews.com/news/2015/mar/27/camping-ban-now-enforced-at-cottonwood-walmart-st.

[Вернуться](#)

104

Статья была опубликована на: rvdailyreport.com/opinion/opinion-will-walmart-camping-become-thing-of-the-past.

[Вернуться](#)

105

Maas J. Meet Austin's 'Real People of Walmart' // KUT 90.5 FM. 2016. May 26 // kut.org/post/meet-austins-real-people-walmart.

[Вернуться](#)

106

Приложение по поиску парковок у Walmart:
allstays.com/apps/walmart.htm.

[Вернуться](#)

107

Тайный язык (состоящий в основном из геометрических символов) бродяг времен Великой депрессии. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

108

«Приключения Тиоги и Джорджа»: <http://blog.vagabonders-supreme.net>.

[Вернуться](#)

109

Блог Сью: rvsueandcrew.net/.

[Вернуться](#)

110

Старые блоги: rvsueandcrew.com; более свежие публикации: rvsueandcrew.net.

[Вернуться](#)

111

Когда я впервые посетила этот фестиваль в 2013 году, туда приехало около шестидесяти домов на колесах. Спустя четыре года, в 2017 году,

их число приблизилось к пятистам. *Прим. авт.*

[Вернуться](#)

112

Блог Джимбо: jimbojourneys.com.

[Вернуться](#)

113

Насколько мне известно, прозвище «город Amazon» для недолговечных поселений CamperForce впервые появилось в названии следующей статьи: Woo S. Welcome to Amazon Town // The Wall Street Journal. 2011. December 20. P. B1.

[Вернуться](#)

114

Carpenter S. What Happens When Climbing Bolts Go Bad? // Outside website. 2015. November 4 // outsideonline.com/2031641/what-happens-when-climbing-bolts-go-bad.

[Вернуться](#)

115

Man Charged with Starting Massive California Blaze // The Associated Press. 2015. August 8.

[Вернуться](#)

116

Amazon CamperForce Newsletter, June 2013. P. 1.

[Вернуться](#)

117

Amazon CamperForce Newsletter, March 2013. P. 1.

[Вернуться](#)

118

Amazon CamperForce Newsletter, April 2013. P. 1.

[Вернуться](#)

119

Часть материалов исследования складов Amazon изначально опубликована в моей колонке: With 6,000 Jobs, What Is Amazon Really Delivering? // Reuters. 2015. June 17 // blogs.reuters.com/great-debate/2015/06/17/with-6000-new-warehouse-jobs-what-is-amazon-really-delivering.

[Вернуться](#)

120

Часть материалов о системе слежения за сотрудниками в Amazon опубликована в моей статье: We're Watching You Work // The Nation print edition. 2015. June 15. P. 28.

[Вернуться](#)

121

Nevada Occupational Safety and Health Administration Inspection Report Number 317326056 (October 7, 2013). Материалы этого и других исследований предоставлены Федеральным агентством по охране труда и здоровья штата Невада в ответ на поданный в мае 2016 года запрос в соответствии с Законом об открытых отчетах штата Невада.

[Вернуться](#)

122

Wolf R. Justices Say Security Screening After Work Isn't Paid Time // USA Today. 2014. December 9 // usatoday.com/story/news/nation/2014/12/09/supreme-court-amazon-workers-security-screening/20113221.

[Вернуться](#)

123

Федеральное агентство по охране труда и здоровья штата Невада, отчеты № 315282491 (24 марта 2011 года) и 316230739 (7 февраля 2012 года).

[Вернуться](#)

124

Matt Foley, Motivational Speaker // Saturday Night Live, NBC, May 8, 1993.

[Вернуться](#)

125

Спрос среди американцев на секс-игрушки – судя по количеству и разнообразию фаллоимитаторов и анальных пробок, которые проходят через склады Amazon, – предмет восторга работников. Многие «игрушки для взрослых» упаковывают в черный пластик, как только те выходят с конвейера, но не всегда всё так гладко. Одна разгрузчица с радостью вспоминала тот раз, когда ей досталась коробка с шестьюдесятью фаллоимитаторами на присосках. Она расставила их всех стоймя по краям ячеек. «Когда кто-нибудь заворачивал в тот проход, то всюду видел только члены, – рассказывала она со смехом. – Конечно, мы ходили по складу и говорили всем: “Иди посмотри в секции C23!” Она могла бы испугаться, что эта выходка разозлит

менеджеров, но ей оставалось там работать две недели, что бы они сделали?» *Прим. авт.*

[Вернуться](#)

126

Record-Setting Holiday Season for Amazon Prime // BusinessWire. 2013. December 26.

[Вернуться](#)

127

Надежда Толоконникова – участница российской панк-группы Pussy Riot. *Прим. авт.*

[Вернуться](#)

128

White E. B. One Man's Meat // Harper's Magazine, May 1941. P. 665.

[Вернуться](#)

129

3626 по оценкам переписи населения в 2015 году, опубликованным на сайте factfinder.census.gov#.

[Вернуться](#)

130

Визит кузнеца в Кварцсайт: fulltime.hitchitch.com/dec2010-1.html; страница самого Джо Вакона: joetheblacksmith.com.

[Вернуться](#)

131

Контркультура, существующая примерно с 1970 года: свободное сообщество людей, частью странствующих, утверждающее, что у него нет лидера. Проводит ежегодные слеты на общественной площадке под названием «Радуга» (штат Орегон). Заявленная цель сообщества – мир и любовь на всей земле. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

132

Отзывы о блошином рынке (уже не функционирующем) на Yelp: yelp.com/biz/addicted-to-deals-quartzsite.

[Вернуться](#)

133

Graves B. Inside the Desert Bazaar – Quartzsite // Trailer Life, November 1999. P. 118.

[Вернуться](#)

134

Слова проповедника – из записи личного разговора при посредничестве Last Call Tent Ministries, 14 января 2014 года.

[Вернуться](#)

135

«Весенние каникулы для пенсионеров»: obsirius.blogspot.com/2009/01/like-spring-break-for-seniors.html.

[Вернуться](#)

136

«Палм-Спрингс для бедных»: Shaffer M. Snowbirds Walk on the Wild Side // The Arizona Republic. 2004. February 22. P. 1.

[Вернуться](#)

137

Godfrey D. Where Friends Are Like Family // My Public Lands: The Bureau of Land Management Magazine, Spring 2015. P. 26.

[Вернуться](#)

138

Знаки в пустыне: misadventureranch.com/winter07.htm.

[Вернуться](#)

139

Wolff H. Jr. Loners, But Not Alone! // The Victoria Advocate. 1988. April 17. P. 2; сайт группы, форма регистрации: lonersonwheels.com/membership-form.html.

[Вернуться](#)

140

Шутки про нудистов: комментарии в группе Кварцсайта в Facebook, 8 декабря 2016 года.

[Вернуться](#)

141

Woodsworth N. Flight of the Polyester-Clad Snowbirds // The Financial Times. 1997. March 8. P. 19.

[Вернуться](#)

142

Federal Writers' Project. The WPA Guide to Arizona: The Grand Canyon State. San Antonio, TX: Trinity University Press, 2013. P. 361.

[Вернуться](#)

143

Summerhayes M. Vanished Arizona: Recollections of the Army Life of a New England Woman. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1908. P. 138–139.

[Вернуться](#)

144

Weisbrode K. The Short Life of the Camel Corps // The New York Times. 2012. December 27 // opinionator.blogs.nytimes.com/2012/12/27/the-short-life-of-the-camel-corps.

[Вернуться](#)

145

Kilborn P. T. Where Scorpions Roam and Snowbirds Flock // The New York Times. 2003. February 10. P. A1.

[Вернуться](#)

146

Linthicum K. Keeping It Quirky // The Los Angeles Times. 2011. April 16. P. 1.

[Вернуться](#)

147

gjaarizona.org/Grand-Gathering.html.

[Вернуться](#)

148

Он не первый из обездоленных, кому пришла в голову такая мысль. В самую большую службу мониторинга бездомных на Гавайях в год поступает около 100–150 звонков и электронных писем «от людей, которые хотят быть бездомными на Гавайях». Так сообщил представитель местному репортеру. За последние годы количество бездомных выросло более чем на треть. Этот показатель выше, чем в любом другом регионе по стране. В результате губернатору пришлось ввести чрезвычайное положение, а мэр Гонолулу объявил «войну бездомным». За счет туристического сектора Гавайи инициировали программу отправки бездомных обратно на континент. *Прим. авт.*

[Вернуться](#)

149

wanderlodgeownersgroup.com/forums/.

[Вернуться](#)

150

От англ. needles – иглы. *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

151

Здесь и далее цитаты в переводе Н. Волжиной. *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

152

Роман неоднократно издавался на русском языке, например: Стейнбек Дж. Гроздья гнева. М.: Азбука, 2021.

[Вернуться](#)

153

Route 66, она же шоссе Уилла Роджерса, она же «Мать дорог» – одно из первых шоссе в системе нумерованных автомагистралей США, открыто в 1926 году. Тянется от Чикаго до Лос-Анджелеса. В 1985 году выведена из системы автомагистралей США, однако в некоторых штатах сохранена дорога под названием «Историческая автомагистраль 66». Любителям джаза и рока известна по одноименной песне Бобби Трупа (1946 год), которую исполняли многие звезды – от Ната Кинга Коула и Чака Берри до Depeche Mode и Aerosmith. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

154

Приглашение на РТР:
web.archive.org/web/20140112194330/http://www.cheaprvliving.com/gatherings.

[Вернуться](#)

155

cheaprvliving.com/tribe/report-winter-rtr-january-2014/#comment-10786.

[Вернуться](#)

156

Ovason D. The Secret Symbols of the Dollar Bill: A Closer Look at the Hidden Magic and Meaning of the Money You Use Every Day. William Morrow, 2016. *Прим. авт.*

[Вернуться](#)

157

Пост Ала Кристиансена:
rollingsteeltent.blogspot.com/2014/01/someone-asked-my-story-fool.html.

[Вернуться](#)

158

Wells R. How to Live in a Car, Van or RV – And Get Out of Debt, Travel and Find True Freedom. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. *Прим. авт.*

[Вернуться](#)

159

Пост Шарлин Сванки в Facebook, 13 августа 2015 года.

[Вернуться](#)

160

«Добро пожаловать» (исп.). *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

161

Гленн Моррисетт о песнях Eagles в Лос-Альгодонес: tosimplifyold.blogspot.com/2014_01_01_archive.htm; доступ по приглашению.

[Вернуться](#)

162

Блог Лавонн Эллис о ее первом РТР: completeflake.com/looking-back.

[Вернуться](#)

163

От собственного имени Лавонн и англ. van – автофургон. *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

164

«Земля приключений» (англ.). *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

165

Федеральное агентство по охране труда и здоровья штата Айова, уведомление о взыскании (16 августа 2016 года) по итогам расследования № 1154435; Hardy K. Worker Who Dies Was Just Six Days on His Job // The Des Moines Register. 2016. June 14. P. A4.

[Вернуться](#)

166

de Santillana G. Hamlet's Mill: An Essay Investigating the Origins of Human Knowledge and Its Transmission Through Myth. Nonpareil Books, 2015. *Прим. авт.*

[Вернуться](#)

167

Лавонн о прощании: completflake.com/the-down-side-of-vandwelling-is-saying-goodbye.

[Вернуться](#)

168

Один парень у общего костра на РТР пришел в ужас, когда узнал, что я не читала «Путешествие Чарли в поисках Америки»; на следующий день он пришел ко мне, чтобы вручить книжку в мягкой обложке. В число популярных в этой субкультуре литературных произведений также входили «Голубые магистрали» Уильяма Листа Хит-Муна, «Отшельник пустыни» Эдварда Эбби, «В диких условиях» Джона Кракауэра, «Уолден, или Жизнь в лесу» Генри Дэвида Торо и «Дикая» Шерил Стрэйд. *Прим. авт.*

[Вернуться](#)

169

Neary L. Amazon's Seasonal 'Workampers' Fill Holiday Orders // All Things Considered, National Public Radio, December 22, 2011.

[Вернуться](#)

170

Hall Bruzenak J. Great Expectations – Do You Need an Attitude Adjustment? // Workamper News, September/October 2013. P. 7.

[Вернуться](#)

171

Rorty J. Where Life Is Better: An Unsentimental American Journey. New York: Reynal & Hitchcock, 1936. P. 13.

[Вернуться](#)

172

Solnit R. A Paradise Built in Hell: The Extraordinary Communities That Arise in Disaster. Penguin, 2010. *Прим. авт.*

[Вернуться](#)

173

Космический корабль и машина времени. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

174

Этимологию некоторых из упомянутых здесь прозвищ вычислить относительно легко: Vanna White – в честь Вэнны Уайт, американской актрисы и телеведущей; DonoVan – в честь певца Донована; Vansion – van (фургон) + mansion (особняк), в случае же с другими всё неочевидно: Vantucket – возможно, от названия острова Нантакет; для Van Go можно придумать и не один вариант «расшифровки». Название группы Camper Van Beethoven – уже само по себе каламбур: camper van (дом на колесах) ее участники «склеили» с фамилией композитора-классика. А Джессика назвала своего «железного коня» в честь популярной в 1980-е хард-рок-группы Van Halen. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

175

Wells B. How to Live in a Car, Van or RV: And Get Out of Debt, Travel, & Find True Freedom. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. P. 88.

[Вернуться](#)

National Association of Dental Plans. Who Has Dental Benefits // nadp.org/Dental_Benefits_Basics/Dental_BB_1.aspx#_ftn1;

дополнительно – прекрасное эссе Сары Смарш о бедности, стигматизации и плохих зубах: Poor Teeth // Aeon. 2014. October 23 // aeon.co/essays/there-is-no-shame-worse-than-poor-teeth-in-a-rich-world.

[Вернуться](#)

177

Сеть кочевников: rvsingles.org.

[Вернуться](#)

178

Официальная группа Amazon CamperForce в Facebook:
<https://www.facebook.com/amazoncamperforce>.

[Вернуться](#)

179

Lander C. #128 Camping // Stuff White People Like. 2009. August 14 // stuffwhitepeoplelike.com/2009/08/14/128-camping.

[Вернуться](#)

180

Volpenhein S. Amid Sugar Beet Truck Accidents, Some Question Minnesota, North Dakota Regulations for Ag Drivers // The Grand Forks Herald. 2015. October 7.

[Вернуться](#)

181

Определение «такта»: ocw.mit.edu/courses/engineering-systems-division/esd-60-lean-six-sigma-processes-summer-2004/lecture-notes/8_1assembly_op.pdf.

[Вернуться](#)

182

Лавонн об ощущении отсутствия дома: completeflake.com/what-vandwelling-is-really-like.

[Вернуться](#)

183

Лавонн о неприкасаемых: completeflake.com/second-chances.

[Вернуться](#)

184

Издана на русском языке: Боулз П. Под покровом небес. М.: Азбука, 2015. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

185

Wells B. How to Live in a Car, Van or RV: And Get Out of Debt, Travel, & Find True Freedom. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. P. 6–7.

[Вернуться](#)

186

Nagourney A. Aloha and Welcome to Paradise. Unless You're Homeless // The New York Times. 2016. June 3 // nytimes.com/2016/06/04/us/hawaii-homeless-criminal-law-sitting-ban.html.

[Вернуться](#)

187

Cole C. Some Folks Camping Out for Life // The Arizona Daily Sun. 2011. August 9.

[Вернуться](#)

188

Urness Z. Trashing the Forest: Long-Term Camping Causes Environmental Problems // The Statesman Journal. 2016. April 19. P. D3.

[Вернуться](#)

189

Editorial, Trailer Lessons // The New York Times. 1937. May 4. P. 24.

[Вернуться](#)

190

Two Hundred Thousand Trailers // Fortune, March 1937. P. 106.

[Вернуться](#)

191

Slants // Automotive Industries. 1936. October 31. P. 564.

[Вернуться](#)

192

Блог Лавонн: completeflake.com/the-dreaded-knock.

[Вернуться](#)

193

Цитата в переводе Риты Райт-Ковалевой. Роман в этом переводе неоднократно издавался на русском языке – как отдельной книгой, так и в сборниках, например: Воннегут К. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей, и другие романы. М.: Художественная литература, 1978. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

194

Лавонн о Линде: completeflake.com/why-i-spent-the-day-at-the-laundromat-or-shit-happens.

[Вернуться](#)

195

Riley C., Sidner S., Burnside T. We Have Powerball Winners! // CNNMoney, January 14, 2016 // money.cnn.com/2016/01/13/news/powerball-winner-lottery.

[Вернуться](#)

196

Американская рок-группа, выступающая в жанре альтернативного кантри. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

197

Боб о своем будущем: cheaprvliving.com/budget/poverty-prepping-food-pantry.

[Вернуться](#)

198

«Ну здравствуй» (англ.). *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

199

«Горящий автофургон», отсылка к фестивалю Burning Man. *Прим. перев.*

[Вернуться](#)

200

Издана на русском языке: Белски С. Воплощение идей. Как преодолеть разрыв между видением и реальностью. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

201

Lacey M. Haboobs Stir Critics in Arizona // The New York Times. 2011. July 22. P. A11; Yonts D. Don't Call Our Dust Storm Haboobs // The Arizona Republic. 2011. July 16. P. B4.

[Вернуться](#)

202

Palmer T. A Town in Search of a Future // The Boston Globe. 1987. February 8. P. 73.

[Вернуться](#)

203

epa.gov/clean-air-act-overview/evolution-clean-air-act.

[Вернуться](#)

204

Peterson I. Acid Rain Starting to Affect Environment and Politics in West // The New York Times. 1985. March 30. P. 6; McCartney S. Country

Town's Air Goes up in Smoke of Copper Smelters // The Los Angeles Times. 1986. July 27. P. 2.

[Вернуться](#)

205

Last Copper Is Poured at a Polluting Smelter // The New York Times. 1987. January 15. P. A14.

[Вернуться](#)

206

Palmer T. A Town in Search of a Future // The Boston Globe. 1987. February 8. P. 73.

[Вернуться](#)

207

Brino A. Cochise Regional Hospital in Arizona to Close after Medicare Stops Reimbursements over Safety // Healthcare Finance News. 2015. July 29// healthcarefinancenews.com/news/cochise-regional-hospital-arizona-close-after-medicare-stops-reimbursements-over-safety.

[Вернуться](#)

208

Frohlich T. C. Going, Going, Gone: America's Fastest-Shrinking Cities // USA Today. 2016. April 8 // usatoday.com/story/money/2016/04/08/24-7-wallst-america-shrinking-cities-population-migration/82740600.

[Вернуться](#)

209

Henry B. Keeping Their Dream Alive // The Arizona Daily Star. 2008. June 19. P. E1; Hayostek C. Haunted Theatre a Success // The Douglas Dispatch. 2002. November 5; National Registry of Historic Places Nomination Form, July 30, 1976 // focus.nps.gov/nrhp/GetAsset?assetID=684cabb7-8870-4872-bffc-b0492928ffb6.

[Вернуться](#)

210

Trevizo P., Carrasco L. F. Artists Try to Help Paint New Future for Douglas // The Arizona Daily Star. 2015. December 19. P. A1.

[Вернуться](#)

211

Agents Find Drug Tunnel to U.S. // Associated Press, The New York Times. 1990. May 19. P. 7; Reel M. Underworld // The New Yorker. 2015. August 3. P. 22; Higginbotham A. The Narco Tunnels of Nogales // Bloomberg Businessweek. 2012. August 6–12. P. 56.

[Вернуться](#)

212

Duara N. Teen Drug Mules Are in for a Shock in Arizona; County Charges Them as Adults Instead of Freeing Them // The Los Angeles Times. 2016. May 3. P. A1.

[Вернуться](#)

213

Trevizo P. Beyond the Wall: Shifting Challenges on Rugged Arizona Line // The Arizona Daily Star. 2016. July 10. P. F9.

[Вернуться](#)

214

Houser D. Man in Sewer System Drops 55 Lbs. of Weed // The Arizona Daily Star. 2010. February 27. P. A9; Goth B. Creative Pot Smugglers Try 'a Little Bit of Everything' // The Arizona Daily Star. 2011. September 28. P. A1.

[Вернуться](#)

215

Последовательность чисел, в которой каждое следующее равно сумме двух предыдущих. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

216

Cheek L. W. Heritage Hotels: Time Stands Still at Four Historic Arizona Hotels Rife with Amusing Quirks and Characters of the Old West // The Los Angeles Times. 1992. January 5. P. L1.

[Вернуться](#)

217

Забавно, однако, что при этом название города (Tombstone) в переводе с английского означает «надгробный камень». *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

218

Книга с иллюстрациями Лары Ритчи опубликована: Ellis L. The Red-Feather Christmas Tree: A True Story. Adamant Ink Publications, 2016. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

219

Новые правила РТР: cheaprvliving.com/blog/rubber-tramp-rendezvous-schedule-2017.

[Вернуться](#)

220

Cohen P. A Bigger Economic Pie, but a Smaller Slice for Half of the U.S. // The New York Times. 2016. December 6 // nytimes.com/2016/12/06/business/economy/a-bigger-economic-pie-but-a-smaller-slice-for-half-of-the-us.html.

[Вернуться](#)

221

Gould S. J. Wide Hats and Narrow Minds // New Scientist. 1979. March 8. P. 777.

[Вернуться](#)

222

McElwee S. Three Ways Inequality Is Making Life Worse for Everyone // Salon. 2015. Friday, April 3 // salon.com/2015/04/03/3_ways_inequality_is_making_life_worse_for_every_one.

[Вернуться](#)

223

Inequality Update. Organisation for Economic Co-operation and Development, November 2016 // oecd.org/social/OECD2016-Income-Inequality-Update.pdf.

[Вернуться](#)

224

На данный момент лидеры по показателю социального равенства – Украина, Беларусь и Словения; «антилидеры» – ЮАР, Намибия и Суринам: indexmundi.com/facts/indicators/SI.POV.GINI/rankings.

[Вернуться](#)

225

Осьминог в кокосе, видео: facebook.com/LADbible/videos/2969897786390725.

[Вернуться](#)